Литературный КИСЛОВОДСК №83 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадь первая

ПОЭТЫ «ЗЕЛЕНОЙ ГОРЫ»

НАТАЛЬЯ РЯБИНИНА. Грустные песни / 3
ГЕННАДИЙ ТРОФИМОВ. Наедине с собой / 5
МАРГАРИТА ВИШНЯКОВА. Сон во сне / 6
ЕВГЕНИЙ ИНЮТИН. Необъяснимое... / 8
ВЕРОНИКА ГАБАРД. Русская... / 10
ВЛАДИМИР СМИРНОВ. На форсаже! / 12
ЮЛИЯ ЧУГАЙ. Свет юности... / 15
АНАТОЛИЙ ЛЕБЕДЕВ. Спасение – любовь! / 17
СТАНИСЛАВ ПОДОЛЬСКИЙ. Март, апрель... / 113

МИР МОЛОДЫХ

НАТАЛИЯ МАРТИНЕЦ. Пейзажи жизни / 21
СТАНИСЛАВ ЧУГАЙ. Боги и герои / 23
Я. ВЕТКИН. Околоточный Прунов / 26
ЕКАТЕРИНА КОПОСОВА. Дорога к дому... / 28

РОССИЯ. ЗОНА СВОБОДЫ

Современный русский свободный стих

ЮРИЙ КОЛЕНКО. В доме высоком / 30

Тетрадь вторая

ПЕВУЧЕЕ СТАВРОПОЛЬЕ

МАРИЯ КИРИЛЛОВА. Радости и печали / 32
МАРИНА ЛУНЁВА. Гляжу на мир... / 34
ТАТЬЯНА ТРЕТЬЯКОВА-СУХАНОВА. Баба феня / 36
ЛЮМА ГОДОВИКОВА. Тревожные годы / 39
СВЕТЛАНА НИКИТИНА. Колесо жизни / 41
ВЕРА СЫТНИК. Тёмушка / 43
АЛЕКСАНДР КВИТОК. Вот ещё прорицатель нашёлся / 48

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

МАРГАРИТА САМОЙЛОВА. Пропавший без вести / 52

ПАМЯТИ ПОЭТА

ЛЮДМИЛА СОКОЛОВА. Я к вам явилась, люди, не просить… / 56

Тетрадь третья

НАРОДНЫЕ СТИХИ И ПРОЗА

АНАТОЛИЙ ФИЛАТОВ. Родное! / 62
АННА УШАКОВА. Моя страна / 63
АЛЛА ЁЛКИНА. Пути-дороги / 64
ВЛАДИМИР ФАДДЕЕВ. Женщинам мира / 66
ВАСИЛИЙ ПОМЕЩИКОВ. Литературное объединение / 67

ПРАВОСЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ

ПЁТР САМАРИН. Крик! / 70

ПРИРОДНЫЕ СТРАНИЦЫ

ВАСИЛИЙ ПОМЕЩИКОВ. У леса тоже есть характер / 72
ПЁТР ЦЫБУЛЬКИН. Жертва статистики / 74
СТАНИСЛАВ ЧУГАЙ. Стрижи / 79, Шершни / 81

ИРОНИЗМЫ

АЛЕКСАНДР КВИТОК. Афоризмы / 82
СЕРГЕЙ СУЩАНСКИЙ. Зимние страдания / 84

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАНИЧКИ

КОНСТАНТИН ГАЛУШКИН. Птица-мысль / 87
ВЯЧЕСЛАВ КОЖЕВНИКОВ. Под небом голубым / 90
ИЛЬЯ МИКЛАШЕВСКИЙ. Мысли вслух... / 92

Тетрадь четвертая

РОДНЫЕ ГОЛОСА ИЗДАЛЕКА

ИРИНА БЖИСКАЯ. Свежие переклички / 98
ОЛЬГА БОРИСОВА. Дни и ночи / 99
НАТАЛЬЯ ФИЛАТОВА. Васильевская 13 / 102
АЛЛА КОБАИДЗЕ. Море любви / 106
ЕЛИЗАВЕТА ОЛЕЙНИКОВА. О Кисловодск! / 108
ИРИНА СНЕГОВА. Стихотворения / 110

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЭХО

ОКСАНА ПАВЛЕНКО. От «Окраины» – к центру»! / 96
МАРГАРИТА САМОЙЛОВА. О поэзии Геннадия Трофимова / 116
АЛЕКСАНДР КУЗЬМИН-СИМАХИН. О новеллах Подольского / 118
МАРГАРИТА САМОЙЛОВА. Памяти Н.А. Некрасова / 119

ПОЧТА «ЛК»

ИВАН АКСЁНОВ / 19 • АЛЕКСАНДР КУЗЬМИН-СИМАХИН / 27
ОЛЬГА БОРИСОВА / 31 • ВАСИЛИЙ ПОМЕЩИКОВ / 46
МАРГАРИТА САМОЙЛОВА / 55, 85, 93
НАТАЛЬЯ ФИЛАТОВА / 94
ЕЛИЗАВЕТА ОЛЕЙНИКОВА / 109

Северо-Кавказское издательство «МИЛ». Сдано в набор 10.02.2023. Подписано в печать 24.03.2023. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать ризография. Усл. печ. л. 7,75. Тираж 200 экз.

Наталья Рябинина,
член СП Москвы
Москва

ГРУСТНЫЕ ПЕСНИ

●

Слова потемнели и краски пожухли...
Но вижу насквозь. Ни туман, ни обман
уже не мешают.
Горячие угли
подёрнулись пеплом.
Наверное, дан
свой срок для кипения и для горенья,
для лжи, ярким солнцем
слепящей глаза, –
и для вечернего умиротворенья,
когда на глаза набегает слеза.
Сквозь оптику эту правдивей и глубже
я вижу прекрасный разрушенный мир...

Смиренная трапеза, право, не хуже,
чем в юности шумный и красочный пир.

●

Не о главном пишу – о мелочах,
о пустяках – молекулах жизни:
о комариных укусах, о забытых ключах,
о невыпавшем снеге, о дешевизне
нашей жизни в родном краю,
о рубашке, как кожа,
сроднившейся с телом...
Пишу, как хочу,
не добываю местечка в раю.
Занимаюсь бессмысленным делом?
Да кто меня слышит в плотной толпе –
смеюсь ли, горюю, иль плачу!
Пишу про себя, для себя, о себе.
И о Мире Большом впридачу...

●

И я не сумела прожить налегке –
в тепле и покое, в уюте и ласке.
Меня отвлекали тревожные краски...
И звёзды, мерцающие вдалеке...
И грустные песни...
И страшные сказки...

Меня донимала упорная мысль –
и словом царапала узкое горло.
Диктату судьбы подчинялась покорно.
И лишь забываясь, я падала ввысь –
в небесный колодец,
прозрачный, бездонный...

●

Мой лёгкий крест, какой же ты тяжёлый!
Прошу у Бога укрепленья в духе,
чтоб выстоять в сомненье и в разрухе,
в телесной немощи...
Пришёл ли
мой срок печально подводить итоги
трудов, стремлений и ошибок,
любовей, дружб?..
Извилист, зыбок
мой путь земной.
А времени потоки
вот-вот меня накроют с головою
и вынесут в пространство мировое.

●

Отрава лжи – куда ни посмотри!
Яд в роднике,
в любви, в печали, в дружбе...
Яд разъедает изнутри
лад бытия.
У дьявола на службе
и ржавчина, и ложь –
язвят со всех сторон,
и точат золото,
и сокрушают правду.
Порочна красота.
Невосполним урон.
Меж миром и собой
не возведёшь преграду.

Отравлен воздух –
незачем дышать.
Из облачка –
кислотный дождик льётся.
И комариный рой,
как бедная душа,
от матери-земли
никак не оторвётся...

●

Материя жизни ветшает и рвётся...
Сквозь дыры я вижу, как солнце смеётся,
как лезут наружу весенние травы,
как старость упряма,
как юность лукава...

Так горько, так сладко прощать и любить,
не помнить ошибок, обиды забыть
и видеть, как солнце иглой золотой
латает прорехи в холстине простой...

●

Прозрачная бесплотная весна.
Ажурно прорисованы растенья.
Воздушная голубизна.
Лиловые и голубые тени.

Горячий солнечный поток
на землю ждущую пролился.
И мотылька оранжевый цветок
на голой ветке распустился.

●

По-прежнему немощен, робок и стар...
Но в сердце – движенье,
и в мыслях – броженье.
Он нотную запись читает с листа
апрельского.
Верит в преображенье.
Читает зелёные знаки травы,
скрипичную партию пташки весенней,
органную музыку синевы,
басовую ноту шмеля...
Воскресенья
с недужной природой доверчиво ждёт.

Да, старость – не радость!
Весенняя сладость
горчит, и томит, и печалит, и жжёт...

●

Незабудкам место на фарфоре,
на старинном, звонком, дорогом...
Голубыми островками в майском море
незабудки обступают дом.

Яблони обильное цветенье...
Брызги одуванчиков в траве...
В сердце непонятное смятенье...
Майский ветер в голове...

Кто-то давний вспомнил обо мне...

СИРЕНЬ

И серая, и голубая,
лиловая – до черноты,
сирень, глухая и слепая,
спокойная – среди тщеты.
Ложится грудью на заборы,
выглядывает из-за углов.
К чему ей наши разговоры?
Она не разбирает слов.
К чему ей пёстрые картины
стремительного бытия?
Мы ей, наверное, противны.
Зачем ей видеть нас?..

А я
в её миндальную прохладу
хочу забраться с головой
и – стариковская отрада –
сродниться с вечною листвой!..

●

Маленькая летняя гроза
с настоящей молнией и громом
бедный сад заставила в слезах
трепетать и прижиматься к дому.

Серебро июльского дождя
на звездчатой зелени люпина...
Дождь, из сада в поле уходя,
выгибает радужную спину.

Под весёлой радугой-дугой
сад сверкает влагой самоцветной.
Ни одной тропиночки сухой!
Ни одной травинки незаметной!

Геннадий Трофимов 1932 – 2014*

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

●

Я не хочу, чтобы ветер
Строчки мои разносил.
Многие пишут на свете,
Много теряют сил...
А для чего стараться,
Чтоб ухмылялся свет?
Лучше в себе оставаться,
Не засорять газет.

Вечер звонит к отбою,
Всех загоняет спать.
Долго буду с собою
Наедине стоять.

С ДОБРЫМ ЛЕТОМ!

Опять знакомой тревогой
Наполнен весенний вечер.
Опять не в себе немного, –
Места вдруг не найти...
Значит – рюкзак за плечи,
Значит – снова в дорогу,
Значит – с попутным ветром
Который раз по пути.

И без конца и края
Лягут пути-дороги,
И под крылом замелькают
Тундра, горы, тайга...
С добрым летом, геологи!
Пускай никогда не смолкает
Тревога большой работы –
Жизни во весь размах!

ВЕЧЕР

В воде почти что по колени
Стоит ветла ко мне спиной,
И от дымящихся поленьев
Чуть горький дух берестяной.

Река исходит синим паром,
Стреляет щукой в небеса.
Опущена к воде устало
Ветлы зелёная коса.

Невидимой печальной стаей
Курлыканье плывёт вдали,
И потихоньку догорает
Пожар на краешке земли.

●

Носом дыши – всё пройдет:
Рот разевать не надо!
Бросили камешек в мой огород,
Камешек грусти – разлада.

Сколько там камешков этих, – сочти:
Можно мостить дорогу.
Я уже примирился почти
И привык понемногу.

Ведь трактом шествовать – не по нутру,
Но душа – по камням – не заблудит.
Как говорил Иисус Петру:
«Плюнь. И иди как люди».

●

Ночь на свете.
Тяжёлое небо.
Ничто не светит.
Ничего не было.
Было затишье.
Опять неустроенность.
Счастье, видишь ли,

** Геннадий Евгеньевич Трофимов родился 23.11.1932 г. Окончил Ленинградский горный институт. Автор немногочисленных, но пронзительных книг стихотворений. Общался и дружил с известными поэтами: Александром Кушнером, Владимиром Британишским, Глебом Горбовским, Андреем Битовым… Участвовал в знаменитых ленинградских литгруппах, которыми руководил выдающийся наставник литературной молодёжи Глеб Сергеевич Семёнов.*

На песке построено.
Опять же привычка –
Большое дело.
Сердце – затычка
В любое тело.

Дождь.
Для нагляда –
Сыро в глазницах.
Разве не надо
Представления в лицах?

Он и она.
Старо как мир.
Было как надо:
Жил. Любил.

●

Пустозвонства Родине не надо.
Жизнь – она не митинг, не парад.
Я не знаю, для какого ляда
Барды без умолку говорят.
Нам напоминать, пожалуй, не к чему,
Кто такие и зачем живём:
От зачатья с генами завещано,
С молоком проглочено живьём.

Но солиден, лют и озадачен
Прёт патриотизм дармовой.
И смеётся Родина, и плачет
Над его чугунной головой...

●

Я уйду в предрассветный туман.
Я уйду от печали былого.
Я уйду. Но за мною обман
По пятам будет следовать снова.

И опять остановка в пути.
И опять набираешься силы,
Чтобы снова достойно найти
Дорогих помышлений могилы...

Маргарита Вишнякова

Москва – Германия

СОН ВО СНЕ

ПОЧИТАЙТЕ!..

Почитайте мне стихи, почитайте,
О заботах и делах попричитайте.
Что смогу, Вам от души присоветую,
Хоть и не дал Бог ума, да я не сетую.

Ах, не надо свет гасить, ну пожалуйста...
Вы за чаем обо всём мне пожалуйтесь,
А вином не исцелить равнодушия,
Почитайте мне стихи – я послушаю.
В них про снежных королев
заколдованных,
Про царевен в темных башнях
закованных...
Красота! А что у нас? Однообразие,
Не любовь, а так – одно безобразие.

Почитайте мне стихи, почитайте!
Доброту свою другим доверяйте.
А дурных моих советов не слушайте,
Вот вишневого вареньица откушайте...
Я смотрю на Вас, такого хорошего!
Улыбнулись – и не надо мне большего...
Малость самую – стихи почитайте,
А потом уже к другим поспешайте...

10.12.80.

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

Песня

И повалил вдруг снег,
наивный и смешной,
В конце апреля он летел над миром,

Казалось, что нежданно подаренная лира
Мотив старинный вспоминает свой.

Казалось, будто ночь не убивает день,
И наша встреча будет бесконечной.
Вы рисовали веточкой мою смешную тень,
А я молила снег: «Замри навечно!»

Молила, чтоб бульвар не кончился метро,
И мы бы шли, о времени не зная.
Чтоб дома ждал камин и чай из самовара,
И колоколен дальних перезвон.

Летит над миром снег, наивный удалец:
Решил нас испугать последней встречей.
Летит над миром снег,
летит над миром вечер –
Любви несбывшейся последний сон...

30.08.81

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА!

Спи, родная, баю-баю –
На руках печаль качаю...
Одиночество с бедою
Пьют на кухне чай с халвою

Возвращаются с работы
Наши вечные заботы,
А за ними, как всегда, –
Старомодная тоска.

Телевизор смотрят страхи,
А из кухни охи-ахи –
Все во власти преферанса!
Лишь тоска поёт романсы...

Спи, родная, баю-баю! –
Сердцем слезы утираю.
В этом доме много лет
По ночам не гасят свет.

В этом доме много лет
По ночам покоя нет...

5.10.81

СВИДАНИЕ

Тогда нам было всё дано!
И всё потом осталось с нами,
Как будто радостное пламя
Нас согревая, обожгло.

И долгими казались лета,
Промчавшиеся будто день...
На потолок роняет тень
Твое лицо в полоске света.

Беседой грустно смущены,
И время тоже на исходе...
В моем сегодняшнем приходе
Повинна память о любви.

И прижимаюсь вновь щекой,
И так же отвечают руки,
И дивно-ласковые звуки
Мне напевает голос твой.

Бегу губами по лицу
Чрез столько лет на миг единый...
Ты всё такой же милый! Милый...
И я опять тебя люблю.

Ну вот и всё. Прощай, пока
На долгие лета-мгновенья:
И в горечи исчезновенья
Пребудет вечной красота!..

13.05.82

ВЕТЕР НАД ПРОПАСТЬЮ

Песня

Ах, какой ветер поднялся над пропастью,
Ах, какой ветер поднялся над крепостью,
Ах, какой ветер поднялся нал городом,
Где мы с тобою так славно бы зажили...

Ах, что за проклятье повисло над облаком,
Ах, что за проклятье повисло над улицей,
Той самой короткой и самой прямой –
Где мы так горько прощались с тобой...

Ах, как неловко бедой мы играемся!
Ах, как мы жизнью любимых балуемся!
Да где ж этот дом, на пороге которого
Мы повинимся да расцелуемся?..

И ах, что за дело до нас этой улице?
И ах что за дело до нас этой осени?
Только любовь в мире грешном останется...
Вот за неё с нас тобою и спросится.

Окт. 86

* * *

В.

Июнь на подходе.
Город в дожде.
Трамвай под окном
тишину прорезает.
А ты в удивленье
над старым холстом
Склоняешься,
чьи-то стихи напевая...

Ты будешь творить
мне неведомо что...
Но я так люблю,
как ты краски мешаешь –
По белому чёрным
проводишь черту
И чьи-то стихи
про себя напеваешь...

24.5.87

* * *

Чтобы лбом не расшибаться,
Надо дружно всем обняться,
Всем обняться – и парить!
Так гораздо легче жить.

Чтоб с тоски не удавиться,
Надо к Богу обратиться,
Потому что все на свете –
Мы его родные дети.

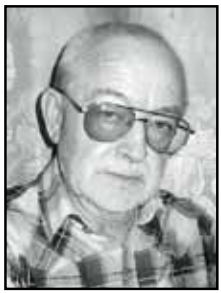
Чтоб обманом не прельститься,
Надо искренно молиться,
На ночь Библию читать –
Будешь крепко, сладко спать.

Чтобы сердце не болело –
Для души ешь – не для тела
И немного пей вина
Для услады быта, сна.

Чтоб не корчиться от боли
И с надеждой в сердце жить –
Надо мерить всё любовью
И любовью всем платить.

1996

Евгений Инютин
Кисловодск



НЕОБЪЯСНИМОЕ...

●
Когда на Бога «катят бочку»,
Быть равнодушным не могу!
Мертвеют авторские строчки:
Оставить Господа в долгу?

Постигнуть этого не может
Гордец, отмщением томим.
Прозревши, ужаснется: «Боже,
Я с чёртом путался самим!»
●
Вот слышу старушечий клёкот.
Казалось бы, это по мне:
«Стараться помедленней топать,
Покой обретая во сне».

Но вот не могу отчего-то
Такою дорогой брести:
В чести суета и забота,
А лидер – живительный стих!
●
Казалось бы – смерть
Избавляет от тягот и забот,
Но естество – противится.
●
Господи, небо-то какое!
Словами не передать!
●
Ускользнуло из сна
Что-то необычайное,
Необъяснимое, светлое...

ЖИЗНЬ

Опять ты бьёшь «не в бровь, а в глаз»,
По самому больному месту,
Когда так тяжело сейчас –
Заряжен день печальной вестью.

И лишь молитва шанс даёт
От беспредела защититься –
Слабеет накативший гнёт,
И встречные светлеют лица.

●

Лелеем город
Погодой летней
В ноябре.

●

Ни в чём не тянет
Разбираться досконально:
Просто живу.

●

Повеял ветерок –
И охватила умиротворённость.
Куда озабоченность подевалась?

ВО СНЕ

Всё чередом своим идёт.
Вдруг – прожитое только мнимость!
И замер времени отсчёт,
И жизнь тотчас остановилась...

Парадоксальностью суда
На этот миг заворожённый,
Зову минувшие года,
Но яви накрывают волны.

●

Только вы,
Листья опавшие,
Гасите сейчас тревогу...

●

И вновь возникло
Чувство благодарности
Всевышнему
За каждый миг прожитой.

●

То ли ветер завывает,
То ли старая армянка,
Сидящая на улице,
Поёт заунывно.

●

Вновь погрузился в чтиво...
Пора отвлечься мне!

Беру я пульт лениво –
Чего там только нет!

Ты, зомбоящик, снова
Исток страстей, вестей.
Но где живое слово?
Прогноз погоды слей!

●

Разыгрался аппетит
На чтение стихов.
Не переборщить бы!

●

Война на носу,
Нервы напряжены...
Побродил по саду-огороду
И как-то легче стало...

●

Слышу за спиной: «Па, па!»
Подумалось – дочь!
Обернулся – ворона!

●

Загадывать дальше не буду:
День прожит – спасибо на том!
Не встретил, к примеру, Иуду,
С удачей был близко знаком...

Быть может еще рановато
Былому итог подводить...
Да, всякое было когда-то...
Устал. Но так хочется жить!

●

Держусь за жизни естество,
А остальное – так, довесок...
Какое с чуждостью родство
Осталось в городах и весях.

И вот уже который год
Меня родное занимает:
«Он в изоляции живёт!» –
А это манит, вдохновляет...

Вероника Габард (Тарновская)*
Лунд, Швеция

РУССКАЯ...

ВЛАЖНОЕ НА ВЛАЖНОМ

Весенний день. Изменчивое море...
Я нарисую – влажное на влажном,
Ты будешь терпеливо, без укора
Смотреть мне вслед,
молчать о самом важном:
О том, как влажны трепетные руки,
Как влажен поцелуй –
когда нежданный,
Как влажен ветер, что приносит море
Невидимое, но давно как данность.
Как нежно влага напоит бумагу
Под кистью, как она проникнет в кожу,
Вселит покой в меня, в тебя – отвагу,
Как лист бумаги счастье подытожит...

ИТАЛЬЯНСКИЙ МЕСЯЦ

Мои волосы цвета пшеницы
И индейской масти лицо…
Поживем-ка с тобой с месяцок
Мы в деревне...

Да как не влюбиться
В тишину этих узких, нагретых
переулочков и площадей –
Сиротливых, пустых – без людей,
Лишь с оливой, до звёзд разодетой
В серебро, и с оркестром цикад?..
Будут даты мелькать невпопад,
Не советуясь с календарём.
Будем снова с тобою вдвоём.
Будет снова восход и закат,
ярко-розовый и огневой...
И промчится опять над землёй,
Много раз уже благословенной,
Итальянский наш месяц...
Бессменно
Станет дом нашу память хранить
И без нас потихонечку жить,
Как забывшая годы свои
Nonna, что не покинет скамьи,
Пока месяц не выглянет юный,
Пока ветер не высушит струны
Всех на свете забытых гитар,
Пока неба не стихнет пожар…

ДОМ – ШХУНА

Дом жил. В сплошные щели по углам
То свет сквозил, то Млечное сиянье.
Дом осязанием и обоняньем
Был старой шхуной, отданной морям...

Была команда шхуны начеку:
Пичужек хор в расщелине под крышей,
Кузнечик на стене, а в тёмной нише –
Домашний божка, мамонт на бегу –
Из белой кости, перламутра чище...

Мы были пассажирами его,
И, засыпая в крошечной каюте,
В глубоких снах всё добивались сути,
Не слыша, кроме моря, ничего.
И всё казалось, мощная волна,
Глубинной сутью шхуну освящая,
Поднимет нас с тобой к воротам рая,
Где музыка вселенская слышна...

ОЖИДАНИЕ

Ты спишь. Твоя подушка горяча,
И тяжесть растекается под пледом.
Округлость обнаженного плеча

** Родилась в 1963 году в Ленинграде. По образованию инженер-теплофизик. С 1998 года живёт в г. Лунд (Швеция), где преподаёт маркетинг в Школе экономики и менеджмента Лундского университета. Танцует танго, пишет стихи и рассказы. Дипломант международных литературных конкурсов. Автор книг стихов и прозы: «Преображение», «Мой Лунд дорогого изгнания», «Жизнь как танец» (на шведском языке) и «Опрокинутое небо».*

Соперничает с полнолунным светом.
За окнами колышется с утра
Луч солнца в такт отчаянной капели,
И веет свежим ветром со двора,
И шхунами вплывают в дом недели.
Мы ждём... Ждут пробуждения цветы.
Ждут первые дрозды набухших почек.
И ждёт земля, пока зимы пласты
не зазвенят ручьем февральской ночью.
И каждую минуту в тишине,
В глубокой тьме и бесконечной тайне
Вершится жизнь, невидимая мне,
Возникшая в тебе, как мирозданье...

РОЖДЕНИЕ

Вишневые деревья отцвели –
И ты родился! Это совпаденье?
То было почек смелое решенье
Принять всю боль мятущейся земли.
Принять всю боль... И щедростью цветов,
Нежнейшей пеной розовой окутав
Твою постель, опасть весёлой смутой,
Тебе готовя час, и день, и кров...

ВНУКУ

Пройдут ещё два года, может, три,
И станет мальчик с серыми глазами
Со мною говорить и называть
Меня – в глаза мне – бабушкой
и mormor, когда он будет брату и сестре
Показывать неведомые книжки
С царевнами, Емелей и Кощеем...
Мы за два года многое успеем,
Мы вместе одолеем языки,
Чтоб смог мой мальчик за руку со мной
С загадочной поговорить страной...

ПРЕМЬЕРА ДОЖДЯ

Пролилось небо долгою печалью,
Сметав закат живою ниткой ливней.
Дождь выступал всё громче,
всё картинней:
Он шёл на бис, дыша, –
прозрачной шалью...

Он удивлял, он замолкал внезапно
И снова опрокидывался оземь;
Я из окна разглядывала осень –
Дворового кота с промокшей лапой.

БЕЗ НАС

В лагуну вернулись рыбы,
в порты – дельфины,
И утки в фонтанах Рима
вовсю плескались,
И лебеди, словно в сказке,
скользили мимо
Пустынных прекрасных улиц –
себе на радость...
А человек взирал
с карантинной койки,
Как возрождалась умершая природа,
Все вопрошая: как, почему и сколько?..
Но ощущая холод и страх исхода.

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ХУТОРЕ

Когда день долог, светел и богат,
Как шах персидский, –
златом и коврами...
Когда ты не идёшь – плывешь лугами,
И мурава – от темени до пят...
Когда уже не надо изумрудов
И гиацинтов – их полно вокруг! –
И снова ты описываешь круг,
Речною свежестью
напившийся до блуда...
Июнь благословенен и пройдён
Уже почти совсем, но длится сон
И не смолкает старая запруда...

КВАДРАТУРА КРУГА

Пока мы живем на юге,
Пока мы в сетях Гольфстрима,
Пока дорогого друга
Так неповторимо имя,
Сентябрьские денёчки,
Прозрачные, продувные,
Вдвоем проведём и ночью
С постели в миры иные
Опять улетим. Ты, верно, –
В целованный солнцем город,
А я – протомлюсь бесцельно
И вспомню – то жар, то холод,
До боли родные стены,
Ободранные обои,
Невы разбухают вены
И тучи всё небо кроют...

Так тяжело отпускало,
Так глубоко бередило,

Смеялось в лицо оскалом
И жгло под рукой чернила.
Исписанные тетради
Ночами лежат спокойно,
Цветёт на балконе садик,
Ты рядом и дышишь ровно...

Вернёмся. Мы друг для друга
Всегда должны возвращаться,
Пока квадратура круга
Не сложится вдруг на части.

О ЖИЗНИ

Жизнь вернулась, и была причиной
Нам пока неведомая связь
Между зарожденьем и кончиной –
Тайных знаков призрачная вязь.

Были знаки эти в оперенье
Черной стали утренних дроздов,
В их веселом щёлканье и пенье...
Мир стал зелен, светел и готов
К чудесам – взрывной волне сирени,
Яблонь бело-розовой фате...
Жизнь вернулась, и в поспешной смене
Декораций были знаки те,
Что есть смысл в сплошном круговороте
Трав, цветов, животных и людей,
Жизни гимн слагающих на взлёте
И в падении – ещё сильней!

РУССКАЯ

Я уеду в Кальмар в первом классе.
В розоватой дымке снов и вишен
Город проплывёт. Наверно, лишней
Покажусь ему в рассветном часе,
Вечно молчаливой чужестранкой,
Дерзко попирающей граниты
Вековых соборов. Позабытой
Среди древней Свеи. Просто странной.
Языка хранительницей верной,
Суффиксов его и междометий,
Музыки совсем других столетий, –
Русской до последних суеверий...

НОВОЕ ИМЯ

Владимир Смирнов, член СПР
Феодосия

НА ФОРСАЖЕ!

ДВА СОРОК ШЕСТЬ

Ночь за окном. Два сорок шесть.
Достаточно. Наговорились…
Но не успел стихи прочесть,
Которые в душе хранились.

Ну что ж, отложим на потом,
До вечера иль до рассвета…
Когда пурпуровым цветком
Зажжётся дальняя планета.
Когда плеча коснётся грусть,
Легчайшая, как паутинка,
Тогда прочту я наизусть,
Как по щеке скользит слезинка,
Как счастье отчим уголком
То радует, а то неволит…

А в небе ангел тенорком
Прощение за падших молит.

Поэт, прозаик, журналист. Родился в 1961 году в Крыму. Член Союза писателей России, председатель правления Союза русских писателей Восточного Крыма. Автор сборников поэзии «Распахнула ресницы сосна», «Маршалам поэзии», исторической повести «Княжество Феодоро», сборников рассказов «Криминальный Севастополь», «Завещание Генриетты», «Вновь обретённая дружба». Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.С.Гумилёва (2020), член жюри поэтических фестивалей Республики Крым. Редактор альманаха «Литературная Феодосия».

СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ

На аллее старого парка
Под шептанье цветущих лип,
Где подковой выгнулась арка,
Я обрёл её прототип.

Образ светлый того рассказа,
Где бушуют любовь и страсть,
Где волнующе дышит фраза,
Где пуста и никчемна власть,

Прототип моей героини –
Так загадочен, так хорош!
Как мелодия Паганини,
Как букет из садовых роз.

Светлый образ шёл по аллее,
Мимолётно взглянув на меня,
Стала жизнь во сто крат милее
От внезапной вспышки огня…

АЛВАРД

В далёко-близком Кисловодске
Нашёл зимой цветок – Алвард.
И образ тот в живом наброске
Смог по крупицам разгадать.

Цветок подобен розе алой,
Средь гор живёт в тиши один.
Он ждёт любви, чтоб накрывала
Без всяких видимых причин…

МАСЛИНЫ ГЛАЗ

Маслины глаз крысиный
Из блюдца смотрит хищно.
В кафе на Карантине
Коньяк пью безразлично.

Вздыхает тихо осень,
Листву роняют клёны.
И год невисокосный
В глазах жёлто-зелёных.

Она сидит напротив –
За столиком соседним.
И вроде бы не против
Влюбиться беззаветно.

А на верхушках сосен –
Вдали, под самой горкой, –
На небе тает просинь,
Как я пред незнакомкой.

Маслины глаз крысиный
Мигнул нам симпатично.
В кафе на Карантине
Коньяк пьём романтично…

Вздыхает тихо осень,
Листву роняют клёны.
И год невисокосный
В глазах жёлто-зелёных…

НА ФОРСАЖЕ

На форсаже рванул в Форштадт:
Я сегодня хочу нафорштатиться.
Под колёсами камни визжат,
На душе и разлад, и сумятица.

Эй, таксист! Поднажми на педаль!
Оторвись от грунта щербатого.
Еду я на бард-фестиваль,
А ты лепишь мне тут горбатого!

Ждут меня сам Василий Ежов,
И сама Светлана Литвинова!
Да и сам я – писатель Смирнов,
Мне сегодня всё мандариново!

Буду пить и гулять до утра,
До белёсой зари сатиновой.
Под искристый шёпот костра
Буду слушать песни Литвиновой.

ПЛАТО ХУНЗАХ

Плато Хунзах, аул Цада –
Летят аварские слова,
Как путеводная звезда.
В высоком небе – синева!

Летят Расула журавли,
Как шумный белый водопад,
Что, оторвавшись от земли,
Поёт под звуки серенад.

В тени величественных скал,
Смотря на тлеющий закат,
Здесь клятву горскую давал
Аварцев сын – Хаджи-Мурат.

Летят аварские слова
В потоке северных ветров,
В ущелья, в чарах колдовства,
И в степи, полные цветов.

Живёт, живёт плато Хунзах
В сиянье дагестанских гор!
Убереги его, Аллах,
От распрей, глупостей и ссор.

ЦВЕТА КАЛМЫКИИ

Ковыль на сотни километров,
Ряды костлявых ветряков…
В степях хозяйничают ветры
Среди колючек и цветков.

Как долго тянется дорога…
Кивнул мне встречный водовоз.
Он так похож на носорога,
Бредущего, понурив нос.

Цвета Калмыкии далёкой
Мне стали ближе и ясней.
Просторы птицей желтобокой
Легли на лежбища камней.

Вдали, под горизонтом алым,
Звучит калмыцкая домбра,
И солнце гостем запоздалым
Желает мира и добра…

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Художнику Александру Меерсону

Они – живые, сочные пейзажи,
В них красок полутон и яркий свет.
Украсили б любые вернисажи,
Нисколько не нарушив паритет.

Экзотика восходов и закатов,
Гармонии природной торжество.
И плач дождей, и радуги соната,
Всё это Меерсона волшебство.

Морские волны, снежные вершины,
Шептанье трав и крики диких птиц.
Далёких звёзд мерцающих рубины,
Призывный вой тоскующих волчиц.

И горные хребты, что будто рядом…
И солнце, уходящее в зенит.
И ослик с умным и печальным взглядом,
И воздух так пронзительно звенит…

МАСТЕР РЕДКОЙ ПРОСТОТЫ

Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом…
Николай Рубцов

Он – мастер редкой простоты.
Души таинственной черты
Смог воплотить в своих стихах,
Пришедших в вологодских снах.

Он, превратившись, возрождался
И возвращался в отчий дом…
Любил, страдал и наслаждался,
Родной природою ведом.

Ах, как пронзительно лиричны
«Звезда полей» и «Сосен шум»!
И как завистники двуличны,
Когда возник рубцовский бум.

Себя особого, Рубцова,
Не стал придумывать Поэт,
Но вся Россия василькова
Хранит и чтит его завет…

Юлия Чугай
Кисловодск

СВЕТ ЮНОСТИ...

●

«А жизнь, как водится, прошла
И состояла лишь из детства»
И. Паньков

Мой старый папочка,
искалеченный войной,
уже не помнит войны.
Он не узнаёт дома,
который сам построил
и прожил в нём пятьдесят лет,
забыл имя жены и дочери.
Но он часто плачет о доме,
в котором родился,
о речке Куго-Ейке
и о маленьком мальчике,
«таком маленьком и живом»,
который в ней утонул
и спрашивает меня,
не помню ли я его имя...
Он говорит мне,
что кашляет оттого
что сидел на гребле
со своими друзьями
Борисом и Ваней Белецким
и, видно, простудился,
потому что был сильный ветер...
А потом он интересуется,
не видела ли я деда Шерстюка,
который работает в кузне,
и куда он что-то давно не заглядывал.
Но более всего
мой папа беспокоится,
целы ли его сапоги:
иначе на Куго-Ейку
ему придётся идти
босиком...

Январь 2006 г.

ИЗ ВАГОННОГО ОКНА

Толстозадые старушки
в цветастых платьях
усердно разрисовывают
склоны предгорий
красивыми чёрными квадратами
и прямоугольниками...

Карачаевские дети
весело машут руками
вслед убегающему поезду
как в старые мирные времена.

На кладбищах мусор сжигают,
хоронят и красят,
и снова хоронят:
видно, спешат убрать
всё мусорное и мёртвое
к празднику...

Ивы сушат на солнышке
свои длинные жёлтые волосы,
вымытые весенним дождём,
а корявые абрикосы
надели нежные платья розовые,
как юные девушки...

И в больной голове моей
туман рассеялся и проклюнулось
первое стихотворение...
Подождите!
Рано ещё камни разбрасывать:
время жизни настало!

10.04.2006 г.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ БАКАЯ

Где-то твоя одинокая могилка
заросла сорняком:
ведь ты повесился в 97-м...
А в памяти моей ты жив,
странный простодушный толстяк,
баптист, шизофреник, поэт.
Забрёл занять «рубчик»

на батарейки для VEFa,
чтобы слушать религиозные
проповеди «из-за бугра»...
Неуклюже топчешься
в крошечной прихожей,
а потом с удовольствием
пьёшь чай и читаешь свои стихи,
ожидая одобрения...
Назвал себя «одинокой веткой,
стучащейся в ночное окно»...
А вот и козья голова
выглянула из твоего блокнота:
щиплет травку и рассуждает с ней
о смысле бытия...
О чём думал ты угольной ночью
в далёком шахтёрском городе,
надевая петлю на шею?
Ты потерял веру в Бога,
и баптистская община изгнала тебя?
Или отчаяние одиночества
было сильнее веры?
Тебя нет, и мне горько думать
о твоей заброшенной могилке
и безрадостной нищенской жизни
на пенсию «по инвалидности»
в эти смутные годы
развалившейся бездарной страны.
Тебя нет, а мы пьём чай
и чавкаем иногда с аппетитом,
и даже бываем довольны собой:
ведь одинокая ветка
не стучится больше
ни в одно ночное окно –
её давно спилили
работники «Зеленстроя»,
отрабатывая свою зарплату...

●

Алая от маков степь
перед Старым Крымом...
Мне 10 лет и мы едем в гости.
Я ничего не знаю о Грине,
а он жил и умер в этом городе –
в своём загадочном Зурбагане.
И я смотрю в окно автобуса
на волнующееся от ветра алое море,
и восторг захлёстывает меня!
Потом мы возвращаемся в Феодосию
к холодному прозрачно-зелёному морю...
Я неуклюжа и худа, у меня ужасный
трикотажный купальник
оранжевого цвета.
Моя красивая и совсем ещё молодая мама
тоже в каком-то жалком тряпье,
а худенький полуслепой папа –
в чёрных сатиновых трусах...
А вдоль берега бродят прекрасные русалки
с алыми ногтями на пальцах ног –
я ещё никогда не видела такого чуда!
И мне слегка неловко перед ними
за свою невзрачность...
Но потом мы покупаем в киоске
прекрасный сувенир –
гипсовую Венеру с отбитыми руками
и заходим в просторную картинную галерею
посмотреть Айвазовского!
Я вижу совершенно живую морскую воду,
в которую хочется нырнуть!
Вот сейчас накатит девятый вал
и смоет весь этот глазеющий люд...
Сколько девятых валов
с тех пор пронеслось над нами,
а гипсовая статуэтка
всё ещё украшает родительский дом...
И в моём книжном шкафу
стоит собрание сочинений
Александра Грина.
И крымская алая степь
незримо связывает нас всех
и колеблется на ветру,
словно алые паруса юности...

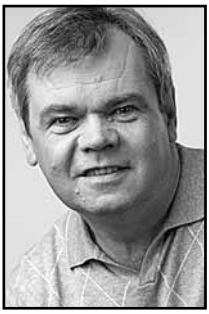
Май 2013 г.

●

Лето. Светлый полдень,
Солнечные блики,
На тропинке горной
Кустик ежевики.
И ручья живые
Струи ледяные,
И на сердце тихо
и легко впервые...

29.07.2018 г.

Анатолий Лебедев
Москва



СПАСЕНИЕ − ЛЮБОВЬ!

ЛЮБИМЫМ

Трудней всего писать любимым.
Они любимые и так.
И многое проходит мимо,
как незначительный пустяк.
И, вроде, можно не стараться.
Высмеивать и не ценить.
Нельзя к любимой придираться.
Нельзя за глупости бранить.
И лишь потом, когда ударит
наотмашь внешняя среда,
поймёшь, что безответно дарит
себя любимая всегда.

Прости укоры и насмешки.
Поверь, что это не со зла.
Бывает, ценишь «кириешки»
дороже общего узла,
который мы с тобой в дорогу
таскали много-много лет.
И разговаривали с Богом...
А без тебя и Бога нет.

Слова простые не годятся
для украшения речей.
Но Родиной всегда гордятся:
Ты здесь родной, а там ничей…

Трудней всего писать любимым.
Любовь – не мантия, а дух.
Душа живым необходима.
И о душе не скажешь вслух...

ОДНИ РАЗЛУКИ

Не привязывай навсегда:
Эти цепи тебя погубят.
Самолёты и города
молодых и голодных любят!

Только искры из-под копыт:
Вновь подкованы наши черти.
Кто сегодня с тобой не спит,
на стекле запотевшем чертит?

Оставайся. Тебя хотят.
Ты исчезнешь, что очевидно.
И ботинки не наследят.
И наследственности обидно.

Изменений боится раб,
а хозяину карты в руки…
Жизнь промчится – и цап-царап!
Что же было? Одни разлуки...

УТЕШЕНИЕ

Утешение шёпотом, шёпотом –
Только тем что осталось без сил,
Только тем что оправдано опытом,
Только тем что Господь попросил!

Наклоняя повинную голову,
Пусть я буду во всём виноват.
Мы то знаем, что в мире не здорово,
что злодеи отправятся в ад.

Я люблю тебя, тихая истина,
при любых обстоятельствах дня,
потому что иное немыслимо...
И я знаю – ты любишь меня!

СИРЕНЬ

Когда цвела персидская сирень
тяжелая, как гроздья винограда,
мы встретились, и притаилась тень
отважная моя с твоею рядом...

По-майски дождик налетел не в такт,
и светлое твое намокло платье.
Я был тобою очарован так,
что в мире прилагательных не хватит...

Укрывшись в нише старого дворца,
мы, как щенки промокшие, дрожали.

Молчали мы, чтоб гулкие сердца
не выскочили и не убежали...

БЫВАЕТ ЛЮБОВЬ

Любовь убивает подлость.
Любовь распаляет страсть.
Приходит любовь в негодность,
когда им дано совпасть.

Любовь не бывает серой:
Она как лесной пожар!
Не надо делить со стервой
свой самый священный дар!

Но с кем-то делиться надо:
Такая у нас судьба.
Бывает любовь – отрада.
Бывает любовь – борьба...

ОНА ЛЮБИЛА ЕГО ПО ПАМЯТИ

Она любила его по памяти:
И пальцы помнили, и глаза.
Парите вы или просто па́рите,
любовь – особая железа.

Она любила его по памяти –
В деталях, радости, воровстве.
Ведь если в памяти вы копаете,
любовь рождается в голове.

Она любила его по памяти,
А он то помнил, то забывал...
Не важно. Важно, что вы летаете.
И с вами он иногда летал.

ДВОЕ

Вечерний город сбросил сбрую.
Забыв про стыд и тормоза:
за поцелуем – поцелуи,
закрыв глаза, закрыв глаза...

Молчали в сумерках Плотинка
и мостик свадебных замков.
Был не финал, а серединка
того что делает любовь.

Плескалось время в сонной речке.
Вершила осень колдовство.
А эти двое на крылечке
не замечали ничего.

РОЖДЕНИЕ СЕМЬИ

Перегорела в лампочке спираль.
Не хочется чинить чужую душу.
Пропал восторг и свет. И очень жаль,
что в темноте сказать об этом трушу.

К чему слова? Я больше не вернусь.
Ложится тень на наши поцелуи.
И будет нас преследовать не грусть,
а сплетни несчастливых чистоплюев.

Мы разные. Привычки и дома.
Твой дом не признаёт чужую зрелость.
Ты в этом убеждаешься сама...
А лампочка взяла и загорелась!

ЛЮБОВЬ

Любовь поманит и польстит,
перевернёт и в пропасть бросит,
измены, ветреность простит,
а разлюбив, по полной спросит.

Сквозь запятые слёз плыви.
Любовь болит и заживает.
Когда откроешься любви,
то и любовь тебя узнает.

МЫ СВОРОВАЛИ ДВА ЧАСА…

Мы сворovали два часа.
Летали по обоям тени...
Лицо зарою в волосах.
Прижмусь сильней. Твои колени
упрутся мягко в мой живот.
Послушай, полежим немного,
покуда нежность в нас живет,
покуда знаем – всё от Бога.

Я ТЕБЕ ИЗМЕНИЛ

Я тебе изменил... Смешно...
Ты не знаешь об этом даже.
Мне бы как-нибудь смыться. Но
ты покупки свои покажешь.
Станем платье твое смотреть,
примеряя туфельки – с ложкой,
будет твой медальон хотеть
убежать к животу дорожкой.

Я тебе помогу опять
расстегнуть на спине замочки,
для того чтоб сильней обнять
от макушки до пятой точки.

Поцелую, любовь толчком!
Полетели, как капли в мае!
Я измену представлю сном.
Я люблю тебя: я же знаю!

СКУЧАЮ

Знаешь, я по тебе скучаю:
мы не виделись столько дней...
И когда я свет выключаю,
без тебя мне ещё темней.

Пробегают по стенам тени
и спасаются от машин.
Я раздавлен под той неделей,
когда вместе с тобой грешил.

Одинокое одеяло
не дает без тебя уснуть...
Мне тебя не хватило... Мало...
Не хватило совсем чуть-чуть.

ОРЕХ

Меня между делом обложишь:
мол я для тебя хуже всех.
Но знай – расколоться не может
терпения грецкий орех.

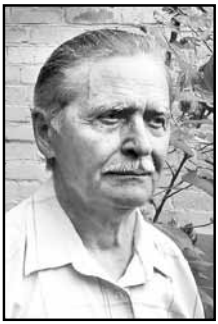
Оставь эти жесты для сцены.
Не надо крутить у виска.
Пойми, не вмещаются цены
в размер моего кошелька.

Мурлыкает кот бесполезный
под серый закат ноября.
Земля устремляется в бездну
по воле большого царя.

Присядь же ко мне на колени,
к щеке прикоснувшись щекой.
Послушай, отварим пельмени
пока я хороший такой!

ПОЧТА «ЛК»

Иван Аксёнов, член СПР
Новопавловск



О ЗИМНЕМ НОМЕРЕ «ЛК»

Вышел в свет 82-й номер альманаха «Литературный Кисловодск». Приятно видеть на его страницах опытных поэтов, чьё творчество давно полюбилось читателям. Некоторых из них уже нет среди живых, но они живы для нас своим творчеством. Есть и новые имена – поэты, которым хочется пожелать больших успехов в будущем.

Геннадий Трофимов, подводя итоги жизненного пути своего поколения, пережившего войну, ужасающую нищету и голод, гордится тем, что, несмотря на «болезни роста» и «эпохи крутые ступени», он «петлял не собачкой праздною, / А лошадкой рабочею». Немало невзгод довелось ему испытать в жизни, но не о себе говорит он: «Мы сначала вышли из народа, / А потом от народа ушли» – а о тех чиновниках, прежних и сегодняшних, что считают себя не представителями масс народных, а особым классом, стоящим над массами.

Наталья Рябинина опять (в который раз!) порадовала знатоков настоящей поэзии своими глубокими стихами, которые богаты точными и яркими образами. Читая их, чувствуешь, как утекает время, «забрав степное небо,

/ детство, / сусликов и кобчиков над ними». И от этого невольная грусть охватывает тебя, потому что всё это нередко переживаешь и ты, ибо никакими усилиями невозможно вернуть то что испытал когда-то в детские годы. Печально видеть изменения, происходящие с возрастом в твоём лице и теле, когда «развалины воздушных замков обратились в облака». И, тем не менее, она говорит, обращаясь к молодому поколению: «Охотно уступаю вам дорогу, / обид не замечаю, / не томлюсь ни завистью, ни злостью».

Евгения Инютина тревожит грызня чиновников и политиков, от которых народ не видит ничего, кроме вреда: «А они живут / Вопреки всему», – с горечью восклицает он.

Александр Волков видит образ любимой во всём: «В безумном танце буревого листопада / И в тонких линиях печального дождя», слышит её голос и хочет лишь её чувствовать и ею одной дышать. Его стихи наполнены большой человеческой любовью, и это выгодно отличает их от стихов и текстов песен многих нынешних авторов, где нет места психологии, зато физиологии – хоть отбавляй.

Изобразительны стихотворения Сергея Миронова.

Удивили меня сонеты Елены Резник («любовные акросонеты юности», как она сама их определила). Сонет сам по себе трудная форма, а чтобы написать акросонет, в котором из начальных букв каждой строки, прочитанных по вертикали, складывается имя и фамилия того, кому он посвящён, нужно особенное мастерство. А у неё таких сонетов в этом номере «ЛК» целых восемь!

Хороши стихи Анатолия Лебедева. Он пишет о человеческом достоинстве, которое надо сохранять до глубокой старости (стихотворение «Морщины»), и о том что главное для человека – понять свою роль в жизни.

Невольная грусть охватывает, когда читаешь стихи Светланы Гаделия. Её нет на свете уже три года, но она продолжает тревожить нас своими горькими мыслями об эфемерности жизни. И всё же, несмотря на печаль, она благодарна дому, в котором могла жить, в который люди вложили свой труд, чтобы он защищал жителей от всяческих невзгод. В жизни немало есть того что радует сердце: «рощ осенних рыжий мех, / роза солнца в небесах», «золотая нить любви».

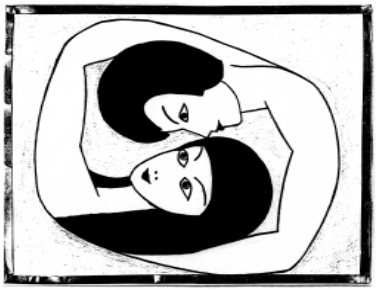
В разделе «Мир молодых» обращает на себя внимание творчество Натальи Мартинец.

Любовь Ализарчик пишет о любви к России, к населяющим её народам, среди многих из которых ей приходилось жить. Именно единство народов, их общая правда делают нас непобедимыми. Обращаясь к Родине, она пишет: «Мощь и силу твою, верю я, на века сберегут твои дети».

Вячеслав Кожевников, как всегда, опубликовал свои философские стихи, на этот раз четверостишия. Так и хочется привести несколько таких произведений, да место в альманахе ограничено. Приведу только один пример:

«Умирай, но поле засевай!»
Пусть не соберёшь ты урожай,
Но родятся люди, звери, птицы,
То что ты посеешь, пригодится.

А в общем, то что альманах продержался на свете так много лет, несмотря на все трудности, и продолжает привлекать новых авторов, дорожа и теми, кто давно уже сотрудничает с редколлегией, не может не радовать.



МИР МОЛОДЫХ

Наталия Мартинец

Химки

ПЕЙЗАЖИ ЖИЗНИ

●

Ступаю по узкой тропе...
Синь неба от края до края.
Родные пригорки, леса…
К берёзке щекой приникаю.

Одевшись в цветастый халат,
Здесь в детстве с крылечка сбегала…
Я любящий, трепетный взгляд
Всегда на себе ощущала...

Как добрый посланник небес,
Дед сад посадил… От порога
Взрастил виноград – под навес...
Все знали к той хате дорогу!..

И крепла лоза от жары…
Тяжёлые гроздья срывала,
Горячего лета дары
Из щедрой руки принимала…

●

Нине Ивановне Саницкой

Песня встречается с песней,
Кому-то жизнь продлевает.
По кругу стихи читаем,
Рука листочки сжимает...

Возьмите улыбку в пасмурный день,
Чтобы не растаяли крылья,
Когда отвернётся любимый…
Сынишка посмотрит через плечо…

Занесённая снегом музыка
Рассветной вьюги, быть может, сны?..
С Днём рождения, Нина Ивановна!
В веках не разминулись мы!

●

На необжитые вершины,
Где царствуют хищные птицы,
Незаметно проходят века, –
Всадники мчатся издалека...

Не оседлая у горцев порода –
Пришпорят коней, да в путь!..
Лишь бы солнечная погода –
Недосуг у очага отдохнуть.

Могут вмиг перемениться ветра,
Из ущелий наползёт сырость, мгла…
Со спусков нет обходных путей
По краю дремлющих пропастей…

●

Он подшучивал над её пугливой
Осторожностью,
Ласково смотрел подолгу
В глаза.

Минуты и часы плавились
Медовыми струями.
Вишнёвые полосы комнаты
Растворялись в бархате
Летних дождей.
Тела пеленала
Неведомая сила,
Дыхание замедлялось,
Растворялось на губах…
Стрелка приближалась
К пяти.
Он заботливо укрывал её
Одеялом.
«Полтора часа сна», –
Соглашалась она...

●

Их жизнь мгновенна –
Мимолётный кадр,
Им разделить погожий день
Друг с другом просто
Круженьем лёгким,
Незаметно, в такт,
Касаньем лапками
Ворсинок осторожно.
Дрожи, уют: вокруг
Белым-бело.
Для лёгких крылышек
В движенье – миг удачи!
Согревшись, бабочки
Взлетают над землёй,
Добычей став ветров.
Но им нельзя иначе…

РАЗГОВОР

Он, по привычке хитря, острил,
Переводил разговоры в шутку,
Галантно пепел острот крошил,
На стол бросал телефона трубку.
Чуть дрогнув, мускул лица застыл…
Глаза терзала обид прохлада.
Он ей о главном сказать забыл.
Не примириться им. Да и не надо...

КРАСНАЯ ГОРКА

Поправляя очки,
Дед газетку листает...
Соснуть бы часок…
Хмурит брови.
Не снимая калош,
По хате ступает.
Балалайка на гвоздике –
Три струны:
Вечерком, эх, заиграет!
Разбудит сладкие сны…
Если заброшен дом,
Двор порос сорняком...
Землю кому пахать?
В погребе сор убрать?
Кладбище пивником* зарастает,
Ярки к домам подступают...
Под луной дряхлеют колодцы…
Берёзки тянутся к солнцу...
Квасом пузатые бочонки полны!..
Яблочки мочёные, к столу, до весны…

** Пивники – цветы*

СКАЛА И МОРЕ

Облака плыли, нежным касаньем
Будто следуя гор очертаньям.
Танцевали стрекозы, мерцаньем
Оживляя природы дыханье.
Камни стыли, о скалы крошились,
Белой пеной волна разбивалась,
Одинокие брызги кружились,
В море медленно твердь оступалась…

СЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

В полях созрела рожь.
Стрижи летают низко
Над высохшей землёй.
Дремота разливается
По выцветшим оврагам.
Стадо тонкой вереницей,
Позвякивая колокольцами,
Бредёт домой…
В парящем зное мычат коровы,
Звякают ведёрки…
Всё стихает…
Полуулыбкой мягкой
Над огородами луна сияет…

●

КрАЗы, ползущие с грузами,
Суровость снежных вершин…
И вновь испытанье заносами.
Туманом сокрыт исполин:
Эльбрус надо мной возвышается,
Чтоб песней весь мир обняла.
Строка, как клубок, распускается –
Её для тебя сберегла…

●

Тридцать четыре в тени.
Подрагивают лягушата –
Путь далёк до воды.

●

Унылый двор под окном.
На месте вырубленного сада построен дом.
До глубокой старости не доживают в нём…

●

Одуванчики собирает малыш,
Чтобы понять, как свет обегает сад
По нагретой тропинке, пробуждая цветы.

●

Повздорили… Помирились...
Рябину стряхнули с ветвей…
Кружево песен свили несколько снегирей.

●

Когда скрипки вторят
вчерашним мотивам,
Сбиваются в узел тучи над миром,
Слово отыщет дорогу к свету.

НОВОСТИ

Вышла в свет книга стихов поэтессы из Минвод Светланы Никитиной «Счастливая женщина» (изд. «МИЛ», Кисловодск, 2023). Автор стихов Светлана действительно счастливая. И это не то счастье, что свалилось вдруг невесть откуда – незаслуженно (на халяву, как говорится). Светлана строила счастье – и саму себя – собственными руками, всей душой, работой творческого разума (но и прирождённая сила, красота, талант и удача не мешали!..). Необычайное разнообразие тем, настроений нашло отображение в стихотворениях книги. Вот только некоторые разделы: «Времена природы», «Высокий полёт», «Тени Востока», «Любимые заботы», «Свет вечности»...

Поздравляем Светлану Анатольевну Никитину с прекрасным дебютом в современной русской поэзии!

Редакция «ЛК», читатели, друзья.

Станислав Чугай
Каменское, Украина

БОГИ И ГЕРОИ (НА ЗЕМЛЕ)

СТОЯНКА БОГОВ

Посвящается светлой памяти моего научного руководителя, кандидата биологических наук, доцента кафедры зоологии Леонида Ивановича Тараненко и группе бродячих студентов биофака ДонГУ, которые в августе 1990 года совершили головокружительный поход – более 113 км. из Геничсска в Крым через пустыню – косу Арабатская Стрелка.

Из дальних странствий
домой возвращаясь,
Спеша, запылённые, в липком поту,
Шесть юных богов
на ночлег задержались,
И Зевс-громовержец – старец в цвету.

Лагерем стали они средь песков Сиваша,
На ветреном взморье у Меотиды седой.
Где киммерийские всадники скачут спеша,
Калёные стрелы пуская тугой тетивой.

Приняли трапезу боги –
жрецов воздаянье,
Кровь тучных быков
и амброзии благодать.
Сбросили туники ткань и доспехов сиянье,
В воду, как в шёлк, погрузились блуждать.

Грозные боги надолго остаться смогли бы,
Лишь ночесветок пугливых
в трепет вводя,

Что серебром рассыпались под ноги,
как рыбы
И разливались как искры живого огня!

Так ночь напролёт
совершали они омовенья,
Пили нектар,
сладкий дым гекатомбы вдыхая,
Но из пучины морской
уже встала младая,
Сияя перстами пурпурными
светоносная Эос.
21.12.2022-23.12.2022.

ЦЕЙ

Цейдон, Цейдон – звенит ручей,
Цейдон – бормочет речка,
Февраль – студенты едут в Цей –
Немного разогреться!

Перед ними пик Уилпата –
Сияет ледниками,
А стенка слева – Адай-Хох –
Высокий мрачный камень!

Застывший молча водопад
В лучах косых играет,
А под ногами чистый снег
Всё пледом укрывает.

Под вечер все живут мечтой,
Если в горах бывали,
Согреться водкой с колбасой,
А уж потом – дровами!

Ну, вот и он – второй кордон –
Возможность снять вибрамы.
Река Осетии – Цейдон –
Часть утренней программы.

Снег выпал с вечера вчера,
Чиста его страница,
Поставил подпись я с утра,
В след каменной куницы*!
09.01.2023.-10.01.2023.

** Каменная куница, или белодушка (лат. Martes foina), — хищное млекопитающее из семейства куньих (Mustelidae). Каменная куница населяет большую часть Евразии, от Пиренейского полуострова до Монголии и Гималаев, включая и Кавказ.*

ЧАЙ

Пачка Кенийского чая стоит предо мной,
Чёрного чая с шафраном
и ноткой мелассы.
Чай этот пахнет
как грудь африканки младой,
Как ароматная ночь,
воздух душной Момбасы.

Чёрного чая страны, где южнее на мили
Высится Кения-Маунт в короне седой,
Где племена говорят на банту, суахили,
Воды прозрачные к берегу катит Рудольф.

Чая страны, чьи дворцы
восхищали Пальмиру –
Ты восхищаться
дворцам-небоскрёбам изволь!
Васко да Гама
прошёл ради чая полмира –
Моряк, губернатор
и Индии вице-король.

Где tembo, kifaru,
и n`yati, и simba, и chui* –
Большую пятёрку зверей
можно встретить совместно,
Где женщины страстны,
нежны, горячи,
А золото, нефть и рубины –
лежат повсеместно!

** слон, носорог, буйвол, лев, леопард – на суахили*
28.10.022.-24.12.022.

* * *

Чернью по меди пылают осоки
В лучах восходящего Солнца,
Златом чеканным сияют руины
В лучах заходящего сердца!

И паутинки в росе – бриллианты –
Зябко дрожат на ветру...
Их бы согреть, но они филигранны –
Тонкие грани сотру!
11.11.2022-23.12.2022.

ТЕМНОТА

Темнота абсолютна,
глубока, как морок,
Как колодец иссохший в пыли.
Только шарканье ног
в глубине коридоров,
Только утлый фонарик вдали.

Свет без вести пропал
и удушен в изгнанье,
Между чёрных холодных стен.
Ночь и пустошь – какое разочарованье
Среди тысячи жизненных сцен..
16.12.022.-17.12.022.

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

Вильям Шекспир

СОНЕТ 66

Устав от жизни,
о спокойной смерти плачу, –
Чтобы не видеть доблесть в нищете,
И праздник вечный баловня удачи,
И веру чистую, распятой на кресте,

И честь лжецу в фальшивой позолоте,
И истины неправедный позор,
Невинность девичью
растоптанной в блевоте,
Бессильной власти силе приговор!

Удушенное цензором искусство,
И правду, что зовётся простотой,
Тупую глупость, вместо чувства,
Добро с больною головой:

Устав от этого всего, хотел бы я уйти...
Но как оставлю я свою любовь в пути?
29.11.2022-05.02.2023.

СОНЕТ 27

Уставши от трудов,
спешу к своей постели,
Простому месту отдыха
в пути уставших ног;
Но в голове моей светло
и мысли полетели,
Чтобы работал разум,
коль я телом изнемог;

Тогда мой разум, где б он ни был,
издалёка,
В благочестивый хадж к тебе уходит,
И вновь глаза мои, открытые широко,
Глядят во тьму, что за собой уводит.

Твой образ, что живёт в моей душе,
Во тьме как будто тень ко мне приходит,
Как бриллиант, сияющий в ночи,
С лица прекрасного морщины сводит.

Так днём мои конечности, а ночью разум
Тебе и мне покоя не дают.

Роберт Фрост

ЗОЛОТОГОЛОВЫЙ ПЕВУН

Вот тот певец, что летом каждый слышит,
В средине лета им кустарник дышит,
И даже дерево стволов
Звучать он заставляет вновь.
Поёт он, что уж листья стары
И нет нектара у цветов,
Весна придёт... лето в разгаре,
Но три сезона подождём.
Когда цветенье груш и вишен
Прошло под проливным дождем.
Он говорит, что облетели
Дождливым утром лепестки,
Он говорит, что пыль дороги
Иссякла, лету вопреки.
И даже солнечные дни
Затянет тучка на мгновенье;
Ступает осень на порог,
И мы зовем её «паденье».
Певун умолкнет, как другие птицы,
Но в песне вещей лето не продлится,
Вопрос, который в воздухе витает:
Что делать если лето убывает?

Джон Донн

ИДИ ЛОВИТЬ ПАДУЧУЮ ЗВЕЗДУ

Иди ловить падучую звезду,
Заделай сына корню мандрагоры,
Скажи, куда девались жизни годы,
Или кто чёрта уязвил в пяту,
Учи мой слух понять русалок пенье,

И не сгорать от зависти с шипеньем,
И ветер парусом найти,
Чтоб мудрость снова обрести.

Коль рождён ты для чудес,
Зришь незримое в ночи,
Десять тысяч дней скачи,
К снежной старости с небес,
А вернешься, то поймёшь,
Что назначены судьбой,
Все те дива, чудеса,
Что произошли с тобой.
Для каких бы для чудес
В мире не был ты рождён,
Но клянусь, в природе нет
Верных, справедливых жён.

Вдруг найдешь её – дай знать,
Как бы сладок ни был путь,
Мне б его не начинать,
Я присел бы отдохнуть;
Хоть быть может, вот облом,
Встреча ждёт нас за углом;
Пусть она была верна,
Когда встретил ты её,
Наконец скажу, пока
Ты писал письмо своё,
Все же она будет лгать,
Как вернусь, домой я в пять.

Я. Веткин
Новочеркасск

ОКОЛОТОЧНЫЙ ПРУНОВ

Околоточный Прунов был человек государственный, положительный, знал себе цену, ходил пузом вперед, говорил натужливым басом, ругал жидов за «неопрятность, скаредность и заносчивость», любил, поучать подопечных дворников и городских проституток. Только с начальством он както смущался, скромничал и переходил на скрипичный дискант, если приходилось докладывать по службе.

Сынок Прунова – Прунов Второй унаследовал не только хату, сад с огородом, но и характер отчий. Служил в Красной армии денщиком у начальника снабжения, ходил пузом вперед, говорил басом с рядовыми красноармейцами и флейтой с начальством, бранил евреев за «порхатость и что лезут в руководство», короче, был человек вполне государственный. С однополчанами, бывало, «рубили белых шашками на скаку», рассказачивали и раскулачивали односельчан.

Были отсюда, правда, у него и некоторые расхождения с родителем. Встретятся, бывало, ёще при жизни батьки, за щирым столом, выпьют горилки, то есть натурального самогону-первача, уйдут подальше, на край огорода и ругаются до багровости в лицах. Один хрипит: «Вот было время! Вот была страна! Вот был порядок! Главное для нас: самодержавие, православие, империя!» Другой рычит: «К чертям! Главное для нас: государственность, партийность, интернационализм /а не космополитизм сраный/!» Наорутся, вернутся в хату хмурые, выпьют на посошок – и умчится Прунов Второй по своим государственным делам. После демобилизовался, притих. Помер управдомом.

Но всех в роду превзошел внук, Прунов Третий. Был он с молодых ногтей правильный человек: сначала звонкий командир октябрятской звёздочки, потом председатель

совета отряда пионерского, затем ведущий комсорг в лит. институте. Как раз потребовались власти идейные люди в литературе. Активничал, подписывал призывы, громил с трибуны подражание гнилому западу. Водил, в частности, будущих «инженеров человеческих душ» бить стекла дачи отщепенца Пастернака. Позже, созрев и оформившись, слыл идейным вождем, плодовитым поэтом. Выпускал в год по книге. Получал квартиры вне очереди, пайки и премии. Ездил за рубеж представлять на всемирных форумах настоящую нашу идейную молодежь. Наставлял, порицал, одобрял. Ходил пузом вперед. Слыл будущим классиком. Проще говоря, был человеком государственным. Само собой, сотрудничал с органами как ответственный гражданин. Возглавил наконец областную пис.организацию. Любил громогласно и веско поучать робеющих литераторов, но полностью терял голос при высоком партийном начальстве.

Помереть не успел в чинах и звездах – как мир, похоже, перевернулся, то есть вернулся вдруг капитализм. Исчезли доплаты и пайки. Разорились гос.издательства: всюду волчьи законы наживы. Поблёк, было, Прунов Третий, ушел с Поста, запил по-чёрному. Набравшись отечественного самогону, пристрастился проклинать деда, отца, даже и «мать твою» за то что всё развалилось...

Но тут вдруг новый поворот в событиях вышел: самоуправление как-то сверху восстановили, отделили муниципальную полицию. И радостно поступил Прунов Третий участковым /по старому, околоточным/ в родном поселке. Пить на службе бросил. Налился в теле. Снова ходил пузом вперед. Поучал дворников и мелких торговцев, а также путан – надтреснутым басом. Ругал жидомасонов за то что «Россию продали, купили и рвутся теперь к мировому господству».

Вот тут-то круг и замкнулся. Выяснилось, что ничего в мире, в сущности, не изменилось, что это всё тот же Прунов, только бессмертный.

ПОЧТА «ЛК»

Александр Кузьмин-Симахин
Ессентуки

ОБ «ЛК»-82

Раздел «Мир Молодых». Композиция стихотворений Наталии Мартинец. Всё – загадка – редкостный дар медитативной лирики, дневник-ночник любви, которая случается один раз в жизни... Это её видение удивительных подробностей бытия, откровение одухотворенной жизни птиц, когда всем сердцем в мире и природе, а они в нем, от древней Руси до мгновения счастья настоящего...

Новая подборка Я. Веткина из Новочеркасска. Начало ошеломляет живописью подвижнической жизни, органным многоголосием, джазовой импровизацией и пиршеством метафор, вдохновленных Солнцем.

Рассказ Анатолия Крищенко, в традиции старой доброй фантастики, увлекателен и остроумен.

Поэты «Зеленой Горы» – это, можно сказать, марка альманаха «Литературный Кисловодск». Кто хоть раз напечатал свои стихи в этом разделе, может быть спокоен: его имя – уже в мировой Антологии Облаков!..

Геннадий Трофимов. «От восхода до заката». Мужественная поэзия землепроходца, матёрого геолога. Каждое стихотворение – горячая запись опыта жизни, которому можно доверять. Он один из «маяков» поэзии нашего Севера.

Совершенно оригинальна философская лирика Натальи Рябининой – «Часы без стрелок» – с естественной метафоричностью природы, бездонного, необъятного потока Жизни... Матери Волги. В ней спокойно воплощается лирическая героиня небес и земли...

Елена Гончарова – «Читай меня...» – и ты очутишься на празднике стихорождения в размеренных и свободных ритмах, с полнозвучными рифмами, дарующего открытия человеческого космоса, сокровенные воспоминания о потерянном рае детства в семейном круге...

Среди богатейшего горно-поэтического ландшафта самобытных авторов, хорошо известных и не очень, в ЛК-82 появилось новое имя. Александр Волков. «Счастлив». Каждое стихотворение – шедевр совершенно своеобычной сверх-метафоричной поэзии в преображенном мире, где поистине «всё во мне и я во всём». Спонтанные стихи. Чувства и мысли в ритмах любящего сердца, с жизнетворным, бытийным простым словарем, в котором каждое слово переполнено сиянием. Не знак ли это начала возрождения на новом витке вселенского Романтизма, пробуждающего человечество.

Станислав Чугай вдохновляет стихотворением «Маки». Истинная жертвенность призывает всех жителей Земли жить по-человечески и дарит нам надежду на Спасение.

Астры Станислава Чугая – натюрморт последней любви, последней войны – обжигает... Крепкое творческое рукопожатие Станиславу.

«Твоя золотистая кожа...» – сны юности, алмаз в оправе юношеских чувств, живой памятник богине Земли – волшебство и совершенство...

Блистательное исследование Маргариты Самойловой трагической судьбы А. Н. Радищева и его «Путешествия из Петербурга в Москву». Я вдруг увидел в словах «товарища трактирного обеда» замечательную апологию верлибра и белого стиха, полемизирующую с Ломоносовской школой верметра и рифмы. Читаешь статью с наслаждением: столько интереснейших подробностей, цитаты, как добрый глоток мадеры, отменный анализ и классически объективные выводы. Восхищен глубокой чистотой крупной жемчужины.

Екатерина Копосова
Кисловодск

ДОРОГА К ДОМУ...

ТЕБЕ

Недосягаемый!..
Не посягаю тебя стереть
с восторженных страниц
мгновенных дней,
где счастие – загадка...
Но чем же были те живые дни?!
Под солнцем таял
тёплый снег надежды.
А осень снова веяла весной...
И счастье было горем неизбежно.
И мир сиял любви голубизной.

И всё же в чувстве я была ребёнком.
И, как девчонка, тешила себя.
Мечта погасла паутинкой тонкой,
Сокровище в душе моей губя.
Ты был – чужим.
И я переболела.
И замолчала музыка.
И свет
Погас однажды.
Радости и беды
обыденными стали.
Судей нет.
Не обессудь! Не ведаешь, не слышишь...
Как Бога, вспоминаю невзначай
тебя...
Опять весна цветёт над крышей.
Иль светит осень красного плюща...

90-е годы

ЛЮБИМЫМ ПОЭТАМ

Мне не расстаться с этими стихами!
На цыпочки вставать – не дорасти.

Как будто слово трогаю руками.
Поранив, вздрогну и скажу: прости!..

Мой храм земной! Нет радостнее веры!
Богослуженье воздаю любви.
Одной лишь ей. Не ведающей меры,
Воскресшей фениксом из пепла и крови...

Мне жить и умирать в пути познанья!
В движенье губ Вселенную прочесть...
И, ощущая музыку дерзанья,
За каждым звуком слышать:
Чудо есть!

СТАРИННАЯ ВЕСНА. УЛИЦА КРАСНОАРМЕЙСКАЯ

От каши снежной подниму глаза.
Свою дорогу сами знают ноги.
А небо – палевая бирюза!
И над землёй озябшей неба много!..

В усталых переулках мягкий свет
Струится так скрипично и упруго.
Балкон ажурный – будто длань, воздет...
И в мире нет намёка мысли грубой.

Вот из-под арки выскочил малец,
Похож на моего.
И мне приятно.
Иду домой.
И струны тополей
Слегка звенят под вздохом ветра мятным.

90-е годы

ДОРОГА К ДОМУ ТВОЕМУ. ПРЕДЗИМЬЕ.

Танзиле

Как будто жизнь назад
По этой шла дороге!
Вот детский сад,
И горные отроги

Вдали, знакомый вид...
Но свет иной и воздух!
И сердце норовит
Осилить мир тревожный.

Берёзок тонких вязь,
Тепло воспоминаний...
Времён ослабла связь.
Ах, что же стало с нами?!

2003 г.

* * *

Время – это та ноша,
которая должна быть сброшена.
Д. Дидро.

Эта комната пахнет солнцем –
Значит, детством, его тоскою.
Обмотаю я полотенцем,
Вымыв голову...
Что ж такое?

Не избыты мои печали.
Жизнь...
Точней, её оболочка,
Эфемерная изначально,
Окончательно сгинуть не хочет...

2003 г.

ВЕЧЕР В МАЕ

Сырая жизнь, надкушенная звучно,
Как будто в детстве яблоко, свежа.
И рядом – сын,
мой спутник самый лучший.
Растёт его наивная душа.

«У-бу а-ну!..»* –
расцвёл порыв ребёнка.
Похож на сказку этот белый свет...
Где в ясном небе светит месяц тонкий,
А ветер замер в сумрачной листве...

И в белых «свечках» тёмные каштаны.
Вот мостик наш и речка. Нам домой
пора... И сердце замирает странно.
От сказки мира страшно мне самой...

90-е годы

* *«Люблю луну!»*

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ СВОБОДНЫЙ СТИХ

Юрий Коленко
Турксад

В ДОМЕ ВЫСОКОМ

●

Нельзя не любя жить,
стоять на земле обеими ногами,
решительно утверждать,
дело делать...
А природа мила – та что подругу взрастила,
небо, в её глазах засеревшее,
вишни спелые – губы,
И весна её с подснежниками
первых ударов сердца,
с дикими анемонами
ночных касаний,
И лето её с душистыми травами
ласковых рук,
и желтеющими полями
хлеба-счастья,
И осень её будет красива,
и зима торжественна
и матерински прекрасна,
И только с ней суета людей
станет понятна и необходима нам,
только с нею, с любимой!

●

Любовь: двое,
Краткие, важные речи.
Постороннее слово
Отправляет в ссылку,
Ломает жизнь.
Хор зрящих
Дружно вздыхает: о-о!..
Двое стоят у калитки
Или на краю села.
Слова тяжёлые,
Будто пчёлы с цветка,
Редко слетают с уст.
Думалось глубоко
С вечера до утра
И до ночи снова,
И собрались подумать
Рядышком.

Тишина светится
Белой вишней,
Черёмухой пахнет,
Веет розовой яблоней,
Прозвучит иногда слово,
Спелое и цветущее,
Стогранное и мерцающее,
Сочное, сильное.
Думы кутают их,
Тяжелеет лоб,
Помнится в этот час
И мечтается,
Начинается жизнь вдвоём,
Осторожная, безобидная,
Важная и степенная.

●

Стихотворение –
Плод сдержанного нетерпения –
До гармонии...
Укрощённая тигрица,
Неистовства
Бешеная кобылица –
Обузданная.
То что мигом снится –
Растянутое
И пересозданное.

●

Человек глубок,
Загадочен,
Неисчерпаем...
Но что мы в нём ищем?
До чего докапываемся?
Спрашиваем:
Почему не любит меня она?
Удивляемся:

Уж не выпал ли он из времени?
Биология против него
И экономика,
Пошляки-приятели
И мучитель-ум...
Но за него тело,
Рождающее сыновей,
Труд возвышающий, совесть,
Опора друзей,
Вековой обычай народа,
Помощь рассудка трезвого
В деле умело жить,
Дом построить,
Детей вырастить
И сад посадить
Для внуков...

●

Н.

В доме высоком,
В розе ветров
Живёт молоденькая девушка.
Слева синеет Днепр,
А справа город
На холмах высоких.
Она бы хотела во дворе бегать,
Ходить с подругами по улицам,
Но может лишь стаю мыслей
Выпустить – голубями по свету.
Жизнь города
Кажется ей прекрасной
И обещает любовь!
Не пролетит мимо
Тёплый ветер добра,
Дохнёт ей лаской в лицо.
Жить – значит заглядывать
В даль душой,
Лучи любви протянуть к другу.
Трудно из комнаты выйти.
Но легко улетает сердце
За тридевять земель –
К близкому человеку –
Тайна, известная всем –
По свету в глазах, по задумчивости
И всплескам радости.
Жизнь кипит во сне,
Притихает в заботах – днём, наяву.
Ожидание без печали,
Вера без облачка,
Перелёт чайки с волны дня
На волну завтрашнего...

ПОЧТА «ЛК»

Ольга Борисова
Самара

О НОВЕЛЛЕ СТ. ПОДОЛЬСКОГО «В ЦЕПЯХ ЗВЕНЯТ»

Необычайно сильное впечатление производит рассказ Станислава Подольского «В цепях звенят». Самобытный, ни на что не похожий, он целостен по композиции, богат метафорами, наполнен живыми образами. Смысл рассказа глубоко философичен: в некоем городе в результате произошедшей мутации животные становятся человекоподобными и занимают в обществе главенствующее место. Деградировавшие люди превратились в служебных зверьков, «животных людей», оказавшись в подчиненном положении, но отнюдь не опечаленных этим. Написанный прекрасным языком, этот рассказ с фантастическим сюжетом и встроенной интригой встает в один ряд с произведениями Гоголя и Кафки. Рассказ «В цепях звенят» не забудешь, закрыв книгу – он заставляет лишний раз задуматься о том, чем чревато бездумное отношение к культуре, чести, образованию, человеческим отношениям, к чему могут привести богопротивные научные эксперименты, которыми охвачен сегодня весь мир.

ПЕВУЧЕЕ СТАВРОПОЛЬЕ

Мария Кириллова, член РСПЛ
Кисловодск

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

●

И из сотен людей
Мы находим друг друга.
Даже если вокруг
Непроглядная мгла...
В круговерти снегов
Сумасшедшая вьюга
Нас водила по кругу,
Все сметая дотла...

Разве есть в мире сила –
Кто может ответить? –
Чтоб могла помешать
Этой встрече сердец?
Вот и миг на сегодня
Назначенной встречи,
Вопреки всем преградам,
Свершает Творец.

Это сон или явь,
Это день или вечер?
Вдруг вокруг разноцветьем
Зажглись фонари!
То ли молния брызнула,
То ли плавятся свечи –
Непроглядную тьму
Радугой расцвели...

ОСЕНЬ В ДОЖДЕ

Торопливый мокрый дождь
Барабанит по асфальту,
Будто трепетная дрожь
Гладят лужи чьи-то пальцы.
Листья пламенной волной
Расплескал осенний ветер.
Красотою неземной
Остановлено мгновенье.

Ствол берёзовый огнем —
На маяк в ночи похожий —
Светит в сумраке ночном
Заблудившимся прохожим!
Мокрый город, мокрый парк
Мне родны до изумленья.
Не нарадуюсь никак
Жёлто-красной каруселью.

Лёгким вздохом по коврам
Иней ляжет утром ранним,
Засияет тут и там
Дар осеннего дыханья...

2018 г.

●

Я одна. Мне нравится моё
Одиночество в пространстве
и во времени...
Тот кто сеял, очевидно, ждёт,
Что за злак произрастёт из семени.

Кем, скажите, писана строка,
По которой я пройду, несмелая?

Тот кто сеял, не найдёт пока
Для меня к себе дорогу белую...

Время торопиться, время ждать
Слов и мыслей, дел предельно искренних...
Научи, Создатель, отличать
Суету ненужную от истины!

●

Так долгожданна ты, весенняя пора!
И новой свежестью трава блестит...
Недавно было зябко – лишь вчера,
Сегодня – искры солнышка в горсти!
Побегами проснулся дикий хмель,
Как горячо он хочет петь и жить!
Обвил забор, весь устремлён в апрель,
А за апрелем – май и, значит, жизнь!
А впереди такие чудеса:
Травинки в росах, облака в заре...
И я любуюсь птицей в небесах
И пламенем, мерцающим в костре!..

●

Сегодня, и завтра, и позже
Споткнись о забытое прошлое...
Вздохни обо мне, если можешь,
В хитросплетении сложного.

Ты можешь уже не оглядываться
На изумрудный мой свет:
Он будет и чистым, и радостным –
И через тысячу лет.

И ты, ушедший в молчании,
Несешь этот свет в себе...
Я музой была нечаянной
В нескладной твоей судьбе.

В БОЛЕЗНИ

Ветер бросает гроздья алмазов
В старое наше окно,
Хмурое небо приблизилось разом,
Серым провисло рядном.

Бьется в окно виноградная ветка,
Будто бы хочет войти.
Землю накрыла алмазная сетка
Капель, дрожащих в пути.

Как же мне хочется выйти на волю,
Воздух руками обнять!
Ветер, грозу, изумрудное поле
Радостно в душу принять!..

●

Зачем так быстро бежать,
Изнеможденно бросая
Ветру навстречу слова,
Слезы и чувства свои?
Здесь, где твоя межа,
Тихо иди, босая!
Мягко щекочет трава
Тёплые ноги твои,
Будто бы говорит:
«Всё, чего ты так просишь,
Скоро придет к тебе,
Жди и не торопи.
Вон оно, впереди:
Там куда ветер бросит
Бусы в ковры земли –
Просто туда иди».

СЕДЬМОЕ НЕБО

Где мое седьмое небо,
Мой аквамарин?
Улететь туда; где небыль –
Сотни есть причин!

Надоело в серых буднях
С искоркой тепла
Раздавать знакомым людям
Капельки добра.
И протягивать ладошки,
Полные огня...
Приустала я немножко,
Не вини меня!

Улететь туда где небыль
Классно – согласись!
Ландыш засмотрелся в небо –
Там другая жизнь.

Я решила, что не буду
Улетать пока.
Буду радоваться чуду
Каждого цветка!

Ветер за моим окошком
Просто попросил:
«Поживи ещё немножко –
Сколько хватит сил...»

●

Мне снится клён, порог родного дома
И бликами играющий рассвет.

Я вижу свет в окошечке знакомом –
Всегда зовущий, негасимый свет.

Я снова здесь, о юность золотая!
К тебе пришла и у дверей стою...
Но вместо русой – голова седая,
И время спину сгорбило мою.

Всё тот же сад с листвою разноцветной,
Беседка в листьях виноградных лоз...
О, сколько раз в тревоге предрассветной
Я возвращалась в дом забытых грёз!

Как ты мне дорог, домик мои любимый,
Здесь мой очаг и жизни колыбель!
Но с грустью ухожу неторопливо –
Давно закрыта в мою юность дверь.

2 мая 1999 г.

●

Листья падают на меня
Разноцветными голосами,
Лепестками светлого дня –
Опадающие оригами.

Они падают, но ещё
Для меня не застили света,
Только вновь некрылато плечо,
Только грустно встречать рассветы.

И на сердце покоя нет,
Всё разгаданное – непрочно,
Я не помню, сколько мне лет,
Я не знаю этого точно.

Я пришла и опять уйду,
Хоть не верю, что это будет...
Даже листья в моём саду
Постепенно меня забудут.

2003 г.

Марина Лунёва, член РСПЛ

пос. Заря

ГЛЯЖУ НА МИР...

●

Зима о нас совсем забыла:
Февраль – похожий на весну.
Как будто мимо проходила
И вдруг решилась: «Загляну»!
С морозцем юным, в белоснежной
Роскошной шубе (Снег! Ура!)
Пришла в ночи, во тьме кромешной
И веселилась до утра.

Три дня гостила. Заскучала.
И воздух не успел остыть...
Собралась в путь, пообещала:
«Вернусь… позднее… может быть…»
В туманном мареве растаяв,
Ушла. Надолго? К декабрю?
А удивлённый мир встречает
Вновь потеплевшую зарю.

Сосулек частокол свисает
В слезах: не долог был их век.
Туман к полудню отступает,
Попутно слизывая снег.

Ах, убелённая шутница!
И, юной девице под стать,
Сверкнув красой, спешит проститься...
Вернётся ль? Может опоздать!

●

Не может Зиму Март уговорить:
И так, и этак старой намекает…
Она ж пушистым снегом осыпает
И ни за что не хочет уходить!

Мороз стекляшки в лужах разложил
И по ночам заглядывает в окна.
Невесело ему и одиноко:
Зря у Весны денёчки одолжил!

●

Дождём переполнилось небо,
Вода потекла через край.
Каким бы нахмуренным ни был,
Он всё же весенний,наш май!
В достатке и света, и цвета,
И радуют душу дожди:
Ведь знойное, пыльное лето
Маячит уже впереди!

●

Гляжу на мир сквозь пыльное окно.
А в мире том беснуется ветрище!
Он что-то потерял давным давно
И две недели это «что-то» ищет.

●

Стою среди икон, прикрыв смущенье
Морщинкой поперечной на челе...
А что просить? Да разве что прощенья –
За то что натворила на земле.

●

Зима на градусник обиженный
Дохнула холодом вчера.
Деревья, наголо острижены,
От ветра клонятся с утра.
И небо серое и мрачное,
Отяжелев, сползает с крыш...
И ты, нахмурясь озадаченно,
Сквозь время смотришь… И молчишь...

●

Вновь Зима настороженной поступью
Совершает своё «дефиле».
И снежинки нещедрою россыпью –
Белой-белой – по чёрной земле...
В хрупком инее выглядят сказочно
И деревья, и глупый бурьян.
Вдруг какая-то птица загадочно
Из тумана скользнула в туман.
День, покоем укутанный, топчется
Посредине седой тишины...
И так жгуче-отчаянно хочется,
Чтобы не было в мире войны!

●

Небо грузно присело к земле,
Словно что-то вверху взбунтовалось.
Лишь мечтать о весеннем тепле –
Это всё что нам, в общем, осталось.
А деревья, натужно скрипя
(Что-то ж делать со всем этим надо!),
Тучи ветками рвут, теребят,
Растрепать силясь мглистую вату.

И снежинок просыпанных пух
В мир летит, упиваясь прохладой.
Подбирает на ощупь, на слух
Ветер песню весны в дебрях сада.
А зима уходить не спешит.
Отчего-то всё тянет с уходом,
Припозднившейся гостьей стоит
На пороге хозяйки-Природы.

А тактичности юной Весны
Нынче нет ни конца и ни края:
Ждёт, седины старушки-Зимы,
Грусть прощанья её уважая.
Но закон мирозданья колюч –
Сколько жалостью сердце ни мучай:
Торжествующий солнечный луч
Наконец-то, прорвался сквозь тучи!

●

Весенний ветер бродит по дворам,
Стучит в насторожившиеся окна
И сетует на то что по утрам
Заря, в них отражённая, поблёкла.
Не то что тучи слишком тяжелы:
Чтоб растолкать их не хватает силы.
Деревьев сонных тёмные стволы
Скрипят так отчуждённо и уныло.

А календарь вещает – в мире март!
На белый свет земля толкает всходы!
И вот тюльпанов трубочки стоят,
Из луковиц прорвавшись на свободу...
Я ветру говорю: «Ты потерпи.
Строга природа, но закономерна.
Весна давным-давно уже в пути,
И нам пора встречать её, наверно.

Уже древесный пробудился сок.
Как за ночь, погляди, набухли почки.
И скоро первый явится цветок,
Закутавшийся в клейкие листочки.
И в небо снова впишется строка
Приветственно кричащей птичьей стаи,
Вернувшейся домой издалека –
Вслед за весной, чтоб мы об этом знали!»

Татьяна Третьякова-Суханова, член СРП
Ставрополь

БАБА ФЕНЯ

Спит еще маленький провинциальный город, погружённый в прозрачную тишину и редкий собачий лай. Лишь кое-где косыми поясками уже тянутся к небу печные дымы, да пронзительно вскрикивает голубоватый снег под чьими-то ранними шагами.

СТАРЫЙ ДОМ

С пяти часов утра зимой начиналась жизнь в нашем доме. Отец растапливал печь, ходил по воду к ближайшей колонке, потом кормил кавказскую овчарку Бульку и кошку Мурку. Расчищал дорожки от снега во дворе и на улице перед домом. Мама готовила еду на завтрак и на обед. Наспех поев, оба уходили на работу, и ждать их теперь надо было только к позднему вечеру.

Бабу Феню не будили так рано: жалели. Она просыпалась около семи утра, «причипуривалась», по её выражению, молилась коротко у себя в комнате, а потом начинала уборку в доме. Больше всего она любила мыть полы и ухаживать за комнатными цветами. Работая, всегда пела. Длинные листья фикуса до блеска натирала маслом, а с геранью и китайской розой разговаривала, как с детьми, со всякими прибаутками.

Потом просыпались мы, дети. Быстро умывались и одевались. Перед завтраком баба Феня подводила нас к иконе Христа, что висела в углу её комнаты, и говорила: «Нельзя быть нехристями. Скажите Богу: «Господи, помилуй, спаси и сохрани». А потом «Слава Богу». Перекреститесь и поклонитесь. Да не торопитесь!»

Я её часто спрашивала: «А от чего Боженька должен нас спасти и сохранить?» Она всегда отвечала одно и то же: «От худого». Если среди дня мне самой случалось зайти в бабушкину комнату, то почему-то мимо иконы я всегда проходила на цыпочках.

Баба Феня обожала читать. Время для этого улучала она больше по вечерам. Единственным источником света в её комнате была лампочка под шелковым абажуром на потолке. Помню, как: бабушка взбиралась на табуретку, поднимала книжку вверх, поднося её к самому абажуру. В такой неудобной позе могла она находиться часами, полностью погрузившись в мир, о котором читала.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Зимы в моем детстве стояли суровые. Спрессованный морозом воздух трудно цедился сквозь слипшиеся ноздри, а потом белыми комочками пара выходил наружу, цеплялся за губы. Мы, я и сестра Оля, на четыре года старше меня, – радостно катались на санях с высокой крутой горки, с удовольствием купались в белой пене сугробов, тайком лакомились леденцами-сосульками, катали снежных баб. И только когда на варежках нарастали льдинки, а валенки становились тяжёлыми от налипшего снега, мы возвращались с улицы домой.

Баба Феня стаскивала с нас влажную одежду, докрасна растирала старым шерстяным шарфом холодные руки и ноги. Кормила наваристым густым борщом, в котором, как и полагается, могла стоймя стоять ложка, и самыми вкусными на свете котлетами. Потом мы пили чай солнечного цвета из веселых разноцветных чашек, на дне которых хороводом кружились пчёлки-чаинки. Пили чай с мёдом, а чаще с бабушкиным любимым крыжовниковым вареньем.

У бабы Фени была своя особенная чашка. Передняя поверхность ее была выпуклой и изображала чёрное личико забавного мальчика с крупными губами, круглыми озорными глазами и растрепанными кудрявыми волосами, напоминающими туго заверченные столярные стружки. У этой чашки было имя: Арапчик. Она была подарена молоденькой Фене её будущим мужем Павлом. Нам брать в руки Арапчика категорически запрещалось. «Не дай Бог, разобьёте», – говорила бабушка,

Сидя после обеда у опрятной белёной печи, мы слушали рассказы из бабы Фениной жизни. Не было у неё других слушателей, все тайны доверялись нам. Особо запомнилась мне одна из таких историй.

РАССКАЗ БАБЫ ФЕНИ

Родители во мне и моем старшем брате Феде души не чаяли. Уж какой певуньей я была! Хожу по травушке-муравушке, а сама всё пою, пою... Отец подойдет, поцелует в лоб, вытащит из кармана брюк то конфетку, то ленту для волос, и скажет: «Птичка ты моя певчая».

А в шестнадцать лет, совсем девочкой, я вышла замуж. Павел приехал на станцию Тихорецкую из Ставрополя и работал на железной дороге под началом моего отца, путейского мастера. Влюбилась я в него с первого взгляда и навсегда. И Павел меня полюбил. И расцвела наша любовь пышным цветом, как пион в саду.

Отец Павла хвалил: «Руки золотые, а голова умная, добрый парень». Но когда через месяц после первой нашей встречи Павел пришёл свататься, отец благословления на брак не дал. Отговаривал жениха: «Ты сам подумай – ну что за жена тебе Фенечка? Ребенок малый: поёт да в куклы играет». «Со мной дорастёт», – уверял его Павел...

Я плакала, просила отца. Ничто не помогало. И тогда я сказала: «Не отдашь замуж – под поезд брошусь». Так дело и решилось: вышла я замуж за своего любимого. И родила ему четырех сыновей.

– И нашего папу! – вставляем мы.

– И вашего папу, он был третьеньким. После свадьбы мы жили в Ставрополе, вот в этом самом доме, купленном для нас, молодых, отцом Павла. Дружно жили.

В Первую мировую войну был взят Павел в ополчение, направлен в школу прапорщиков, а как закончил её – на фронт. Потом – революция, а за революцией – Гражданская война...

Оказался Павел в Добровольческой армии. На Кубани заболел тифом, неделю пролежал в бреду. Когда очнулся, выяснилось, что белые ушли, а местность ту уже взяли красные. Павла много раз допрашивали, а потом мобилизовали в Красную армию: потребовались, видно, его технические умения...

Неспешно говорит баба Феня. Нет-нет да и задумается, упрётся взглядом в окно, словно видит в нём что-то особенное, важное. И глуховатым голосом продолжает.

– Трудно мне жилось с детишками. Спасибо свёкру – помогал чем мог: то молока пришлёт, то муки. Ну и выручали огород да сад при доме. Работали мы не покладая рук. Выжили.

Наконец вернулся Павел с Гражданской войны. Счастье-то какое – только жить – не тужить! Но что-то с ним после возвращения было не так. Наверно, слишком много повидал он всего за военные годы, трудно ему было вернуться к обыденной жизни. Томился он, всё хотел переехать куда-то и заниматься радиотехникой. Верил, что в этом будет его новое призвание. Я переживала, ревновала, но поделать ничего не смогла: собрал он однажды вещи и уехал в Ленинград.

Осталась я вдовой при живом муже. Письма, впрочем, Павел иногда писал, и детям помогал. Взяли его в Ленинграде лаборантом в какой-то серьезный научный институт, работой он был доволен, Но я всё верила: в один день вернется он к нам... А потом письма стали приходить всё реже и реже. В последнем письме муж бет всяких объяснений просил срочно дать развод. Что тут поделать – насильно мил не будешь... Развод я дала. Но свет для меня

померк. От сильных переживаний слегла я в постель, долго была в бреду. В то время приснился мне странный и страшный сон.

– Какой, какой сон? – снова встреваем мы от нетерпения в бабушкин рассказ.

– Сидела днём вся семья за столом, пили чай, – продолжает она, – и вдруг всё посерело в комнате. Смотрю на мужа, а вижу другое лицо, да и не лицо вовсе: кривое, глазки узкие, чёрные, как угли в печи. Так и горят, так и жгут сердце. А из-под стола торчат вроде и ноги, но с копытами. Тут-то уразумела я, что не муж это, а сам «чёрненький» – чёрт, значит. Вскочила я, схватила кочергу, стоявшую в углу, и со всей силы ударила его по лбу. Чёрта ударила, чтобы оставил он Павла... Посветлело в комнате. Вижу, стоит передо мной Павел, бледный, изможденный. А на лбу у него рана, из которой стекает кровь, капли падают на пол и начинают гореть. Он смотрит на меня, что-то шепчет, а я слов не разберу... Хочу подбежать к нему, обнять, но не могу словно мороз всю сковал.

Проснулась в горячке, едва очапалась. Сколько уж лет прошло, а я всё думаю; «Где он, мой Павлуша, что сказать мне тогда хотел? И свидимся ли мы с ним ещё на этом свете?»

– Бабушка, бабушка, а откуда взялся чёрт? А тебе было страшно?

– А как вы думаете?.. Знамение, видно, то было к худому для Павла.

Мы теребим её, хотим побольше узнать о чёрте. Но теперь она молчит и только тяжело вздыхает.

О СУДЬБЕ ПАВЛА

Феня больше не вышла замуж, хотя сватали её не раз. А она все ждала, что к ней вернётся Павел. Перед смертью вспоминала только его и своего брата Федю. Так и не узнала она, что худое действительно случилось с Павлом. Весной 1938-го года он был арестован в Ленинграде, где работал в Научно-исследовательском институте прикладной физики, и через два месяца расстрелян как враг народа.

Только мы, внуки, узнаем об этой трагедии уже спустя много лет после реабилитации деда. Узнаем и место, где покоится его прах – общая могила на Левашовском кладбище под Петербургом. И сдаётся мне, что Павел предчувствовал свой арест и порвал связи с семьёй для того, чтобы спасти родных от репрессий. Так и получилось.

Детей Феня вырастила и воспитала. Все четверо её сыновей защищали Родину на фронтах Великой Отечественной войны.

ЦВЕТЫ НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ

Детская память спонтанно выхватывает из жизни самые яркие эпизоды – или просто искорки впечатлений, которые не смываются никакими бурными и холодными реками уходящего времени. Эти детские воспоминания, как подземные родники, пробиваются к нам, чтобы напоить нас живой водой.

Вижу как сейчас бабу Феню, стоящую на табурете, близко поднеся книгу к тусклой лампочке на потолке под оранжевым, с кистями, абажуром; вижу уголки её губ, слегка двигающиеся при чтении, вижу её влажные подслеповатые глаза и бусинки слёз на щеках. Я боюсь спугнуть её и время, потому что знаю, что она читает про любовь и вспоминает своего Павла, моего дедушку.

А ещё я вижу, как на оконном стекле нашего старого дома, остуженном крепчающим январским морозом и подсвеченным синевой низкого неба, расцветают всё новые и новые, искрящиеся как звёзды, ослепительно белые цветы...

Люма Годовикова
Георгиевск

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ

●

Я сегодня бродила в дремучем лесу.
Там тюльпаны в глуши расцветают.
Как бокалы, я их осторожно несу –
Сквозь затерянность свет излучают.
Золотое сиянье струится от них.
Ненадёжен тот свет их туманный.
Он невольно приносит волненье в крови
И выводит на путь – но обманный...

По тропинке затерянной тихо бреду,
Неизвестно куда направляясь.
Как хотелось бы выйти к реке иль пруду,
В чистых мыслях, как в водах, купаясь.
И по каплям росинки холодные пить,
Что скопились в бокалах тюльпанов,
И весь мир одинокий тревожно любить –
Просто жить на Земле без обманов.

21.04. 2022

●

Зеленеют лесные поляны
И уже отцветают сады,
И тюльпанов открытые раны
Пламенеют предвестьем беды...

А война налетела нежданно –
До сих пор отголоски слышны.
Не забыли огонь ветераны
Той Великой и страшной войны!

И девятого мая, конечно,
Все они у святого огня,
Чтобы в память впаять нам навечно:
Мы покою и миру – броня!

И стоит наш Алёша в Берлине
Со спасённым мальцом на руках.
От Великой Победы доныне
Голубь мира парит в облаках.

Но всё меньше в строю ветеранов –
Всё теснее их жизненный круг.
К тем, военным, незажитым ранам
Не добавь безучастности, друг.

Каждый вздох наш – оплачен их жизнью!
Окружим же сердечным теплом
Тех кто отдал все силы Отчизне,
Чтоб родным был в их старости дом.

ВОПРЕКИ

Вновь выпал снег, а я гулять собралась
По травке изумрудной в феврале.
Но выпала его такая малость –
Лишь плёнкой скрыт асфальт
в моём дворе.

И солнца нет в пейзаже бело-сером,
И давят душу серые стволы,
И кажется, нет счастья в мире целом,
Так мысли и тревожны, и тусклы.

Мы с братьями теперь врагами стали –
Друг друга отправляем на убой,
Хотя когда-то вместе мы мечтали
В единстве жить Великою страной.

Мы раньше и общались, и роднились,
И свадьбы общие гуляли до утра!
А что ж сейчас?!
Как только разделились,
Не вспомнят даже прошлого добра.

Фашистов всех мастей к себе собрали.
Хотят разбить Россию на куски.
Но лучше бы они не забывали:
Победы наши – бедам вопреки!

06.02.2023

ПРОРОЧЕСТВО

Лес, засыпанный мёртвыми птицами,
Весь испачкан их белым помётом.
Он цепляется прутьями-спицами,
Чтоб не выпустить нас ни на йоту.

Оставаться здесь вовсе не хочется.
Пахнет тут отвратительно гадко –
Ароматы тоски, одиночества,
Разложения – злая загадка!

Надвигается тайна тревожная
И над мёртвыми птицами кружит.
Иль мутация вируса сложная
Топит жизнь в отвратительной луже?

Или где-то святое побоище
Ядом трупным их всех отравило?
Чьи на нас надвигаются полчища?
Это Запада сборная сила...

Может, мёртвые птицы – пророчество,
Что пора собираться нам с силами,
Пренебречь мировым одиночеством
И напрячься российскими жилами.

05.02.2023

ПАРАДОКС

Есть один денёк весенний...
Этот день «придумал гений»,
Отложил дела свои
И признался нам в любви.

Вслед за ним мужчины хором
И без лишних разговоров
Дружно вспоминают нас,
Открывают свой запас

Комплиментов, поздравлений,
Неожиданных решений,
Женщин всех боготворя,
И, конечно же, не зря.

Поздравляют женщин властных,
Некрасивых и опасных,
И не только молодых –
И ворчливых, и седых.

Все цветы и поздравленья
Принимаем без сомненья,
Свято веря каждый раз –
Любят искренне все нас.

Но лишь праздник улетает,
И любовь с ним вместе тает:
В жизнь уходите тотчас,
Вновь не замечая нас.

Мы подарки все получим,
Но насколько было б лучше
Каждый день в тепле и ласке
С вами жить как в доброй сказке!

НЕИЗВЕСТНЫМ ПОЭТАМ

Здесь воздух весь поэзией пропитан.
Здесь строфы Пушкина
витают в вышине.
Здесь ожил Лермонтов,
и будучи убитым, –
Мятежный дух его живёт на Машуке.

Наш край тревожный – родина поэтов –
Объединяет их под отчий кров:
Здесь «Слово» собирает самоцветы,
А «Парус» правит розами ветров!

О, сколько нас – поэтов неизвестных,
Поклонников Любви и Красоты,
Творящих строфы
без рецензий лестных, –
Их строки гармоничны и просты.

Не бойтесь же вельможных и маститых –
Живите в своих строках неизбитых!

●

Как мне хорошо среди стихов,
Ведь они хранят поэтов души...
Я войду в чертоги их миров
И сегодня их покой нарушу.

Зачитаюсь. С Пушкиным вдвоём
Побываю в мудрой, доброй сказке.
С Маяковским – рупора огнём
Бюрократов я предам огласке!

И с Бальмонтом «Снежные цветы»
Я осыплю сказочно на землю.
Лермонтова горькие мечты,
Негодуя вместе с ним, приемлю.

Хорошо среди степных лугов
Мне коня стремглав пустить на волю,
И толстовский звон колокольцов
Мне с ним слушать выпало на долю...

Как мне хорошо среди стихов
И с поэтами высокой пробы!
Их красы живительный покров
Не сорвут с моих звенящих строчек снобы!

Светлана Никитина
Минводы

КОЛЕСО ЖИЗНИ

ВЕСНА ПРИШЛА…

Ещё зима беснуется,
Февраль стучит в окно...
Но где-то там, на улице,
Весна уже давно.

По веткам сок пустила
Деревьям после сна,
Как будто кровь по жилам,
Кудесница-весна!

И в ожиданье томном
Наряды понашила,
Чтоб гардероб пополнить.
К утру всё завершила!

Теперь менять одежды
Несложно каждый день.
То с рюшами и нежные,
То – шляпу набекрень.

С Зимой Весна не ссорится,
А лучше подождёт...
Зима ж всё хорохорится,
Позиций не сдаёт...

Но дни уже посчитаны,
Пора уж отпускать...
По времени расписано –
Весне в права вступать!

Она ручьи пустила
С холмов в долины рек
И дальше поспешила
С теплом туда где снег...

А после на пенёчек
Присела отдохнуть...
Набравшись сил денёчек,
Собралась снова в путь!

По склонам и равнинам,
К сиреневым туманам,
И к горным исполинам,
И к солнечным полянам!

Где солнцем прикоснётся –
Там колосятся всходы,
Родник воды пробьётся
Скорее на свободу!

Поют ей песни птицы,
Цветы благоухают
И всполохом зарницы
Дорогу освещают!

Зиме здесь нету места,
Уж пятится назад.
Весна же, как невеста,
Надела свой наряд!

28.02.2022

САМАДХИ…

Достичь Самадхи... Это ли возможно?!
И умереть – пока ещё живёшь!?
Но шаг за шагом, очень осторожно,
Себя познав, ты к этому идёшь!..

Кто ты? Когда ты будешь знать,
Что Души все едины на Земле.
Поймёшь, что можно просто созерцать,
Найдя покой в самом себе...
И наблюдать за мирозданием,
Где Млечный Путь, Парад Планет...
И потревожит лишь сознание
Такой Далекий Близкий Свет!..

И образ больше не тревожит...
Теперь спокоен и свободен Ум!
Безмолвие внутри поможет
Достичь Самадхи и умерить шум...

ДНИ ЖИЗНИ МОЕЙ

Ещё один день подходит к концу
И жизнь, говорят, стала на день короче.
Но, кажется мне, приближаясь к венцу,
Жизнь моя опытом стала богаче.

Те дни что остались, считать я не стану,
Количество их не дано мне узнать,
Лишь только когда
к концу жизни устану,
Смогу сбалансировать всё и принять…

А в жизни своей я ищу красоту,
Принимаю в ладошки
по капельке счастье,
И Вселенной свою я дарю доброту,
И тепло от души
в дни печали, ненастья...

Если вдруг ты стоишь
у черты сожаленья,
Торопиться не надо –
рано к Богу Домой…
Запасись на какое-то время терпеньем,
Путь тернист и нелегок к себе самой…

И ещё один день добавляет мне опыт.
И ещё с интересными
встречусь людьми.
А Жизнь мои дни
в сундучке своём копит:
Уж столько их там – поди подыми…

Открою ключом я сундук и достану
Всех прожитых дней моих гардероб,
Развешу сушиться,
а в тёмных карманах
Найду вдруг забытый
когда-то там боб…

Я эту фасолину в землю зарою,
Она вместе с опытом даст мне плоды.
И струны судьбы на мажор я настрою!
Я ещё разведу в своей жизни сады!

28.02.2022

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В этом мире никто другой –
Только Ты! И ведь в этом дело...
Принимаешь себя такой,
Совершенствуя Душу и тело.
Задаешься вопросом вновь:
Кто я здесь, откуда, зачем?
И лишь без условий Любовь,
Не загруженная ничем,
Направление даст пути,
Озаряя дорогу светом.
И поможет тебе дойти
До разгадки твоих секретов...

И беря на себя обязательства,
Отвечаешь: «Откуда, зачем, кто я» –
Вот особое обстоятельство
Твоего сознания и бытия!

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ

Задаю вопросы...
Где найти ответ?
Может, скажут росы
Или чбелый свет?
Или ветер в соснах?
Шёпотом – березы?..
Или волны в море?
На глазах уж слёзы...
Я сегодня вышла
На свою дорогу.
В тишине, под вишней
Посижу немного.
И пойду по свету
С ворохом вопросов,
Поищу ответы
У речного плёса.
У Луны спрошу,
У травы и ветра.
К Солнцу поспешу
За своим ответом...

Лучик на рассвете
Мне шепнул на ушко:
«Ты сама на свете
Знаешь всё, подружка!»

Вера Сытник, член СПР
Ессентуки

ТЁМУШКА

Настя нажала на кнопку будильника, показывающего половину четвёртого, выскользнула из кровати и склонилась над спящим на диване сынишкой. Мальчик посапывал, прижав к груди одноухого плюшевого зайца, некогда синего цвета, но от нескольких стирок потерявшего синеву и ставшего белым, с тёмными пятнами на животе. Сердце сжималось от страха и жалости. Молодая мать боялась оставлять сына одного в доме. Однако нужда заставляла подниматься летом с первыми лучами солнца, да и по темноте зимой, как сейчас, и на три часа покидать ребёнка. Работа кухонной нарезчицей обязывала быть в санатории к четырём часам утра. Пошла туда от отчаяния: денег, что получала на ставку нянечки в детском саду, катастрофически не хватало. Содержать себя и пятилетнего сына было тяжело. Тем более, Настя с каждой зарплаты откладывала по тысяче рублей –на высшее образование Тёмы. Она не представляла, сколько нужно будет для этого денег, но свято верила, что сумеет накопить нужную сумму. И сын не будет, как мать, шастать в поисках подработки. Получит достойную специальность!

Время бежит быстро. Только что было лето – и Настя сажала помидоры, а уже зима. От помидоров остались одни пожухлые стебли, присыпанные снегом, да ящик полусгнивших плодов в подвале.

Кажется, вчера выходила замуж, а Тёме уже пять лет. И четыре с половиной года, как сбежал муж. Ни слова не сказал. Собрал ранним весенним утром свои шмотки и ушёл. Настя в рубашонке, ничего не понимая спросонок, выскочила за ним на крыльцо. Крикнула навстречу робким лучам солнца, пробивающимся сквозь клубы тумана, который полз от близкой речушки:

– Толя? Ты куда? Почему?

– Подальше от тебя дуры! Толстая курица! – Услышала она в ответ и заплакала.

«Курица» – так он её называл, высмеивая Настину привычку хлопотать вокруг новорождённого сына. Да, малыш отвлёк внимание от супруга. Насчёт «толстой» тоже правда. Она сильно поправилась после родов. К слову сказать, так и осталась толстушкой с мягкими формами, рыжеватыми волосами, бесцветными бровями, вздёрнутым носом и безвольным ртом.

Да, время летит. Может быть, дом, где сейчас живут, достоит до того момента, как Тёмушка начнёт зарабатывать. И тогда они поправят ставни, крышу, проведут газ и воду. А пока приходится воду носить с колонки и топить печку. Дом не разваливался только потому, что, казалось, имел добрую душу. Сострадая жильцам, он хоть и горбатился потрескавшимися углами, но крепился из последних сил, чтобы не рухнуть. Это нехитрое жильё в пять покосившихся, сильно облупившихся стенок досталось от бабки. Она же вырастила Настю, отобрав у родителей-алкоголиков. Дотянула до совершеннолетия внучки и померла. Тихо отдала Богу душу.

Насте кажется, что бабкина душа не улетела на небо, а осталась в доме. Настя это чувствует по тому как спокойно здесь дышится. Иногда вдруг пахнёт из какого-нибудь угла чабрецом или ромашкой, некогда развешанными скрюченными бабкиными пальцами. Трава давно исчезла, но запах прочно въелся в штукатурку. И такое ощущение, что гладкий шест длинного ухвата до сих пор хранит тепло старческих рук. Приятно к нему прикасаться. Всё в доме: полосатые застиранные половики, прохудившиеся ажурные салфетки под тремя глиняными вазами; тюлевые накидки на подушках; выцветшие фотографии, почерневшая пустая лампадка и несколько зелёных стеклянных фужеров в серванте – напоминало бабку. Семь лет, как её нет на земле, а шаги её, семенящие, шаркающие, так и стоят в ушах. Прислушаешься – и чудится, как она шепчет, расставляя картонные иконки в углу полки рядом с фотографиями отца-фронтовика и мужа, сгинувшего на заработках в Воркуте. Настя сына оставляет одного потому что уверена, бабкина душа оберегает правнука.

С мыслями о Тёмушкином образовании, ради чего нужно трудиться на двух работах, Настя подоткнула одеяло под бок сына и вышла на кухню. Здесь она быстро влезла в спортивный костюм;

натянула сапоги, пуховичок, из которого местами торчал синтепон, и шапку. Печка ещё не остыла. Тепла хватит до возвращения Насти. Тёмушка не замёрзнет. А потом они побегут в детский сад, куда надо успеть к восьми часам, кормить детишек. Печку будут топить вечером, по очереди подкладывая щепки, чтобы огонь разгорелся.

Настя вызвала машину. С этим расходом приходилось мириться. Летом она за двадцать минут добегала до санатория. Зимой же пользовалась услугами такси. Сто рублей – не великие деньги, но за два-три месяца цена за поездки выливались в пять-шесть тысяч рублей. Ну, да ничего: недели через три можно будет ходить пешком. Настя по привычке поставила у порога веник, перевернув его вверх тормашками, как учила бабка. Так, мол, домовой не заспится: будет охранять свою территорию, никого чужого не пустит. Затем потушила свет. Дождалась, когда придёт сообщение насчёт такси, закрыла на ключ дверь и выпрыгнула из сеней навстречу лёгкому морозцу.

Не прошло и двадцати минут, как Тёма заворочался и проснулся.

– Мама, – позвал мальчик.

Не услышав ответа, понял: мама ушла на работу. Ему давно было объяснено, что это ненадолго, что так нужно, иначе не будет денег на велосипед, что дом охраняет верный пёс Рыжик, поэтому можно спокойно спать. Мама скоро вернётся и непременно принесёт что-нибудь вкусненькое, вроде пирожка или мятного пряника. Тёма успеет съесть угощение до детского сада или прибережёт до вечера. Но сегодня не спалось. Может, всему виной любопытная яркая луна? Вернее, её краешек, который выглядывал из-за занавески, и настойчиво всматривался в комнату, окутанную тьмой, таращился на Тёму, лукаво подмигивал, а иногда щурился, будто пытался понять, спит мальчик или нет. Тёме стало не по себе. Он не любил, когда его разглядывают, тем более ночью, тем более исподтишка.

Обняв зайца, мальчик прикрыл глаза и сквозь ресницы стал наблюдать за нахальной луной. Вот её краешек сделался больше, а вот уже и вся она свалилась с неба и прилипла к окну. Ишь, обжигает занавеску и так хитро усмехается, будто знает какую-то тайну! Того и гляди, постучит твёрдым боком в стекло, словно спрашивая, как Тёме живётся и почему у зайца одно ухо? Тёма не хочет с ней разговаривать. Не хочет отвечать на глупые вопросы! И дураку понятно, что без мамы живётся грустно. А где заяц потерял ухо, не важно. Тёма любит его и таким … «ущербным», как говорит мама. Если бы луна не смотрела так дерзко и её взгляд был бы помягче, может быть, Тёма и рассказал бы. Ухо зайцу оторвал Рыжик, когда подумал, что это собачья игрушка. Пёс трепал несчастного до тех пор, пока не прибежала мама. Ухо спасти не удалось. Однако рассказывать о сокровенном, когда смеются тебе в лицо, нет никакого желания.

Тёма подумал, было, поиграть с луной в «гляделки»: кто кого переглядит! В эту забаву он побеждал всех без исключения. Но потом отказался от увлекательной мысли, потому что на луну надвинулась туча. Стал виден только желтоватый свет, и было неясно, с кем соревноваться. Тёма открыл глаза, сел на диване. Оглядел тёмную комнату и поразился тому, что в ней полно всяких странных предметов, похожих непонятно на что, имеющих мрачный вид. Мальчику сделалось страшно, мурашки поползли по его спине, руки и ноги похолодели, в животе заурчало… Он догадался, что днём все вещи притворяются милыми домашними предметами, а ночью обнажают свою волшебную сущность. Вот оно что! Никакая это не мебель, а, на самом деле, злые монстры, ждущие возможности сделать какую-нибудь гадость жителям дома.

Ну, разве это комод? Это же неповоротливое чудище, которое блестит множеством свирепых глаз и пыхтит, и тяжело шевелится. Наверное, хочет проглотить Тёму? Тёма задрожал. Крепко укутался в одеяло, уткнулся лицом в зайца, ища в нём защиты, надеясь, что через минуту чудище исчезнет. Но когда он снова посмотрел перед собой, оно моргало огромными глазами, тускло блестевшими в свете луны. Любопытная красавица уже выбралась из тучи, и опять заглядывала в комнату. Каракатица, днём бывшая телевизором, сверкнула зловещей улыбкой. Тёма хотел крикнуть:

– Уходи! Не трогай меня!

Но слова застряли в горле, получился неясный хрип.

Чудище раскрыло пасть и захохотало. Ему вторила каракатица. Вместе с ними захохотали и пузатые гномы, у которых было по четыре ноги. Гномы прыгали на всех четырёх по очереди. Сначала на одной, потом на второй, на третьей, четвёртой и трясли квадратными плоскими шапочками. Злющий зверь – в нём Тёма угадал сервант со стоявшими наверху вазами – оказался не сервантом, а чёрным бегемотом с несколькими рогами на лбу. Притворщик. Ужасный притворщик! Прикидываться добряком

со стеклянными дверцами, а в действительности быть рогатым бегемотом размером с гору! Бегемот тянулся к Тёме, наклонив голову, приготавливаясь наскочить на мальчика, растерзать, растоптать. Тёма задрожал ещё сильнее и слабо крикнул:

– Кыш!

И выставил вперёд зайца. Но толстобрюхий монстр не испугался. Он продолжил целиться в свою жертву. Тёма оглянулся в поисках укрытия и увидел, что комната просто кишит чудищами поменьше размерами. Они полосато извивались на полу, норовя подползти поближе; махали широкими крыльями, пытаясь поднять Тёму в воздух. А некоторые изрыгали красный огонь. Это было невыносимо! Тёма решил покинуть дом, наполненный жуткими существами, чтобы спрятаться в собачьей будке. Уж Рыжик-то быстро раскидает злодеев, он такой! Тёма спрыгнул с дивана и побежал на кухню. Однако там оказалось ещё страшнее. Со всех сторон на мальчика глазели металлические пауки, пучеглазые лохматые тараканы и надменные, с неподвижным взглядом кузнечики-богомолы. Вся эта чугунно-медная живность перебирала лапками, трещала, усмехалась и намеревалась вцепиться в Тёму. Змей-Горыныч, днём представлявшийся холодильником, встал на задние лапы, передними упёрся в потолок и скрёб по нему когтями…

Тёма закричал. Он хотел дёрнуть дверь, но запутался в одеяле. К тому же, обнаружил, что по пути на кухню потерял зайца, молчаливого, но храброго приятеля. Этим воспользовались железные насекомые. Кто-то схватил Тёму за руку, кто-то ужалил в плечо. Мальчик наполнился холодным ужасом, упал и провалился в глубокую густую темноту. Сколько продолжалась темнота, Тёма не знал. Очнулся он от того, что очутился в чьих-то тёплых руках. Кто-то целовал его мокрое от слёз лицо.

– Мамочка, – прошептал мальчик. – Давай быстрее уйдём к Рыжику! Спрячемся! Здесь железные тараканы и богомолы… Не ходи в комнату, там бегемот и змеи! И каракатица…

– Тёмушка, – взволнованным голосом спросила мама, укутывая сына в одеяло. – Какой бегемот? Какие змеи и железные тараканы? Ты весь замёрз! На лбу синяк. Расскажи, почему ты на полу? Сыночка, что случилось?

Услышав историю про чудовищ и монстров, Настя перепугалась. У неё заколотилось сердце, вспотели ладони. Представила, какие ужасы пришлось пережить сыну, и вязкое чувство вины перед ним сковало её. Как она могла оставлять мальчика одного, надеясь на домового и на бабкину душу? Может, они и защищали Тёму, но были бессильны перед детским воображением. Да, точно, вчера вечером Тёмушка насмотрелся мультиков, пока Настя управлялась по хозяйству, вот и нафантазировал.

Настя отнесла сына на диван, укрыла одеяльцем и присела рядом. У неё нестерпимо болели руки. Так болели, что не слушались Настю и норовили повиснуть, как плети. Сегодня она чистила и резала арбузы. От скуки решила считать. К концу смены насчитала двести штук и не поверила, что смогла справиться с таким количеством! Руки стали болеть уже на пятидесятом арбузе, но Настя резала и резала, подгоняемая мыслью о Тёмушкином высшем образовании. К семи утра она едва сняла с себя фартук, колпак и резиновые перчатки. Напарница помогла надеть пуховик, шапку и застегнуться. Через двадцать минут Настя была дома. Когда увидела сына, лежавшего у порога, неизвестно откуда взялась сила в руках, чтобы поднять Тёмушку. Нет, о работе в детском саду сегодня не может быть и речи. Настя не выдержит раздачу блюд и собирание пустой посуды. Не выжмет тряпку. Она достала телефон из кармана спортивной кофточки и позвонила на работу, предупредив, что берёт отгул.

– Сыночка, посмотри, что я тебе принесла.

Настя неловко вынула из целлофанового пакета пол-арбуза.

– Хочешь?

Тёма отрицательно покачал головой. Он с опаской смотрел на комод, сервант и половики. При свете лампочки, без луны, всё казалось привычным и не внушало опасения. Однако Тёма не верил тому, что видел.

– Мама, а монстры придут ещё?

– Нет, сына, не придут. Их и не было. Тебе показалось. Это просто сон!

– Не показалось, я видел! – твердил Тёма.

– Показалось, показалось! Вот посмотришь. Всё, я не буду ходить в санаторий и оставлять тебя одного. Я так решила. Сегодня ляжем спать вместе. Будем в постели, пока не взойдёт солнце. Ночью я тебя специально разбужу, и ты увидишь, что сервант останется сервантом, а комод комодом, телевизор телевизором.

– Правда?

– Конечно, правда! Сам убедишься. А нашему зайцу пришью ухо. Сделаю из твоего носочка. И будет у тебя красноухий заяц. Пока же поспи, сыночка, поспи. Я тут посижу. Вот только разденусь. Ну-ка, расстегни мне пуговички!

Тёма быстро справился с пуговицами на пуховике и остался доволен, что помог маме. Настя скинула с себя верхнюю одежду, кое-как стянула сапоги и стала гладить непослушной рукой волосы Тёмы.

– Спи, сыночка…

Страхи ушли, и мальчик уснул.

Настя положила руки на колени. Обе кисти распухли, покраснели и сделались корявыми. Пальцы словно задеревенели, не хотели сжиматься. Тянуло жилы, казалось, вот-вот лопнут. Похоже было, что на руки сначала плеснули кипятком, а потом заморозили. И теперь они оттаивали. Настя прилегла рядом с сыном и некоторое время смотрела в потолок, думая о Тёмушкином высшем образовании. Над осуществлением мечты нависла опасность. Что делать, как быть? Как зарабатывать деньги? Нельзя допустить, чтобы Тёма, как и она, остался неучем. Он умный мальчик. Настя уже научила его читать по старому букварю, который нашла в бабкиных закромах на чердаке. Сын пишет гласные буковки и рисует деревья, а среди деревьев – её, Настю.

На глаза навернулись слёзы. Стало грустно и обидно. Грустно, потому что Тёмушка был напуган. Не проследила, что за мультики он вчера смотрел. Да разве уследишь? Мальчик научился щёлкать пультом, перескакивая с канала на канал. А обидно, потому что переусердствовала с арбузами. Нет, чтобы переключиться на огурцы! Ну, да ничего. Как говорила бабка, всё плохое когда-нибудь заканчивается, и начинается хорошее. С этой обнадёживающей мыслью Настя уснула. И снилось ей, что Тёмушка вырос, стал высоким, как его отец, и рыжим, как Настя, что уехал в Москву, учится в институте и каждый день видит звёзды на башнях Кремля. Звёзды, которые он когда-то срисовывал из букваря, а теперь любуется ими воочию.

На её лице блуждала безмятежная улыбка, которая как-то не вязалась с её распухшими руками и убогой обстановкой бабкиного жилища…

7-9 декабря 2022

ПОЧТА «ЛК»

Василий Помещиков, член СЖ РФ
г. Киров

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О НОМЕРЕ «ЛК»-80

Мне было приятно видеть на лицевой стороне обложки восьмидесятого номера «ЛК» портрет поэта Николая Заболоцкого. Вроде бы и повод для публикации не подходящий – 119 лет со дня рождения, не юбилейная дата. Но подумал: Н. Заболоцкий, как написано рядом с портретом, «глубокий, своеобычный поэт», значит опубликовать его портрет всегда уместно.

Следующая страница обложки посвящена тоже Н. Заболоцкому. На ней размещены портрет поэта, короткая биографическая справка и одно из его стихотворений. Вроде бы всё хорошо, но меня, как земляка поэта, смутили в данной публикации два обстоятельства: первое – подборка на второй странице даётся под рубрикой «Непрочитанные поэты России». Я не согласен с тем, что Николай Заболоцкий непрочитан. После освобождения из лагеря он издавался много и большими тиражами. Строки из его стихотворения: «Душа обязана трудиться и день и ночь...» восприняты читателями как народная мудрость, и нередко используются по случаю. Второе – читаю биографическую справку и чувствую, что в ней что-то очень важное упущено – не сказано, что родился он в Вятской губернии, что именно Вятская земля дала такого большого поэта.

Его дед Агафон Яковлевич был мещанином города Уржум Вятской губернии. Своего сына Алексея он отпустил на учёбу в Казанское сельскохозяйственное училище, окончив которое,

Алексей работал агрономом в селе Сернур Уржумского уезда. Там он женился и 24 апреля 1903 года в молодой семье родился первенец – Николай. Он успешно окончил сельскую начальную школу, а потом продолжил учёбу в Уржумском реальном училище. У его отца была хорошая, по тем временам, библиотека. Он рано приобщился к чтению. Впервые стихи написал, учась в реальном училище.

Листаю дальше свежий номер (№ 80) альманаха. Моё внимание привлёк заголовок «Пошлый мордобой вместо благородной дуэли». Автор публикации Александр Квиток. О! Это должно быть интересно!

Прочитал и подивился дотошности автора, его неистовому стремлению копаться в материалах о жизни людей имеющих отношение к литературной деятельности, найти какую-нибудь загадку и непременно разгадать её, добраться до истины.

В данном случае в интриге фигурируют такие известные имена, как Вячеслав Иванов, Михаил Кузьмин, Николай Гумилёв, Анна Ахматова. В эпицентре этой интриги стала «молодая, образованная девушка, переводчица, немного поэтесса Вера Шварсалон».

Вера забеременела от Славика (В. Иванов), и он хотел жениться на Вере, но Слава её отчим... Вера любит Мишу (М. Кузьмин) и т.д. Трудно разобраться, но Александр Квиток разобрался кто есть кто и какой сексуальной ориентации... Любопытно, интересно, читается как своеобразный детектив.

Литературовед Маргарита Самойлова тоже любит покопаться в материалах об авторах, которые оставили замечательный след в истории нашей литературы, стремится разобраться и оценить творчество сегодняшних авторов, печатающихся в «ЛК».

Вот и в восьмидесятом номере опубликован солидный материал, в котором она с профессиональной дотошностью делает разборку книги воспоминаний о поэте Глебе Семёнове, ушедшем из жизни в январе 1982 года.

«В числе поэтов, на которых Г.С. Семёнов оказал немалое влияние, – пишет М. Самойлова, – был и Станислав Подольский. В книге воспоминаний опубликовано и его эссе «Первостепенность «Второстепенных» поэтов».

Надеюсь, память о поэте будет хранима близкими, многочисленными учениками, и конечно же поклонниками поэзии мастера».

Далее следуют три эссе: о творчестве Олега Голодного, еврейского поэта, живущего в Америке, о творчестве поэтесс, постоянных авторов нашего альманаха Натальи Рябининой и Юлии Чугай.

В творчестве Олега М. Самойлова обращает внимание на ностальгические мотивы автора.

Я вернулся в свой каштановый рай
Или яблочный... Или вишнёвый.
Я найду тот затерянный край,
Где был счастлив пацан непутёвый.

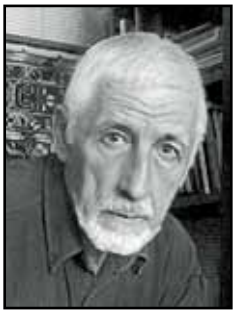
«Стихи Н. Рябининой, – пишет автор, – в каждом номере «ЛК» открывают рубрику «Поэты "Зелёной горы"». Они привлекают читателя искренностью чувств, оригинальностью мысли, изяществом формы.

Напечалилась, нагрустилась впрок,
Покуда была молодой.
Жизнь почти к горизонту скатилась,
Голова уже стала седой.
И не хочется ни минуты
Для печали у радости красть.
Вечность горькой цикутой
Напоит ещё всласть.

«В чёрном небе Донбасса я видела багровое солнце», – эти строки Юлии Чугай воспринимаются, как ужасное видение, – пишет М. Самойлова. – Да, было и есть время войне и время миру. Скорее бы наступил благословенный мир!»

В этом же номере «ЛК» публикуется подборка поэтических посвящений Маргариты Самойловой. Вот и я решил посвятить несколько строк Маргарите.

Не удивительно ли это?
Во многогласии поэтов,
Звучащих со страниц «ЛК»
Она глас каждого услышит
И слово доброе напишет,
И каждая её строка
Изящна в стиле, просто диво,
Мудра, весома и правдива!..



Александр Квиток
Ессентуки

ВОТ ЕЩЁ ПРОРИЦАТЕЛЬ НАШЁЛСЯ

Околоспортивная мистерия

Не любил я заглядывать в будущее – ни в дальнее, ни в ближнее – и не пытался никогда. Хотя, прошу прощения, было, было дело... Это когда я мечтал выиграть деньжат и немного играл в «Спортлото». Пробовал угадать 5 чисел из 36. Хороший выигрыш мне так и не выпал. А вообще, ни в богов, ни в чертей не верил. С иронией воспринимал астрологические и политические прогнозы, цыганские гадания и пророческие потуги экстрасенсов, валом хлынувшие в начале 1990-х с экранов телеящиков, от назойливых цыганок и со страниц «эзотерической» литературы. Посмеивался над женой, которая вдруг сделала открытие:

– Мы потому с тобой плохо живём, – заявила она всерьёз, – что у нас знаки Зодиака не сходятся. Нет гармонии в отношениях...

Действительно, гармонии и в помине не было, а жили мы как кошка с собакой. Дети подросли, и вскоре мы развелись. Миновал 21 год семейной жизни. Развод я воспринял спокойно, как неизбежность. Даже легче стало на душе. Ну, нет гармонии и негде взять. Когда мы поженились, была меж нами любовь, и ни с какими знаками Зодиака мы свою жизнь тогда не сверяли. А в начале 90-х словно с ума все посходили в поисках гармонии.

И всё-таки мне пришлось стать однажды прорицателем...поневоле. Должен признаться, никакой радости мне это не доставило, когда я трижды угадал победительницу в лыжных гонках на зимней Олимпиаде 1992 года. Я и сам тогда удивился своим предсказательским способностям: с чего бы и от кого мне такое «счастье» привалило? Позже открылось понимание, что эти способности вовсе не мои. А чьи же?

Вот об этом и пойдёт наш рассказ.

* * *

В конце 1980-х наметился развал Союза и геологоразведочной отрасли. Ждали перемен и дождались. Люди тоже переменились, и охотно разлагались как морально, так и материально. Вчера ещё дружное и бесхитростное геологическое братство, когда вместе ходили в маршруты, рядом жили в палатках и питались из одного котла, когда все получали более-менее приличные зарплаты, разделилось на высокооплачиваемых, средне- и низко оплачиваемых ИТР. Платёжная ведомость начальства стала засекреченной – оклады они себе подняли резко. Свою низкую зарплату мы получали с задержками. Маячила нищета.

Перешли на хозрасчёт – бабах! и одним прыжком в капитализм. Сверху требовали высоких прибылей и немедленной самоокупаемости. Бюджетное финансирование резко снизилось. Для геологической отрасли, которая во все времена – и при царях, и при генсеках – работала на средне-дальнюю перспективу большой страны, такой подход оказался губительным. Геология развалилась у всех геологов на глазах. Печальное зрелище, я вам скажу... Наша геологоразведочная партия преобразовалась в ОАО «Камея». Начальник партии теперь именовался «генеральным директором». Зарплата, ясное дело, тоже генеральская. А тут пошли один за другим юбилеи стареющих геологов. Отмечали на работе, тихо, скромно и даже (со стороны начальства) испуганно – тогда сверху, в рамках борьбы с алкоголизмом, спустили приказ о запрете питейно-закусочных мероприятий в рабочее время.

Отметил и я своё пятидесятилетие. И уже на другой день как-то сами собой подвелись итоги моей жизни. Пришёл к выводу: жизнь сложилась хреновато. Особенно огорчил конец геологической жизни. Нам бы ещё лет пять продержаться – до пенсии хотя бы, но... Без преувеличения скажу, я любил

свою работу и с удовольствием ездил «во поля» – в горные, степные, лесные и пустынные районы, в ближние и дальние. Поездил изрядно. Убедился: у Бога нет плохой природы. Мне везде было хорошо, и жить было интересно.

Теперь стало плохо. Отрыв от любимого дела подействовал на меня угнетающе. Познакомился с «мадам Депрессией» – жестокая женщина! В поле мы практически перестали работать. Разве что за поделочным камнем ездили раз в два месяца – для нашего камнеобрабатывающего цеха, вроде бы хозрасчётного. Интересные поездки создавали ощущение геологической жизни – «ще нэ вмэрла геология!». Возвращались и... Свободного времени у геологов было навалом – неделями сидели по домам. По понедельникам отмечались на работе, напоминали гендиректору, что мы ещё живы и готовы трудиться, если найдётся для нас дело. Если найдётся... Таким образом, в полусонном режиме продержались почти два года...

Это время (23 месяца) не прошло для меня даром. Я приобрёл бесценный опыт жизни. В том числе:

1. Пережил тяжёлую (жить не хотелось) депрессию, и сам, но с помощью Библии, справился с этим недугом: без Бога не обошлось, это уж точно.

2. Начал и успешно закончил заочные курсы «Техника быстрого чтения».

3. Вместе с 12-летним сыном прочитали и разобрали в деталях «Детскую Библию».

4. Просмотрели и усвоили (вместе с сыном, по телевизору) краткий курс разговорного английского языка – для начинающих (позже сие пригодилось сыну – работал за границей и даже получал надбавку к жалованию – за переводчика).

5. Внезапно (после прочтения одной брошюры, купленной по случаю в книжном магазине), чётко и ясно мне открылся живой истинный Бог, и я поверил, что Он есть и что Бог – невидимый, и что Он над нами (на небе, т.е. в космосе), и что без Бога жизнь человеческая не имеет смысла!

Последнее открытие коренным образом изменило мою дальнейшую жизнь. Всё чаще возникал вопрос: «Зачем мы на земле?»

* * *

В ноябре 1991 года в числе первых из ИТР я был уволен «по сокращению штатов». Так записали в трудовой книжке. Это давало мне право стать на учёт и получать пособие по безработице. Деньжата хилые, но всё-таки какая-никакая поддержка.

К увольнению я был готов, а потому воспринял новость как давно известную и ожидаемую. Даже начальник, то есть генеральный директор, удивился. Моральной поддержки в кругу семьи не ожидалось. Жена, узнавшая о моем увольнении, отреагировала странным образом;

– Да ты теперь никто! – злорадно заявила она мне на кухне и гордо удалилась в свою комнату с таким видом, словно я совершил нечто непристойное. Женщин я понимал с трудом, и совсем не понял свою бывшую (мы уже развелись) сейчас: какая же (о женщина!) тебе радость от нашей общей нищеты? Нам ведь детей ещё ставить на ноги! Дети наши или чьи? Мои мысленные вопросы прозвучали вдогонку. Жена смачно хлопнула дверью, что она делала всегда с удовольствием, тем самым ставила точку и подчёркивала свою вечную правоту.

У неё тоже на работе дело шло к развалу, хотя совсем их не разогнали (но изрядно сократили), поскольку их НИИ обслуживал нефтеразведку. Со временем нефтянка стала главной отраслью России. Позже жена перевелась в Кавказский филиал другого НИИ и кое-как там продержалась до пенсии.

Мне же до пенсии оставалось ещё три года, пособие я получал регулярно и чувствовал себя свободным. Настолько свободным, что с удовольствием продолжал закрепляющие тренировки по технике быстрого чтения, читал Библию и другие книги, занимался с сыном английским языком. А ещё ходили мы с сыном в турпоходы по окрестным горам-лакколитам. На природе жизненный тонус заметно поднимался. Величественная красота природных ландшафтов напоминала о Великом Творце.

В общем, чувствовал себя студентом-заочником, и моё положение меня устраивало – учился я всегда с удовольствием. С детства. Может быть, оттого что, как сказал однажды Ленин: «Учиться, учиться и учиться лучше, чем работать, работать и работать». А я помню, как в детстве нам говорили воспитатели в детсаду и учителя в школе: «Под руководством товарища Сталина мы идём по Ленинскому пути». Значит, и я шёл верной дорогой!

* * *

Зимние Олимпийские игры 1992 года начались 8 февраля, а закончились 23 февраля. В первый и в последний раз сборная бывшего Союза ССР выступила как «Объединённая команда СНГ».

А что остаётся делать безработному геологу предпенсионного возраста, когда у него времени навалом и есть хороший цветной телевизор? Правильно! – смотреть олимпийские игры. Хоккей я смотрел по вечерам, а соревнования по лыжам проходили днём. Откуда интерес к лыжным гонкам? Сам бегал на лыжах в юности и в молодости, и ещё не забылось прекрасное ощущение здоровой молодой силы, когда скользишь по лыжне, мощно отталкиваясь палками, и ведь действительно получается бег, а не ходьба.

Смотрел я только женские гонки. У мужиков смотреть ничего интересного: у них сила, здоровье, мастерство, резкость. А у женщин то же самое, только оно женственное, мягкое, да ещё и красота (у некоторых) и стройность фигурок в облегающих лыжных костюмах – есть на что полюбоваться. Люблю смотреть на женскую красоту!

Устраиваюсь в кресле перед телевизором. Сегодня 9 февраля 1992 года. У нас – полдень, а в Альбервиле 10 часов утра. Идёт прямая трансляция с места, то есть спортивные состязания из французского городка мы видим в реальном режиме времени. Сегодня состоятся лыжные гонки на 15 км для женщин. Зрелище великолепное: белый снег, зелёные ели и сосны, разноцветные костюмы лыжниц (с номерами спереди и сзади) и красные куртки служебного персонала. Показывают стартовую позицию. С интервалом в полминуты со старта, под взмах флажка начинают забег лыжницы разных стран и сразу включают хорошую скорость. Восьмой по счёту пошла Любовь Егорова. Спокойный прежде российский комментатор закричал громче и зачастил со словами, словно боялся не успеть рассказать телезрителям биографию девушки, уже хорошо известной – в 1991 году она стала двукратной чемпионкой мира.

А её уже кое-где (полагаю, что в «Тёмном отделе») заметили, и мой интерес к лыжным гонкам тоже заметили... И связалось это всё в один коварный интерес к моей персоне, и подсунули мне в натуре прорицательские способности, и подсказали победный вариант – победит Любовь Егорова. А я и уши растопырил поначалу, принял как моё, а потом включился мозг (с Божьей помощью) и я насторожился... Не-а, это не моё. Но, если честно, это я понял позже, а пока...

* * *

А пока он (комментатор) кричит, слышу внутри «голос», спокойный и как будто мой, вроде как я сам себе говорю:

– А вот на эту спортсменку можно поставить...

Запомнил. На календаре 9 февраля 1992 года. Тридцать лет прошло от того слышания. Сие записано мной дословно, не убавить, не прибавить... Голос как будто мой родной (по тембру и звучанию), и вроде, как и не мой. По стилю. Терминология явно «игровая», не моя, а совет мне «поставить на спортсменку» звучит весьма сходно с выражением «поставить на лошадь». А ведь было дело, было... На скачках в Пятигорске я однажды, лет пять тому назад, побывал в компании друзей. Туда я припёрся чисто из любопытства: возраст мой подходил к отметке 50 лет, а я ни разу не побывал на скачках и даже не знал что это такое. От моего дома до Скачек рукой подать – 6 км всего. Один перегон на электричке.

Приехали. И там мы делали ставки на лошадей в двух или в трёх забегах. Друзья мне объяснили, как это делать, какие бумажки покупать, чтобы выбрать выигрышную лошадь. Никого не слушая, я выбрал наугад два варианта, так как слышал от кого-то народную мудрость: «Дуракам и новичкам везёт». Не-а. Не повезло. Имею право добавить к народной мудрости наречие «иногда».

Я совсем даже и не огорчился. По ходу лошадиных гонок не очень-то следил за скачками. Мне были интересны лица и поведение людей на трибунах. Смотрел влево, вправо, назад, вперёд... Друзья сидели почти спокойные... Но многие игроки вокруг нас очень уж переживали – такое бурление страстей на лицах! Как они хотели выиграть! Мне даже жалко их стало.

Один из приятелей выиграл, не помню в каком забеге. И кличку лошади не помню. Мы поздравили его с выигрышем и пошли в кассу. Там ему выдали мизерные деньги. Оказалось, что на эту лошадь поставили много народу, а посему каждому счастливцу досталось понемногу. Боже мой! Вот из-за этих жалких денег люди так беснуются! Ладно, хрен с ними. Мы всё-таки настояли на том, чтобы идти в

кабак и пропить «бешеные деньги» немедленно. Так принято в стране – выигрыш пропивать. А кабак при ипподроме оказался неплохой – кухня на высоте. Хорошо скинулись и... хорошо посидели.

Таким образом, я, сам того не желая, отметился как игрок в моей и ещё в чьей-то памяти, и даже в каких-то анналах (в списках «Тёмного отдела» – это уж точно), и теперь мог при случае небрежно обронить:

– Был я как-то на скачках... Так себе зрелище... Нехрен там делать.

* * *

И вот теперь, когда во мне возникло сомнение и даже уверенность, что «голос» всё-таки не мой, я вспомнил тот недалёкий эпизод, связанный с моим участием в игре на скачках. И прояснилось на минуту в голове, и пришло понимание одной простой вещи: моё участие в игре на скачках пять лет тому назад где-то учтено и замечено, в каком-то пока неясном для меня «Тёмном отделе». И сегодня своим предложением голос из «Тёмного отдела» мне напомнил о том что за мной сохранилась репутация «игрока». Сейчас, когда я пишу эти строки, вспомнилось мне очень важное уточнение: «голос» из «Тёмного отдела» прозвучал для меня сбоку, с правой стороны и вошёл вроде бы через правое ухо. Так мне показалось. Справа от телевизора – книжная полка, а там, среди прочих книг, стоят «Теософия» Блаватской и брошюра «Как стать экстрасенсом?». И похоже, «голос сбоку» знал об этом и решил, что я мечтаю стать экстрасенсом. А я ещё и не открывал этой книжонки. Купил, поставил на полку и... забыл. «Голос сбоку» напомнил. Напрашивается вывод: я уже давно «под колпаком» у «Тёмного отдела», как Штирлиц у Мюллера. Там обо мне всё знают. Выражение затёртое, но весьма близкое к реальности. Инфернальщиной отдаёт...

В то же самое время другой «Голос свыше», тихий и настойчивый, зародил во мне сомнение относительно «моего» внутреннего голоса, и навеял воспоминания пятилетней давности, где я на скачках проявился как «игрок», делавший ставки на лошадей. И ещё я уловил важный момент: оба «голоса» прозвучали для меня извне, а это значит, что это не мой внутренний голос, а голоса из внешних источников.

Полагаю, что вот это понимание (хотя и смутное) смысла текущего момента, а именно – «что-то здесь нечисто» и «откуда что взялось», пришло ко мне от живого Бога, о котором я узнал из Библии и которому я молился уже полгода, обращаясь к нему по имени. Зародившиеся сомнения предостерегли меня от слишком азартного вхождения в игру. Я «поставил на спортсменку» Любовь Егорову, но дальше уже следил за игрой осторожно. В голове прочно закрепилась мысль о том что «голос-то не мой». Мне словно бы предоставили выбор – кого слушать – «голос сбоку» или «голос свыше».

Несколько лет спустя, читая дневники Бунина, нашёл у него подтверждение в правильности моих сомнений относительно принадлежности «голоса»: «Странно, но мы не вольны в наших мыслях...». Записал он эту мысль уже в преклонном возрасте, имея за плечами приличный опыт жизни. Из своего жизненного опыта с уверенностью дополняю Бунина: «...и во многих наших поступках мы тоже не вольны». И у других писателей я находил эпизоды, когда герой или героиня слышат какие-то неясные, а порой очень чёткие «голоса», и испытывают при этом тревожные ощущения.

Но это было позже, а сегодня... Сегодня играем: «Делайте ваши ставки, господа!»

Итак, «голос» прозвучал и задал направление моему интересу – теперь я начинаю от самого старта следить не только за ходом лыжной гонки вообще, но и за нашей лыжницей особенно. Это естественно: я живу в России и болею за российскую лыжницу Любовь Егорову. Я на неё «поставил». Пока неясно, что именно я поставил, ведь пари заключить мне было не с кем, но я сосредоточился на этой спортсменке, следуя настойчивому совету «голоса сбоку». Хрен с ним. Поиграю немного, если «он» так настаивает. Заодно проверим честность «подсказчика»...

Продолжение в следующем номере

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Маргарита Самойлова
Кисловодск

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

«Отец неизвестен мне:
без вести на войне...»
Я. Веткин

Из последнего письма

11 XII 42

Здравствуй любимая... дорогая моя жена может быть это письмо будет последним в моей жизни к тебе, написанное под вой снарядов и разрывов бомб. Через несколько часов идём в бой и в эти оставшиеся часы решил написать тебе... Удивительно то, что в боевую жизнь я вошёл спокойно как будто не раз участвовал в ней... Пишу в нетопленной землянке при 25^0 мороза, с озябшими ногами, обутыми в Еланские ботинки. Пока всё переношу, но если не умру раньше, так погублю свои ноги от мороза, т.к. ноги побаливают и согреть их очень трудно, но это всё не так важно... но прежде уничтожить до десятка этих проклятых двуногих зверей гитлеровцев. А тебя прошу воспитать дочь, которая не будет помнить своего родного отца, но которая бы знала, что он был. Матери… сейчас не пишу… не хочется её расстраивать, успокоительные письма писать не хочу, а писать то, что есть и что переживаю, её только расстраивать. Трудно даже определить то место где придётся оставить останки свои, т.к. равнины у побережья Дона, поросшие бурьяном никому не скажут о их местонахождении… Благодарю коллектив, в котором нахожусь, с ним легче всё переживается. Писать я больше не имею возможности, т.к. условий сейчас нет, а завтра… Мысли опережают друг друга, хочется что-то написать особенное в эту минуту, но лучше не расстраиваться, да и руки мёрзнут. Я уже писал тебе о книгах и дипломе будь добра передай это матери, это всё, что я мог приобрести за свою жизнь… Моей маме ничего не сообщай об этом письме… Прощай же Танюша, береги мою маленькую дочь, пусть она будет счастлива хотя и без отца. Твой как и прежде Виктор».

Письмо написано простым карандашом на четырёх страницах, вырванных из середины школьной тетради. От времени бумага пожелтела и обветшала. Страницы сложены треугольником красноармейского письма. Судя по дате и содержанию письма, Виктор вскоре принял свой первый и последний бой...

Перечитываю ответы из НКО СССР на запросы жены красноармейца: «Гр. Самойлова; Сообщаю, что Ваше письмо получено. В числе потерь Ваш муж не числится. 7,9,1943 г.». Ни инициалы заявительницы, ни фамилия, имя, отчество её мужа не указаны. Другой ответ: «Тов. Самойлова Т. На Ваше письмо, поступившее в Управление, сообщаю, что меры к розыску и выяснению судьбы военнослужащего Самойлов В.А. приняты. 3.10.1945 г.».

Орфография и пунктуация писем и документов сохранены.

В Книге Памяти Челябинской области, в частности, указано: «...воинское звание – рядовой; причина гибели – пропал без вести. Дата гибели: 00.01.1943 год».

В пятой записной книжке (Юго-Западный фронт, зима 1942 года) Василия Гроссмана читаю: «Похоронных команд нет. Никого этот вопрос не волнует. Никому до него нет дела… Какое-то дикое, азиатское бездушие! Как часто приходится наблюдать подход резервов к линии фронта, пополнение идёт по местам недавних боёв, среди валяющихся, непохороненных убитых. Кто прочтёт, что происходит в душах людей, идущих на смену этим, валяющимся в снегу?»[2]

Вот так же, не опознанным и не похороненным остался убитый в бою рядовой красноармеец Виктор Алексеевич Самойлов, успевший написать 11 декабря 1942 года: «Через несколько часов идём в бой…»

* * *

...Я неопознанный солдат.
Я рядовой, я имярек.
Я меткой пули недолёт.
Я лёд кровавый в январе.
Я крепко впаян в этот лёд –
Я в нем как мушка в янтаре.
.....
Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня,
я бой на дальнем рубеже.
Я пламя вечного огня,
и пламя гильзы в блиндаже.

Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
И с той зимой, и с той землей,
уже меня не разлучить.
До тех снегов, где вам уже
моих следов не различить...[3]

Юрий Левитанский

В 2020 году вышел в свет коллективный литературный труд, посвящённый 75-летию Великой победы[4].

Удивительно созвучным последнему письму Виктора Самойлова показалось мне стихотворение Владислава Занадворова (1914 -22.11.1942) под названием «Последнее письмо».

Лишь губами одними,
Бессвязно, всё снова и снова
Я хотел бы твердить,
Как ты мне дорога.
.....
Ты прости, что письмо,
Торопясь, отрываясь, небрежно
Я пишу, как мальчишка – дневник
И как штурман – журнал.

Но мы зря не погибнем!
Сполна мы сочтемся сначала.
Мы откроем дорогу
Гранате, штыку и свинцу!..

1942

Во многом сходны биографии названных бойцов. В.А. Самойлов окончил математический факультет Свердловского государственного педагогического института, В.Л. Занадворов – геологический факультет Свердловского государственного университета. Виктор пропал без вести на равнине у побережья Дона, Владислав погиб смертью храбрых в Ростовской области. Всех дней жизни Виктора Самойлова было двадцать пять лет, а Владислава Занадворова – двадцать восемь лет...

В подборке материалов, посвящённых 70-летию Победы опубликовано, в частности, стихотворение Руслана Лукашова (Поисковая группа «Рейд»)[5].

Две судьбы на фронте у солдата:
Как Бог даст — убит или живой.
Ну а мы лишь в том и виноваты,
Что пропали без вести с тобой.

Помнишь, Яша, ту разведку боем,
Чей отход остались мы прикрыть,
Как с утра со всех сторон, гурьбою
Фрицы нас хотели захватить?

---

[2] *Гроссман В.С. Годы войны (Сост. Е.В. Короткова-Гроссман; Послесл. А. Бочарова). – М.: Правда, 1989 (Библиотека журнала «Знамя»). – 464 с. С. 334.*

[3] *Грусть и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне. – М.: Сов. Россия, 1990. – 400 с. С. 90-91. Далее – Гордость и горечь*

[4] *Линия фронта: литературно-художественный альманах / автор-составитель Г.Н. Калашников. М.: Союз российских писателей. 2020. – 480 с.*

[5] *Российская газета. Неделя. 30 апреля – 6 мая 2015. Документы войны. С. 1-32; с. 23*

Понял я тогда — про нас забыли,
Этот бой, как страшный вещий сон.
Ну, а ты, когда меня убили,
На двоих заполнил медальон.

А потом убитые лежали
Мы в воронке с талою водой.
Немцы нас небрежно забросали
Вперемешку — снегом и землей.
.....
Помнишь, особист сказал: «Сбежали!
Сдались в плен, предатели, враги!»
Как нас по домам потом искали,
Как болтали злые языки...

Да будут продолжены поиски каждого красноармейца, не вернувшегося из боя! Во имя Истины, Вечной памяти и Надежды на жизнь без войн!

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ…

Треугольник письма
колет сердце бумажным углом...
Михаил Гаврюшин[6]

Давно нет в живых матери красноармейца (его отец был репрессирован в конце 1930-х). В преклонном возрасте скончалась его вдова; его дочь, Самойлова Маргарита Викторовна, в эти дни более чем в три раза старше своего отца. Пожалуй, лишь она и является живым хранителем памяти о пропавшем без вести красноармейце, сберегая его девять писем; фотографию «Выпускник математиков СГПИ. г. Свердловск. 1938-1939 гг.»; Аттестат на звание учителя средней школы; Трудовую книжку.

В Трудовой книжке всего четыре записи. Последняя из них: «Приказ по РОНО № 202 от 19 августа 1942 года. Освобождён от работы директора Шалинской средней школы № 45 в связи с уходом в РККА».

Сложилось так, что мне представилась счастливая возможность рассказать о Викторе Самойлове.

Пятого октября 2018 года в Информационно-культурном центре «Музей А.И. Солженицына» (г. Кисловодск) состоялась моя творческая встреча на тему: «Вставай, страна огромная…» Отзвуки очерка А.И. Солженицына «Георгий Владимов. «Генерал и его армия». Из цикла "Литературная коллекция"». Читая страницы романа Георгия Николаевича Владимова, где, в частности, упоминается река Дон, я вспомнила, что в последнем письме моего отца от 11 декабря 1942 года также говорится о «побережье Дона».

Это красноармейское письмо – сложенный треугольником лист из школьной тетради – я показала участникам встречи. Они бережно передавали письмо из рук в руки, а на экране демонстрировались строки из письма и фотография Виктора (1939 г.).

Заканчивая эту часть своего выступления, я прочитала:

* * *

Не знаю, как любит отец.
Сравненьем познать не могу –
сверкнул его смертный венец
под крики «Ура!» на бегу.

Но вот говорю: «Отче наш…»
в молитве, идущей к Творцу
с надеждой, что милость подашь,
Создатель, как должно отцу.

Ты, Сущий, вовек не умрёшь.
Вселенную держишь рукой.
Я верю: к отцу приведёшь, –
Он там, где Твой светлый покой.
1998 г. Тверь

* * *

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные…
Давид Самойлов. «Сороковые»

Я родилась в сороковой,
За год до даты роковой.
Страна огромная встаёт,
И мой отец в строю идёт.

Жену и дочку он оставил,
Пошёл, куда Приказ направил.
На Дон с Урала путь пролёг…
Над Доном тихим он полёг.

Лишь миг в истории страны…
И скорбный отзвук той войны.
2018 г.

[6] *Гаврюшин М. Сыновний голос. / Гордость и горечь. С. 271*

Шестнадцатого ноября 2018 года в Музее А.И. Солженицына состоялась моя творческая встреча на тему: «Отзвуки очерка А.И. Солженицына «Евгений Носов» из цикла «Литературная коллекция»». Начало рассказа Евгения Ивановича Носова (1925 – 2002) «Красное вино победы» (1969) напомнило мне слова моей мамы о том, как она, школьная учительница, выгружала раненых из железнодорожных вагонов, прибывших в Свердловскую область.

* * *

Ты так же, ночью на Урале
В туманной от мороза дали
Носила тонкими руками
Солдат, измученных боями.

Твой муж о Доне лишь читал...
В бою за Дон без вести пал.
2018 г.

Проходят годы... Предвижу горькую судьбу девяти писем рядового красноармейца Самойлова Виктора Алексеевича (1917-1942).

ПОЧТА «ЛК»

Маргарита Самойлова

Три года сотрудничества с альманахом «Литературный Кисловодск»

Продолжаю перечитывать выпуски альманаха (№ 71, сентябрь 2019 – № 82, январь 2023). Вспоминаю, что в начале знакомства с названным изданием привлекла внимание информация Ильи Миклашевского «Журнал «Тёмный лес» и его сайт» («ЛК»-71, сентябрь 2019).

И.Р. Миклашевский, в частности, пишет: «Когда сайт заработал, я, конечно, предложил С.Я. Подольскому сделать на нём и страницу «Литературного Кисловодска». Мы решили группировать публикации на авторских страницах. Среди авторов, чьи страницы следует сделать в первую очередь, Станислав Яковлевич назвал Геннадия Трофимова и Мирона Этлиса. К сожалению, они не успели увидеть свои страницы. Это осталось для меня вечным укором: надо работать быстрее».

Произведения И. Миклашевского в указанных выпусках альманаха опубликованы в различных рубриках: «Философские странички»; «Мир молодых»; «Поэты "Зелёной горы"».

Философские странички

«ЛК»-72, январь 2020. Две новеллы под общим названием «Почему?» Первая – «Афганская сказка». Старый немощный бандит ради безумного самоутверждения приказывает маленькому мальчику плясать на улице. «Мальчик плясать не захотел, и бандит стал тыкать его ножом...» Прохожие издалека стыдили бандита, но никто не подошёл и не помог мальчику. «К счастью, у бандита вдруг закололо сердце, потом сильней, началась одышка. Он побрел домой, лег на койку и больше уже не вставал. А окровавленный мальчик побрел в другую сторону».

Покалеченный мальчик вырос озлобленным хулиганом. «А родственники бандита говорили: "Правильно он его резал – понимал, что из него вырастет!"»

Кто виновен в том, что мальчик вырос негодяем? Старый бандит; люди, глядевшие на изрезанного мальчика; тот молодой человек, которым стал выросший ребёнок?

Около сорока лет назад очень морозным днём я ехала в промёрзшем вагоне трамвая. На одной из остановок в заднюю дверь вагона вошёл мальчик, на которого пассажиры не обратили особого внимания. Через минуту раздался крикливый голос кондукторши – оказывается, у мальчика не было денег на билет. Не доезжая до следующей остановки, вожатый остановил трамвай и мальчика высадили на мороз. Никто из пассажиров, в том числе и я, не купили мальчику билет. Можно, конечно, оправдываться тем, что всё произошло очень быстро, что не успели сообразить, что ребёнка могут высадить... По сей день укоряю себя.

Продолжение следует

Людмила Соколова
Москва

Я К ВАМ ЯВИЛАСЬ, ЛЮДИ, НЕ ПРОСИТЬ...

Очерк

17 января 2023 года в Москве, в Доме-Музее М. Цветаевой на заседании литературной студии «Магистраль» прошёл «Вечер памяти поэта Саницкой Нины Ивановны (28.01.1925-12.11.2022)» под названием «Я к вам явилась, люди, не просить, а до последней капельки отдать…»

Эти строки из её стихотворения, написанного в 1980-е годы:

* * *

Потом приму груз дел и груз семьи,
потом придёт и женственность, и стать.
Ну, а пока что посреди земли
мне жадно и глазасто подрастать!
И становиться с каждым днём новей.
Тянуться вверх, от страха быть в тени.
Взлетают листья в синеву с ветвей.
Мои взлетают к солнцу пятерни.

И, вслушиваясь в птичий звон и гам,
омытая им с ног до головы,
ношусь по долам, по оврагам, по лугам,
зелёная от листьев и травы.

И возвращаюсь, голенастой и босой,
под вечер к дому. И, видать, не зря
кропит тропинку розовой росой
полнеба охватившая заря.

Не зря дорожки узки у начал.
Не зря незримо ядрышко в зерне.
Не просто так не спится по ночам...
Проснулся сильный человек во мне.

И всё невыносимее носить
в себе одной земную благодать.
Я к вам явилась, люди, не просить,
а до последней капельки отдать.

На памятный вечер пришли родные, близкие, студийцы литературного объединения «Магистраль», друзья из литературного клуба «Московитянка» при Центральном Доме Литераторов, где её членом долгие годы была Нина Ивановна Саницкая. Автор проекта «Живой голос победы» В.В. Нарский с дарственной надписью подарил одноимённый альманах с воспоминаниями ветеранов Великой Отечественной Войны, где опубликовано последнее интервью поэта-фронтовика Нины Саницкой. Подготовка к памятному вечеру дала возможность ещё раз окунуться в поэзию Нины Ивановны, заглянуть в её книги стихов, вспомнить её живой образ. На вечере звучал в записи голос поэта.

Чтобы дожить до ста лет поэтессе не хватило 2-х лет и 2-х месяцев. Саницкая Нина Ивановна – это целая эпоха, громадный и трудный жизненный путь...

ДЕТСТВО

До сей поры слова те больно жалят,
мы дома слышали одно и то ж:
«За колосок ворованный сажают…»
Мы знали, где пшеница во поле, где – рожь.

Когда с утра и до потёмок голод
за горло брал, как может только враг,
мурашек чувствуя по коже холод,
мы пробирались стайкою в овраг.

И, сыростью дыша и зыркая глазами –
у жизни, может быть, на дне, –
наверх мы из оврага выползали,
словно солдаты из окопов на войне.

А нива зреющая светом озарялась –
добра и простодушна по-мирски.
Мы, горбясь, как зверюшки, озираясь,
за пазуху совали колоски.

Как после их в ладошках тёрли,
овраг свидетель да святая высь.
И то что мы их у кого-то спёрли,
такая нас не посещала мысль.
В прохладном, затрапезном удаленье
врасплох ничей нас не настиг укор.
И в душах теплилось благодаренье
земле за пониманье и прокорм.

* * *

Священнодействие на поле. Жатва.
Молитвенная, летняя пора.
Там выступает пот седьмой. От жажды
пьёт квас похлеще взрослых детвора.
Пусть не на равных, но в делах по уши.
Зато – на равных будут есть супы…
Снуют по полю кони, волокуши,
на волокушах – жёлтые снопы.

Стучит на взгорье молотилка гулко.
Она творит свой жертвенный обет…
Всё оборвёт ударом о чугунку
дежурный, созывая на обед.

О, миг заслуженный! О, миг законный,
который не увидишь и во сне:
заржут, рванутся к водопою кони,
осёдланные ребятнёю, по стерне!

Подумаю, вслед этой сказке глядя:
опять начнут трусишкою дразнить…
Но самый добрый и усатый дядя
меня на пегую лошадку водрузит.
И улыбнётся с тайным видом мага:
– Ну, скатертью – дорога! Ну, вперёд!..
Лошадка совершит каких-нибудь два шага
и, словно вкопанная, подо мной замрёт…
Не от бессилья вовсе, не от лени:
почувствовав дрожанье седока,
упрёт в траву передние колени,
стряхнёт меня – по шее вниз – слегка.

Мечта моя в обилье слёз погаснет.
Подружки сникнут, стоя по бокам…
А дядя миф расскажет о Пегасе,
который избранных возносит к облакам.

Нина Ивановна – участник ВОВ. В домашнем альбоме есть малепусенькие фотографии празднования долгожданного Дня Победы в мае 1945 года. Праздновали всем полком на поляне возле леса. Об этом стихотворение:

Нина Саницкая

ПРИВАЛ

Друзьям военных лет

Редеют ряды ветеранов.
Всё реже их, реже следы.
Редеют – и поздно иль рано
последний покинет ряды.
Вы вслед ему глядя, поплачьте:
он жил средь трагедий и драм
на этой земле. А пока что:
«Привал!» – пронеслось по рядам.

«Привал!» – до меня, как волна, докатилось,
и сердце застало врасплох, и строку…
«Привал!» –
будто благо иль высшая милость
идущему денно и нощно стрелку.

«Привал!» Долгожданному рада привалу:
в дороге и впрямь без привала нельзя…
Седому поклон отдаю генералу,
ему козыряют седые друзья.

Он сам пожимает ладони нам просто.
Лампасы алеют в вечерних лучах.
Держать так легко все свои девяносто
непросто, как видно, ему на плечах.
Ему этих лет, как котомку, не сбросить,
какие пути впереди ни стели…
И девочка рыжеволосая просит
войны поколение сесть за столы.

Восторга исполнена и поклоненья,
загадка – сама, и сама вся – полёт!..
Прозрачный дымок моего поколенья
над нею – красивой и юной – плывёт
туда где туманы укутали дали
и где приутих над могилами гнев…
Звенят вдоль столов мелодично медали,
о грани стаканов случайно задев.

Младший сержант Нина Саницкая была радиотелеграфистом, командиром отделения, комсоргом. Я (дочь поэта) долгие годы жила с понятием, что 9 мая – День Победы, и через короткое время солдаты будут дома в кругу родных, близких, товаришей. Просматривая документы: военный билет, армейскую книжку, характеристику от полка, – я обнаружила, что Нину Ивановну демобилизовали из армии только в 1946 году. И она возвращается в родные края, в разрушенный отчий дом.

* * *

Торчат, как будто бы изваяны
за неоплатные грехи,
из снега рыхлого развалины.
Капель слетает со стрехи...
И длится грустное свидание,
И тени бродят по избе.
И слышно ветра завывание
в полуразрушенной трубе.
И полыхнул, как озарение,
знакомый взор из полумглы.
Промчались годы иль мгновение? –
Друг перед другом снова мы!

Душа живая, Матерь Божия,
с улыбкой скорбной на устах,
на маму так мою похожая,
как я, испытывала страх.
В сырых развалинах, заброшенных,
недолго длилась эта быль.
С одежд святых Её, поношеных,
платочком стряхиваю пыль.

И в ночь глухую, непогожую
от стен, которых не спасу,
я маму, Маму, Матерь Божию,
прижав к груди моей, несу.

Очень рано Нина научилась грамоте. Отчим её был высокообразованным человеком, учительствовал, проводил в селе ликбез. Крестьяне приходили к ним домой, и совсем маленькая Нина лежала на печке, со взрослыми внимательно слушала своего первого учителя, запоминала всё, чему отчим учил крестьян. В 4 года она наизусть знала немало стихов, отрывки из поэм Н.А. Некрасова. Отчим, видя в маленьком ребёнке талант, не препятствовал этому. Часто брал её в школу на выступления. У ребёнка появлялось желание говорить стихами. И, встав на табурет перед той самой иконой Святой Богоматери, читала свои первые стихи, а там где не хватало слов добавляла «Та-та́-та. Та́-та. Та-та-та́!»

* * *

Святая Богоматерь. Из угла
глядит она, к груди прижав младенца.
Тревожных глаз задумчивость прожгла
насквозь моё мечтательное детство.

Чьим вдохновением дана такая власть,
дана такая тайна покоренья,
что бабушка моя приходит пасть
пред Нею, молчаливой, на колени?

Приходит, старенькая, столько лет
земные перед Нею класть поклоны
и думать: «Коли существует свет,
так он исходит от Её короны».

И от поклонов нескончаемых в ночи,
что твой ковчег качается избёнка.
И, мучаясь от качки, на печи
я снами забываюсь не ребёнка.

Но только кочет в утро прокричит,
но только вдребезги о подоконник
рассветные ударятся лучи –
коня пришпорит за калиткой конник
и унесётся в розовый рассвет,
росу сшибая кнутовищем с веток.
К окну за ним рванувшися вослед,
зажмурюсь я от наводненья света.

Обрадуюсь, что бабушка ушла,
как я, наверное, восходу рада…
А Богоматерь будет из угла
следить за мной, не отрывая взгляда,
словно страшась, что тоже упаду
пред Ней, лишившись дара речи,
и не подозревая, как я жду
с Её глазами божескими встречи...

Готовая за грех свой умереть
в избе, полынью полевой пропахшей,
я, перед Нею встав на табурет,
прочту стихи Ей,
от молитв уставшей...

У Нины Ивановны интересные дневники, которые она вела до самых последних своих лет. Один из них называется «Тетрадь друзей». Последняя запись в ней: «Вот и закончилась моя «Тетрадь друзей». С замиранием души кладу в архивный ряд моих «Рабочих тетрадей». Она – волнительная часть моей жизни. Каждая строка в ней говорит, дышит, глядит. Это они – мои лучшие друзья, без которых жизнь невозможна. Прочитали с дочкой Людой. Хранись «Тетрадь друзей» надёжно и долго. Нина Саницкая /подпись и дата/. Москва».

ДРУГУ

А я решила – вот и разошлись
Легко, забывчиво, как дети.
Но опытнее и умнее жизнь:
Она – и наш судья, и наш свидетель.

Нежданный, неосознанный порыв…
Случайный, пустяковый повод…
Но чувствую: натянут с той поры
незримый между нами провод.

Мы не спешим откликнуться на гуд,
к себе и ближнему жестоки.
И всё ж по проводу тому бегут,
помимо нашей воли, токи.

И слышу я наперекор грозе,
как слово доброе спешит сквозь шум,
сквозь ругань.
О, сколько надо потерять друзей,
чтоб обрести единственного друга!

Ещё одна запись из дневников. «После войны, где только ни приходилось работать. Был неудачный опыт по окончании войны сразу после демобилизации из армии. Морозной зимой на железнодорожном вокзале торговала пирожками из корзины на высоком табурете. Одета была тепло, но неуклюже. Валенки на тяжёлых калошах, толстая телогрейка с белым фартуком, на голове – огромный шерстяной платок, плотно крестнакрест перетянутый через грудь и завязанный за спиной. Кажется, толкни легонечко – повалишься на землю и не поднимешься.

Как-то обступили цыгане. Вроде бы покупали пирожки, давали деньги, спорили и галдели. Когда цыгане будто сквозь землю провалились, оказалось – ни пирожков, ни выручки. Пришлось потом на морозе отрабатывать деньги без зарплаты».

Другая запись в дневнике. «Долгие годы до выхода на пенсию работала в типографии газеты «Гудок». Зная, что я (Нина Ивановна) пишу стихи, частенько руководство обращалось с просьбой написать то или иное стихотворение в газету, иногда памфлет. Один из коллег посоветовал пойти в Центральный дом культуры железнодорожников, что на трёх вокзалах, в студию «Магистраль», которой руководил тогда Георгий Михайлович Левин». Это было начало 60-х годов прошлого столетия. Ему посвящено не одно стихотворение.

* * *

Г.М. Левину

Учитель наш!
Как девочка, молчу.
Найду ль для Вас
достойное сравненье?!
Но если в храме Муз
зажгла свечу,
то это с Вашего
благословенья.

* * *

Г.М. Левину

Попрощаемся и улетим. Навсегда.
Сколько песен не сложено!
Сколько не спето!..
На попутках спешат и спешат в поездах
в жизнь непризнанные поэты.

По заслугам не признаны – так не беда.
Над трясиной болотной,
осклизлой и ржавой,
не заметить нельзя, если вспыхнет звезда.
Он заметит. Он жив и поныне – Державин!

Он не так величаво, как прежде, одет.
Он намного щедрей и суровей сегодня.
И, взволнованный, хочет услышать поэт
голос старшего друга,
как возглас Господний.

И Державин присядет к столу в добрый час,
он посмотрит в такие знакомые лица.
И покажется: можно взойти на Парнас,
только надо однажды на это решиться.

Как зерно, обнажит он поэзии суть,
вдохновенное скажет: «Дерзайте и смейте!..»

И поэты в дорогу с собой унесут
веру в творчество...
Кто-то – в бессмертье!

Первая книга стихов «Сокровенное» была выпущена в 1977 году издательством «Советский писатель», где редактором был Исаев Георгий Александрович. Прочтя рукопись будущей книги, он объявил редколлегии: «Ни одной строчки не трогать! Как есть, так издать» (из дневниковых записей).

ЗВОНАРЬ
Небесной тайною окутанный,
раскачиваясь как фонарь,
под куполом, под самым куполом
весь в чёрном мечется звонарь.
Под ним стрижи крылами чиркают
о храм, отвесный как скала.
А он расставил ноги циркулем
и бьёт, и бьёт в колокола.

Он бьёт отчаянно и яростно,
он плакать заставляет медь!
А им, колоколам, как аистам,
от этих рук бы улететь.
От своего больного пения,
от золочённого креста
и от терпения, терпения
на нём распятого Христа...

«Магистраль» – для Нины Саницкой – живой глоток поэзии. И, когда по состоянию здоровья она не могла бывать на занятиях – написала магистральцам:

* * *
Я скучаю без вас, магистральцы.
Я не сплю по ночам, мои плачи тихи!
Слышно, как хрустят мои пальцы.
И не вам теперь – звёздам читаю стихи.

* * *
Творите, творите, творите!
Ничто не уходит в песок.
Отломанный прутик ракиты
в прибрежную глину воткните,
а дальше всё сделает сок
и солнце. Вы только примите
как первенца, первый листок!

На вечере памяти поэта стихи Нины Ивановны читали все. Был трогательный, незабываемый вечер. Я, дочь поэта, благодарю всех за трепетные слова, сказанные о моей маме.

Тема творчества поэта – любовь, материнство, природа родной земли, село, город и неуспокоенность…

* * *
Такси по улице скользило,
как будто капля по руке.
Неуспокоенность сквозила
в дыханье, в слове, в ветерке.

И вдребезги разбилась дрёма.
И по глазам хлестнул простор,
когда ладонь аэродрома
внезапно город мне простёр.

Я, ослеплённая, молчала, –
в ладонь вцепившийся птенец.
Возможно ль обрести начало,
когда всему уже конец,
когда глядишь уже на вещи
полушутя, полувсерьёз?..
Послышался мне голос вещий:
«Лети!..» – И по спине мороз.

А за спиной дышал мой город.
То одобрял, а то корил…
Вновь перехватывало горло
при самом первом взмахе крыл.

* * *
Я знаю, есть он – естества закон.
Лежит на мне печать первопричины…
О, сколько их передо мной окон,
воспоминаньями зажжённых о мужчинах,
которых нет давным-давно. Отнять,
прервать дыханье им успели пули.
Летят, летят воспоминанья вспять,
как пчёлы, голодом гонимые, из ульев.
Они летят туда, где синие цветы
пытаются глядеть глазами павших.
Прости меня! Но слишком больно ты
в лицо листвою сыплешь мне опавшей.
И каждый лист горяч до красноты.
Не остудили их ни вёрсты и ни ветры.
Всё листья, листья обжигают, но не ты.
И плеч касаются моих не руки – ветви.

Порой мне кажется:
ты существуешь, есть.
И свет в твоём окошке тихом в полночь
так успевает радужно расцвесть,
что понимаю – не нужна там помощь.
О, если так, пусть длится эта ночь.
И значит не пропал порыв мой даром,
когда спешила я тебе помочь,
когда дымы клубились, как удавы,
и вверх ползли, вставали на дыбы,
кишмя кишели, извиваясь в кольца.
Чудовища пожарищ и пальбы –
они у юности украли солнце!

* * *

Боюсь и зёрнышка просыпать
святого чувства и, как песнь,
я повторяю вновь: «Спасибо
за то что ты на свете есть!»

Я говорю:
– Не ради казни
простилась с близкими людьми, –
как будто ждал меня здесь праздник
ещё невиданной любви.

О, как я торопила поезд, –
как всадник дикого коня!
Всё потому что быть мне порознь
с тобою – гибель для меня!

Кто дал тебе такое право?
Себя не помня, как в бреду,
не признавая троп, по травам
к тебе распахнуто иду.

Не верю в небе чистом грому.
Земных не понимаю слов
о том что не тебе – другому
куда нужней моя любовь.

Но тяжелы слова, как глыбы.
И, принимая эту весть,
я повторяю вновь: «Спасибо,
за то что ты на свете есть!»

ОСТРОВ ПЕСЕН

Когда на землю тишина
сойдёт, я ощущаю остро:
он существует – этот остров,
который я открыть должна.

Пока оттуда пушки не палят,
и он лежит, необитаем,
в туманы погружённый, словно в тайны.
К нему плыву который год подряд.

Ветра секут и вкривь, и вкось меня.
И на дыбы встают, как звери, льдины.
Но край, необжитой и нелюдимый,
влечёт к себе, за горизонт маня.

И взгляд – вдали. И козырьком – ладонь.
Наверно, так глядел когда-то Беринг…
Однажды я сбегу на дикий берег
и жаркий разожгу на нём огонь.

Дымок потянет к небу голубой.
Как льдина, тишина внезапно треснет,
когда мои разбуженные песни
на этот остров высыпят гурьбой.

Молчавшие упорно до поры,
меня всю выскажут светло, разноголосо.
Поднимут, чтобы строить, топоры.
Растопят лёд, чтоб напоить колосья.

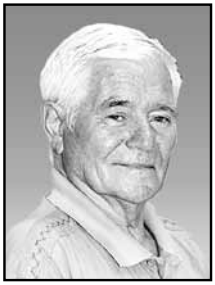
И развернут, как радугу, под небом флаг.
И сразу в мире станет больше света.
Ему навстречу сделав первый шаг,
обрадуется друг родному цвету.

Мне дальше плыть. Куда? Не всё ль равно!
Живут цветы. Жива покуда плесень…
Где раньше было белое пятно,
товарищи напишут: «Остров песен».

Особое место в творчестве Н.И. Саницкой занимали поэмы. Многие – напечатаны. Другие – ждут своего часа. Я спрашивала: «Мама, как у тебя хватало мужества и сил писать такие грандиозные поэмы?» Ответ таков: «Страшновато было браться за поэмы. Панорама нашей огромной страны и человека, его судьбы не умещалось в рамках одного стихотворения. Хотелось выразить больше. И был Божественный промысел свыше».

НАРОДНЫЕ ПРОЗА И СТИХИ

Анатолий Филатов
Георгиевск



РОДНОЕ!

КАЮСЬ!

Переубеждать меня сейчас не надо.
Слишком поздно переубеждать.
С деревенским я характером и складом,
Ни прибавить здесь и ни отнять.

Виноваты ль гены, воспитанье, –
Только мне не стыдно за себя,
Что когда-то в возрасте мужанья
Я в деревне жил, её любя, –

Милую, нескладную, родную,
Что со временем роднее и родней...
Знаю, не один я так тоскую,
Знаю, что не все вернулись к ней...

Что же держит нас на расстоянии,
Времени не дав хотя б для встреч?
Виновато ль позднее раскаянье
В том что верность не смогли сберечь?

Виноваты ль в том, что время тяжкое
Пересилить ей не помогли
И, в погоне за мечтой, крестьянские
Бросили места и утекли?

Виноваты ль в том, что состоялись,
Пригодились стороне другой?..
Ну а в том, что мы тогда расстались,
Каюсь я! Простите! Грех за мной...

* * *

Не считайте года матерей и отцов,
Не старайтесь о том
с сожалением слушать.
В православных церквях
сколько колоколов!..
Не число их рождает созвучие в душах.

В каждом новом ударе – малиновый звон!
С ним надежды растут, исчезают печали.
В добрый час над землёй
ветром он разнесён,
По нему и дороги, и думы сверяем!

И живёт благодать неразрывно с судьбой.
И хотя не всегда в очевидное верим,
Только это приходит само же собой,
Лишь бы были у сердца
открытыми двери.

Не считайте года матерей и отцов!
Это – чудо-багаж, это золота слитки!
Чем спокойней и меньше о возрасте слов,
Тем светлее у них и глаза, и улыбки.

ВОСПОМИНАНИЕ

Держу потрепанный билет –
Концерта вспомнилась тирада:
«Откройте двери! Дайте свет!
И марш сыграйте для парада!»

А было это так давно,
Но что-то вспомнилось родное.
Ведь память – это же кино!
Волнует грудь, хотя немое...

Новицкий с Мировым дают
Со сцен весёлые концерты.
И мы раз в месяц – тут как тут,
Хотя в миру ещё студенты.

Да было это или нет?
Да, было! Вот она, отрада:
«Откройте двери! Дайте свет!»
Москва. Концерт. Театр эстрады.

КОСОВОРОТКА

Подарили мне косоворотку –
Не такой уж, вроде бы, сюрприз...
Только сердце приняло обновку,
С ярким чувством, чуть не прослезив...

Как могло случиться через годы!
Проявиться в сутолоке дней,
Появилась, вроде, снова мода
На косоворотки у людей.

Вот он на столе передо мною
(Правда, с фотографии простой)
Мой отец, с давным-давно родною
Той рубашкой – смотрит как живой.

А теперь и я одет в такое.
(Видимо, с небес пришёл повтор!).
Чтоб не забывал лицо родное,
Память согревала, как костёр.

Анна Ушакова
Кисловодск

МОЯ СТРАНА

РОССИЯ-МАТУШКА

Матушка-Россия, святая наша Русь!
Дай Донбассу силы мир себе вернуть.
Защити от боли стариков, детей,
Заслони от пули ребят Земли моей!
Я в Россию верю, ты – вторая Мать!
Ни любовь, ни веру нацистам не отнять!
Не встанет на колени Россия никогда!
Прославит поколенье героев имена!
Я – дочь кровей украинца с армянкой.
Свободно говорю на русском языке.
Горжусь своей страной!
Ведь я же россиянка...
Донбасс – с тобою мы в едином кулаке!

Анна Ушакова

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Смотрю на пожелтевший снимок деда:
Одетый в гимнастерку
и фуражку со звездой,
Четыре года приближал победу;
Был ранен. Выжил и обратно в бой!
На фронте был разведкой засекречен,
Прислали весть, что без вести пропал.
Молили бога всё-таки о встрече,
Ведь ты вернуться дочке обещал!
Приехал с Гданьска
в сорок пятом, в сентябре.
Не многословен был, задумчив,
в званье капитана.
Рассказывал ты мало о войне:
о славе говорят
Три ордена, медали, раны.
Победы день!
И катится слеза! Вы отстояли мир!
Бессмертна ваша воля!
Пока мы будем помнить те года,
Разрушить этот мир мы не позволим!

СЕКРЕТ СЧАСТЬЯ

Под пологом ночи рождается сказка.
Падают яркие звёзды дождём.
Сквозь чащу лесную по склону овражка,
За руки взявшись, к опушке идём.
Пред нами открылась
гладь озера в красках.
Свет лунной дорожки блестит серебром!
Живут там два лебедя Верный и Ласка.
Глубь озера искрится синим огнём!
Мы верили в силу добра через сказки.
В горах у костра встречали рассвет...
Живут в нашем сердце верность и ласка,
Любовь и доверье: вот счастья секрет.

ЗДРАВСТВУЙ, ПАРК, И ДО СВИДАНЬЯ!

Как будто снег зимой, крутится пух в июле.
Храм Воздуха манит прохладою аллей.
Гул городской, как ставший тесным улей,
Вас гонит в синий лес и тишину полей.
Дай бог здоровья вам
много светлых лет.
Пусть время не подвластно над горами.
Вас будут помнить: Сёдла, Камни и Пикет,
Сосновка, Красно Солнышко,
Долина Роз, Бювет,
Наш старый парк
Ждёт новой встречи с вами!

НОВОГОДНЕЕ ПИСЬМО!

Новогодняя ночь превращается
в зимнюю сказку:
Бесконечное кружево звёзд
небеса покрывает ковром.
Закружатся под ёлкой
тигринные, заячьи маски,
Из пушистых снежинок вуаль
заблестит на стекле серебром.
В новогоднюю ночь
подведём годовые итоги:
Вспомним тех кто ушёл,
покидая родных навсегда.
Выпьем также за тех кто нас любит,
о ком мы в тревоге,
И конечно за них,
защищающих Землю солдат!
Преподнес этот год
непростое для нас испытанье,
Россия сплотила народ,
став намного сильней и честней!
Даст Бог разум заблудшим
и примет от них покаяние!
Милосерднее, Господи, будь!
Возврати матерям сыновей!
Пусть Новый Год нам принесет победу!
Сойдут снега, Весна наступит вновь.
Над страной распахнется
огромное чистое небо!
Наши слезы и боль
примут Вера, Надежда, Любовь!

Алла Ёлкина, член РСПЛ
Будённовск

ПУТИ-ДОРОГИ

КАК СУДЬБА ВЕЛИТ

Любовь волнует кровь –
на зов, влекущий вновь
в плаванье души,
одиноко поющей в тиши.
Пока не слышен зов небес,
пока душа простором дышит,
буду помнить ушедший образ
и лодку на двоих,
что причала ищет.
И отдохнув от прошлых грёз,
стремясь к счастливой доле,
не думать о тебе,
не строить будущего планы,
а жить, как судьба велит...
Куда несут мои года, мои желанья?
Какая награда за любовь?
И какая – за расставанья?

ПРОШЛОГО СЮЖЕТ

Налетел бурей вероломной,
На кончике ножа неся раскол,
Вбивая клин досады и раздора,
Немевшими глазами делая укор, –
Вот прошлого сюжет неугомонный...

Метели заметали след далёкий,
Капели наполняли их дождём.
Пылали ярче забытые страницы,
Приближая неожиданность времен,
Смывая прах мечты глубокой...

Новая надвинется пора,
Время разовьёт свой бег.
Ждать придется только до утра,
А затем пропасть на целый век...

НЕПРОШЕНЫЙ

Запах осенней травы некошеной,
На запах свободы желанной похожий.
Ты вошел в мою жизнь непрошено,
Как гость, как случайный прохожий.
И ушёл, задев струны гитары,
Молодой, неродной, непригожий мой:
Жизнь одна – мы с тобою не пара.
Мне нужнее души теплее, светлее,
а нравы спокойней, милее.
Останешься во мне, нечаянный,
За прощальной кружкой чая, –
Среди дней и ночей отчаянных,
Мелькавших, душу слушая...

ПРИЗНАНЬЕ

В любви признаться – нелёгкое дело.
Волненье сердца мне душу грело.
Звездное небо не радует глаз.
Облаком белым витаю для Вас.
В лучах солнца сила любви.
Говорят: он не твой – зови, не зови.
Душистые травы мне помогли
Колдовскую любовь унять на рассвете:
Признанье моё он не приветил...
Сон-трава баюкала бедную душу,
Красоту тишины дала слушать.
Знойный день, прохлада ночи –
Шепот двоих тень уносит...
Утро наступит, сердцем поймёшь:
Он не твой. Боль в сердце замкнёшь,
Ключ в огненном свете расплавишь,
Лавину чувств остыть ты заставишь...
Он не мой...

БОЛЬ

Мне бы избавиться от боли,
Что не дает покоя, ноет
И травит душу. Ты послушай,
Как стонет ветер, унося секреты.
Пьянит дыханье жёлтая осень,
Вползая осторожно в душу:
Легко, беспечно, моросейно...
Я снова в паутине забвенья:
Безбожно по судьбе скользя,
Я лгу себе, что любить нельзя.
Скоро покроют землю снега,
Затрещат хрустальные морозы
И нарисуют серебром узоры,
На былую боль мою похожие...

ПУТЬ

Ветер любви песню поёт,
про судьбу мою колдует.
Волшебство всё собирает:
жизнь в цвету мне предрекает.

Вдруг весна хлынула щемяще,
в душу мою проникала.
Колдовала, звеня маняще:
плавно жизни путь изменяла.

Распылила Птицу счастья.
Клубок грусти намотала.
Боль разлуки, чуждая стая...
Цветы жизни полынью стали.

Зов степей, зов предгорья
звенят, смешавшись раздольно –
по рельсам судьбы в мои края...
Сердца коснулись, любви не тая.
В горы уйду, покой там найду:
всё пою о любви, всё пою...

НОВОЕ ВРЕМЯ

Среди крыш, покрытых снегом,
виден город. Улиц холод. Зима.
Инея кружева, позёмок кутерьма.
Сквозь туман лучи пробились,
огоньками обернулись, засветились...
А в домах тепло,
горят новогодние свечки.
Хорошо согреться
у тёплой домашней печки.
А звезды мерцают, и мороз трещит.
Новое время у порога стоит.
Так хочется всем по бокалам разлить
любовь, мечту, веру в доброту.
И у Творца хочу спросить:
как быть, чтоб забурлила жизнь,
чтобы судьба одела душу в шёлк,
чтоб улыбаться, хотя счастья и не нашел?
Кого благодарить, что много пережил...
И остался, вопреки всему, жив?
Что одиночества глухая пора ушла –

что до боли сердце иглою прожгла.
Но Божья благодать поднимает дух:
засверкает вдруг всё радостью вокруг!

ЗИМА

Январь открывает нам двери
В неизведанную даль.
Колдует вьюга у порога,
С надеждой шепчутся в печи дрова.
А за окном туманная дорога,
Зима вступила уж в свои права.
Снежные в небе плывут облака.
Мыслей много, они греют сердце...
Встречи ждем и теплые слова,
ожидаем чуда, волшебства.
А январь, лихо используя случай,
Грозит морозом, закружит вьюгой.
И дальний путник просится на чай.
И мы, согревая друг друга,
коснувшись взглядом, будто невзначай,
Простимся у зимнего порога,
Уходя в неведомую даль.

НОВОЕ ИМЯ

Владимир Фаддеев
Ставрополь

ЖЕНЩИНАМ МИРА

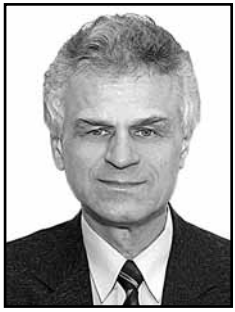
ВЕСЕННИЙ ДУХ

Весна ворвалась прямо в сердце,
Вошла и в мысли и дела.
И никуда уже не деться
От взмаха теплого крыла.

Пускай не балует Природа
И за окном, порой, зима,
Но все же март, как утро года,
Весна дарует нам сама.

Пускай еще морозец крепкий,
Метели, вьюги впереди,
Но запах трав, густой и терпкий,
Уже кипит у вас в груди.

Ловлю улыбки милых женщин.
У них предпраздничный настрой.



Владимир Фаддеев

И у мужчин хлопот не меньше
Поди, поздравь-ка всех с Весной!

Все блага Мира, чувств смятенье,
Здоровья, Счастья и Любви!
Примите наши поздравленья,
Поклон наш низкий, до земли!
19.02.07

НАДЕЖДА

Весна вселяет в нас надежды,
Что будет мир, лазурь небес.
И пусть зима в свои одежды
Еще рядит дорогу, лес.

Почувствуйте Весны движенье,
Ее серебряную трель.
Природы! Мира пробужденье…
Весна стучится в Вашу дверь!

Вы распахните двери настежь,
Вы прикоснитесь к ней рукой.
С Весной войдут тепло и счастье!
И солнца лучик золотой!

МЕЧТА

Год пролетел – словно день,
Мы снова на том же кургане…
И жаворонка прежняя трель,
И те же цветы на поляне .

Нам трав здешних дорог настой,
И пенье весеннее птиц…
Ты помнишь, как прошлой весной,
Они нас сдружить поклялись!

Ты руки к цветам протянула,
Нагнулась к ним – носик в пыльце,

Прищурилась, мне подмигнула…
Улыбка на милом лице.

Мы рядом сидели с тобой.
Друг другу читали стихи –
Асадов, Сергей Островой…
То были слова о Любви!

Любовь – это птицы полёт,
Ей нужен простор голубой…
И руки раскинув – ты мчишься вперёд,
Я следом лечу за тобой.

Мы сердце готовы друг другу отдать,
Но медлим, и в том не повинны…
Ведь Бог не подумает нам подсказать,
Что рядом – твоя половинка.

Быть с тобой целиком, не частью,
Я хотел бы всегда и везде,
Только вот говорят, что Счастье,
На чужой не построить беде.

Как трудно, как больно
расстаться с Мечтой,
Которая в сердце живет,
Но не назвать нам друг друга Судьбой,
Наш не сложился полет!

1973

ТЫ – МОЯ ВСЕЛЕННАЯ!

Восьмое марта – светлый день!
И пусть метёт за окнами пороша, –
Весны я слышу звонкую капель,
Я мысленно с тобой, моя хорошая!

Твое дыханье – шум листвы весенней,
Твоя улыбка – новая заря!
Я подарю тебе сегодня всю Вселенную,
Мне хочется обрадовать тебя.

Ты голову склонила мне на грудь,
Сказала что-то ласковое, нежное.
Свет милых глаз твоих,
как Млечный путь,
Мерцает в небе тайною безбрежною.

Мне этой тайны не постичь вовек…
Ты – новый день! Ты – небо голубое!
Но главное – ты добрый человек,
И потому мне хорошо с тобою!

19.02.07

ПОЧТА «ЛК»

Василий Помещиков, член СЖ РФ
Киров

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Очерк

Когда я влился в коллектив Новокуйбышевской городской газеты «Знамя коммунизма» (тогда Куйбышевской, а нынче Самарской области), одновременно, как бы автоматически, стал и членом литературного объединения при газете. Руководил им тогда Иосиф Венников – «куйбышевский писатель, проживающий в Новокуйбышевске», как любил он говорить о себе.

Это был очень эмоциональный, восторженный человек. Ради массовости он вовлекал в объединение всех, кто приходил к нему со своими рукописями. Прочтёт, бывало, произведение новичка и многозначительно скажет: «А здесь что-то есть, что-то есть... Ходите на занятия, и мы вам поможем совершенствоваться...» Крылатое «А здесь что-то есть...» стало чем-то вроде его визитной карточки, критерием отбора желающих стать членами объединения. Я даже написал такую эпиграмму, посвященную И. Венникову:

Прочти подряд его рассказы,
Один, и два, и пять, и шесть.
И ты, конечно, скажешь сразу:
«А в них, пожалуй, что-то есть...»

Иосиф не обиделся. Между нами установились добрые отношения. Его что-то привлекало во мне. Видимо, он уже всем надоел своими эмоциональными и многословными исповедями о собственном творчестве, а я, новичок, терпеливо его выслушивал, вот он и находил отдушину в общении со мной. Вбежит в кабинет, подсядет к столу и начинает:

– Ты знаешь, Вася, я решил написать повестушечку... – И подробно расскажет о героях будущей «повестушечки», о её сюжетной «архитектуре». Все эмоционально, ну, артист, да и только!

Слушаешь и начинаешь верить, что его творческое кипение выплеснет шедевр. Но проходит время, и Иосиф приносит главы будущей повести, читаешь и испытываешь полное разочарование: ожидаемые захватывающие интриги, разносторонние характеры в рукописи поблекли, сникли. Он внимательно выслушивал замечания,

соглашался с ними и – удовлетворённый – уходил дорабатывать.

Свои произведения Иосиф рассылал буквально во все издания. И нередко прибегал в редакцию взволнованный, и уже с порога кричал:

– Посмотри, Вася, какой тёплый я получил отзыв! Доставал из папки листочек, на котором напечатано: «Ваши рассказы вызывают интерес, в них есть хорошие образы, но...» И далее следовало вежливое объяснение, по каким причинам рассказ не может быть опубликован. Эти «тёплые отзывы» он всем показывал и радовался им, как ребёнок.

Случалось и такое. Еду как-то по территории стройки на автобусе. Сижу у окна и вижу – следом за автобусом бежит Иосиф, неистово машет газетой и что-то кричит. Вернувшись в редакцию, узнал, что в свежем номере газеты «Сельская жизнь» опубликован рассказ И. Венникова.

В то время у него вышло два сборника рассказов – «Цвела пшеница» и «Утренняя песня». Зашли мы с ним как-то в книжный магазин в областном центре. Он подходит к продавцу отдела «художественная литература» и спрашивает:

– У вас есть книга Иосифа Венникова «Цвела пшеница»?

– Обратитесь в отдел сельхозлитературы.

– А «Утренняя песня» есть?

– Обратитесь в нотный отдел.

Получилось прямо как в анекдоте. Иосиф смутился и заспешил к выходу.

Вот этот незаурядный, с детской непосредственностью человек руководил литературным объединением. Его членами в то время были уже известные местные авторы Илья Павлов, Василий Кривошеев, Владимир Долгинин и другие (всех не помню). И приходило много случайных людей, в творениях которых «что-то есть». Эта наивная фраза однажды получила чуть ли не трагическое продолжение.

Пришёл на занятие объединения Аф. Аф. Кабанов (так он подписывал свои произведения). Принес «роман» объёмом 1200 страниц. Фраза «здесь что-то есть» его окрылила. Он стал ходить к редактору с требованием публиковать роман из номера в номер с ремаркой «продолжение следует». Заместитель редактора В. Чеботкин, поскольку из работников редакции только я был в составе объединения, поручил мне вести переговоры с Афанасием Афанасьевичем. Во время первой встречи я его спросил:

– О чём у тебя роман-то?

– Да, я больше любовь задию, – ухмыляясь, ответил он. «Ну, – думаю, – с тобой всё ясно». Выяснил, что работает «писатель» такелажником на нефтехимкомбинате, что он на протяжении пяти лет ежедневно садился за стол и в течение трёх часов писал свой роман века, надеясь его опубликовать и стать богатым и известным. И вот труд завершён, пора получать ожидаемые дивиденды. В кабинете у меня как раз сидел фотокорреспондент Г.М. Поликарпус.

– Гуго Мартынович, ты у нас признанный знаток литературы, посмотри-ка вот, – говорю ему, передавая рукопись. Он взял, надел очки и, приняв важную позу, стал листать страницу за страницей. Аф-Аф затаился в ожидании. Полистав минут 15, Гуго Мартынович бросил на стол роман и однозначно выпалил: «Галиматья!»

Аф-Аф вскочил, схватил свою толстенную папку и хлопнул ею Гуго Мартыновича по голове. Пришлось броситься на его защиту. Я гневно отчитал Аф-Афа за бестактность, сказал, что таким путём ничего не добьёшься, и как мог объяснил, что произведение такого масштаба невозможно опубликовать в маленькой газете. Посоветовал ему обратиться в областную писательскую организацию, мол, там оценят по достоинству и, если надо, окажут квалифицированную помощь.

Недели через две Аф-Аф появился вновь и с радостью поведал, что консультант ему сказал: «Если найти хорошего соавтора, то рукопись можно довести до кондиции. Но чтобы с ней работать, её надо отпечатать на машинке. Вот редакционная машинистка пусть и отпечатает.

Пришлось разъяснить, что в редакции всего одна машинистка, а объём работы большой, и мы не можем заставить её в сверхурочное время перепечатывать такую громадную рукопись.

– Вам надо заплатить машинистке, – подсказал я. – Обычно они берут 20 копеек за страничку. Придется выложить примерно 250 рублей.

По тем временам деньги немалые. Как оказалось, названная сумма превышала месячную зарплату Аф-Афа. Я, надеясь, что это его остановит, добавил:

– Затратите такие деньги, а полной гарантии, что роман будет напечатан, нет. Зачем это вам? Подумайте.

Он встал, хлопнул дверью и исчез.

Я в то время проходил преддипломную практику в Куйбышевском книжном издательстве. Руководителем моим был писатель Евгений

Евгеньевич Чернов. Однажды, смотрю, он передвинул свой стол в угол, забаррикадировал его тумбочками, а в ящик стола положил молоток. Я с удивлением жду, что же будет дальше. Евгений Евгеньевич понял мой немой вопрос и пояснил:

– Сейчас придет автор, от которого всего можно ожидать. Он нашего редактора чуть счетами не убил.

Меня осенило:

– Аф-Аф? – спрашиваю.

– Да, – удивился Чернов. И тогда я ему рассказал, что Аф-Аф оказался здесь по моей рекомендации.

Рукопись он всё-таки перепечатал. Пришёл к директору нефтехимкомбината и попросил выписать 250 рублей, обещая рассчитаться, как только получит гонорар. Перепечатанный экземпляр привёз в областное отделение Союза писателей. Того консультанта, с которым он встречался, уже не было, и Аф-Афа направили к редактору издательства. Тот ему ответил примерно так, как и Гуго Мартынович: «Галиматья». За что и получил счётами по голове. Тогда рукопись отдали на рецензию Евгению Евгеньевичу. Вот он и готовился к встрече с автором, чтобы объявить окончательный приговор «роману».

В этот раз Аф-Аф был настроен миролюбиво. Он сник, слёзы на глазах. Ещё бы, крушение всех надежд! Я долго и терпеливо объяснял ему, что писателем стать непросто, что для этого надо много учиться и, главное, иметь талант. В то время как раз впервые выделяли землю под дачные участки, и я посоветовал Аф-Афу взять участок и те три часа, которые он ежедневно затрачивал на писание, посвятить выращиванию овощей, фруктов. Сколько пользы будет и здоровью, и семье (у него было четверо детей)...

– Может, оно и так, – сквозь слёзы отозвался Аф- Аф, – но как быть с деньгами, истраченными на машинистку? Их ведь возвернуть надоть...

Я пообещал ему помочь. Поехал к директору нефтехимкомбината, рассказал ему всю эту историю и в заключение попросил списать как-нибудь выданные Кабанову 250 рублей. Пусть хоть проблема долга его не мучает.

Директор всё понял и освободил Аф-Афа от обязательства возвратить взятый кредит.

А конец у этой истории был такой.

Иду я однажды по городскому рынку, кругом горы огурцов, помидоров, и вдруг слышу:

– Василий Иванович! Василий Иванович! Оглянулся и вижу – за прилавком Аф-Аф, такой улыбающийся, радостный. Подошёл, поздоровались.

– Спасибо вам, – тряся мою руку, говорил он, – спасибо, что надоумили. Вот уже три года, как дачу заимел. Домишко сколотил, выращиваю урожай – и нам хватает, и на продажу остаётся.

И торопливо стал совать мне в сумку огурцы, помидоры. Я искренне порадовался тому, что здесь он с пользой преуспел.

Вот такая история. Но вернёмся к Иосифу Венникову. Им, как руководителем, пишущая элита объединения была недовольна. Печётся, мол, только о себе, ничего не делает, чтобы «пробить» в областных инстанциях издание коллективного сборника новокуйбышевских авторов. Обратились в областную писательскую организацию с требованием, чтобы в Новокуйбышевск направили руководителем объединения достойного писателя...

Когда я был назначен редактором «Знаменки», объединение уже возглавлял куйбышевский писатель-сказочник Валентин Беспалов. Занятия проходили регулярно, каждую неделю. Много было интересного, полезного, но были и вспышки недовольства. В большинстве случаев «возмутителем спокойствия» был Владимир Долгинин. Он в своих баснях зло обличал гримасы тогдашнего советского строя. Его не печатали, он возмущался. Одни его поддерживали, другие критиковали. Разгоралась слишком откровенная для тех времен дискуссия. Мне, как редактору, приходилось выступать и гасить страсти, находить какой-то компромисс.

Однажды во время праздничной демонстрации стою на «правительственной» трибуне у горкома КПСС рядом с подполковником КГБ.

– Как твои литераторы? – спрашивает он.

– Пописывают, – отвечаю.

– И дискуссируют, – продолжил он, хитровато улыбаясь. А потом подробно, слово в слово передал мне содержание той дискуссии на последнем занятии литобъединения. У меня мурашки побежали по спине. «Значит, – думаю, – кто-то из членов литобъединения является агентом». Я потом долго спрашивал себя: «Кто?»

Естественно, в объединении занимались люди разных способностей, дарований, интеллектов, и не каждому дано было достигнуть творческих вершин. Но тем, что имена некоторых талантливых авторов, бывших членов объединения, стали известны в литературном миру – можно гордиться.

ПРАВОСЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ

Пётр Самарин*
село Орловка

КРИК!

ОТЧЕГО?

Настюше...

Где тот единственный родник –
источник жизни и свободы,
в чьи недра тайные проник
единый корень всей природы?
Где силы те, что пьёт трава,
асфальт ломая у дороги?
И отчего так тянется душа
к словам:
«Гряди и виждь»,
и ина многа?..

* * *

С непрочных плеч календаря
я лист за листиком срываю...
Цена им грош, но что-то я
гораздо большее теряю...

ПЕРЕД РАСПЯТИЕМ

Сгниют от Крови остры гвозди
и не удержат рук,
рванувшихся к замёр-злым
детям...

HOMO SAPIENS

Вера в человеке –
как драгоценная жемчужина!
Захотел он узнать,
что же в её сердцевине.
Думал, гадал,
вымеривал, взвешивал,
страдал,
наконец – раскусил...
И потерял ценность.

НА СМЕРТЬ ПОСЛЕДНЕГО ЭВОЛЮЦИОНЕРА

Наша цель – пионер, комсомол,
а потом – коммунизм!
Барельеф на здании средней школы.

Всю жизнь он стремился к цели
и всё был чему-то рад.
Но вот обмыли, отпели
и понесли назад...

БАТЯ ГОВОРИЛ НА ПЛАЦУ…

Новобранцы, что вы мне всё жалуетесь:
на вас, дескать, напали трое или пятеро?!..
Да на меня хоть десять нападите!..
Нет, конечно, я со всеми не справлюсь
и, следовательно, буду бит крепко
или даже вообще порван в клочья...
Но уж у одного-то глаз
успею вытащить – точно!

ПАМЯТИ А. БАШЛАЧЕВА

Верблюд закрыл глаза,
Потому что не знал, как
нужно плакать.
(А. Платонов «Джан»).

Гляжу в окно на мир –
пустыня,
где всё питаемо одной
какой-то тайною водой
(так и не найденною мной).
Вся отдалась она цветам,
колючкам, гадам, но не люду...
И сколько уж сгорело там,
всех,
не превратившихся в верблюдов?!..

** Игумен Варсонофий, иеромонах*

ОДА ЛИВНЮ

(в стиле тяжёлого рока)

Тонким росчерком гроза
разорвала купол ада.
Я двумя руками ЗА
отрезвления от смрада.
Эх, люблю стихии слог,
будоражащий мне душу!
Лейся ж, ливневый поток,
на заплёванную сушу!
Лейся, жги, звени и пой,
грохочи по крышам!
Станет чище город мой
от такого душа!

ЗНАКОМОМУ РЕЖИССЕРУ

Поменялись лица, краски,
и театр уже не тот.
Не меняются лишь сказки,
что глядеть идет народ.
Покупаются билеты,
занимаются места...
И Иуда, в рвань одетый,
исполняет роль Христа.
Умиленные старушки
крестят немощную грудь.
Дураки, развесив ушки,
не решаются вздохнуть...

Режиссеру – бис и браво!
Да такой театр создать,
нужно разума немало.
Мудр ты, нечего сказать.
Поменял лишь лица, краски, –
и театр уже не тот!..

Удивительные сказки
зрит доверчивый народ.

БАЛЛАДА О БАРДЕ

Сегодня в нашей программе
печальная новость...

Мелькают трибуны, и кони несут
по мёрзлой, разбитой дороге.
От пораженья, позора спасут
нас только их сильные ноги.
И руки вцепились в поводья –
как «Крик»*
необузданный, Бога зовущий.

И вот до победы остался лишь миг! –
И конь мой, конечно же, лучший!
Но что это, Господи?.. Вдруг вся земля
Поднялась тяжёлой волною
и с грохотом бросилась в ноги коня,
ломая его подо мною...

Стоит постамент, и над ним вороньё
тревожно мне что-то горланит.
Пойду-ка домой, и послушаю рок...
Потом – про футбол в Индостане?..

НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ В.С. ВЫСОЦКОГО

Говорили, что он – поэт,
обещали: «Запомнят люди
его сердца босого след
на осколках вранья и иллюзий».
Убеждали, что все мы друзья,
и несли, и несли...
Однако,
сидел кто-то возле меня
и тихо над всем этим плакал...

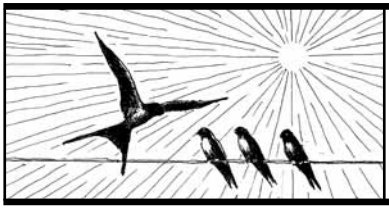
ДЕТСТВО

Детство дальнее моё,
ты мне пишешь письма грустью
и к себе опять зовёшь,
но ведь годы-то не пустят.
Словно тысячи ежат,
дни прижались на дороге.
Я уж пробовал бежать,
только в кровь изранил ноги...

ЗАРИСОВКА

Сразу за порогом – чёрная земля,
дальше небо, небо...
И, похоже, жизнь моя –
поле для разбега.

* *См. одноимённую картину Э. Мунка*



ПРИРОДНЫЕ СТРАНИЦЫ

Василий Помещиков, член СЖ РФ
г. Киров

У ЛЕСА ТОЖЕ ЕСТЬ ХАРАКТЕР

Лес, как и живое существо, имеет свой характер. То он гостеприимен, добр, ласков. Встречает тебя широко распахнутой опушкой, пением птиц и сразу же предлагает обилие грибов, ягод. То он – таинствен и даже коварен. Вдруг услышишь совсем рядом что-то похожее на хохот или блеяние, или старческое уханье и затаишься заинтригованный загадочностью этих звуков. Умноженные эхом, они как бы перекликаются, перешептываются и кажется, что какие-то злые духи готовят против тебя заговор.

В другой раз лес бросит тебе под ноги крепкого боровика, и ты начинаешь ходить кругами, а грибов больше нет. Потом вдруг увидишь красавца – подосиновика, потом ещё, и так лес заманивает тебя все дальше и дальше в свои дебри. И тут как заскрипят вершины схлестнувшихся деревьев, что вздрогнешь от неожиданности и сразу соображаешь: «А где я? В какую сторону идти на дорогу?»

Не найдя никаких характерных подсказок для ориентировки, начинаешь понимать, что заблудился. Хорошо, если это случилось в лесу, примыкаемом к околице родной деревни. Общаясь с ним с раннего детства, воспринимаешь его проказы, как добрую шутку старшего брата. И веришь, что он пострашит, пострашит и отпустит.

Хуже, если это случилось в незнакомом лесном массиве. Тут уж. действительно. страшно. Проплутав час, другой, чувствуешь, что страх увеличивается, переходит в состояние паники. А лес, словно нарочно, нагнетает это состояние то таинственным криком, то подозрительными шорохами. В этом случае очень важно не потерять самообладание.

II

Помню в детстве летними вечерами мы, мальчишки, заворожено слушали поухивание филина в ближайшем лесу. В связи с этим вспоминались разные небылицы, связанные то с похождениями лешего, то оборотней. Становилось жутковато.

Однажды, чтобы доказать себе, что ухает не леший, я ночью отправился в лес. Светила яркая луна, и пространство впереди хорошо просматривалось. Но когда вошел в лес, сумрачность сгустилась, странные звуки множились и. как бы приближаясь, окружали меня со всех сторон. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. И вдруг совсем рядом услышал те самые: «У-у-у-х, у-у-у-х».

Остановился, по спине побежали мурашки. Но, заставив себя успокоиться, стал прислушиваться. Уханье повторилось. Я понял, что тот, кто производит эти звуки, спрятался в кроне коренастою дуба. Стал наблюдать за ним, и вдруг из тучи-кроны бесшумно выплыла громадная птица. Широко раскинутые крылья плавно взмахивали, и через минуту чудище растворилось во мраке. В тот момент я не успел подумать – кто это? Мигом развернулся и бегом помчался в сторону села. Бежал без остановок,

и только когда дома нырнул под одеяло и увиденное еще раз промелькнуло передо мной, я успокоился и уснул с твердым убеждением, что это был филин.

Может быть, именно этот поступок посеял во мне семя самообладания, и оно проросло в твердое убеждение, что лес не любит только трусов, паникеров. Потом он не раз заманивал меня в свои западни, но я всякий раз выходил из них с победой.

III

Мы – я, мои жена и дочь – отдыхали на турбазе, раскинувшейся на лесистом берегу реки. То лето было урожайным на лесную клубнику. Её таскали ведрами, корзинами. Жена с дочерью каждый день уговаривали меня: «Давайте сходим все вместе по ягоды». Но я не решался вести их в совершенно незнакомый лес. В конце концов, расспросив у местных жителей, как добраться до ягодных мест, я решился.

Утром, взяв ведро и корзину, направились по указанной дороге в глубь леса. Дорога, как мне объяснили, должна вывести на старый поруб и там в траве клубники столько – хоть косой коси.

Действительно, после часового марша, мы вышли на обширный поруб. Трава на нем была выше человеческого роста, а в ней изобилие ягод. Мы с азартом начали их собирать, углубляясь в травяную тайгу все дальше и дальше.

Когда обе посудины были заполнены, мы, расположившись возле огромного пенька, решили пообедать. Пока жена разворачивала свертки и «накрывала стол», я лег на спину и, глядя в небесную лазурь, с блаженством отдыхал. И вдруг меня словно кольнуло. Быстро встал – вокруг только заросли травы да высокое небо над головой. Меня охватило беспокойство: «Как я буду выводить своих милых дам из этих дебрей?»

Но им я своего беспокойства не выдал. Мы весело и с аппетитом пообедали, и я спокойно сказал:

– Немного отдохните, а я пойду сориентируюсь насчет дороги к дому. Только с этого места никуда, ни на шаг не уходите. Договорились?

Получив утвердительный ответ, я пошел искать дорогу, оставляя за собой метки в виде сломанных стеблей высокой травы. Определив предполагаемое направление, вышел к глубокому оврагу. Спустился в него и обратил внимание, что в одну сторону его продолжение расширяется, а в другую – сужается. И тут я вспомнил, что дорога, по которой мы шли утром, пересекала неглубокий овражек. Подумал: «Не в верховьях ли этого самого оврага проходит дорога?» Решил идти вверх. Чем выше поднимался, тем все меньше и меньше становилась глубина оврага. И вот (о, радость!) его пересекают знакомые две колеи. По оставленным вешкам быстро добрался до своих. Они уже начали беспокоиться, но, увидев на моем лице искреннюю радость, успокоились. И мы безо всяких приключений скоро вышли из леса с полными посудинами душистых ягод.

В другой раз, заблудившись в незнакомом лесу, дорогу домой определил по столбикам, которыми размечены границы лесных кварталов. Входя в лес, я почему-то обратил внимание на такой столбик и запомнил, что он был обозначен цифрой 7. Еще подумал: «Счастливая цифра, значит вернусь не с пустыми руками». И вот когда понял, что заблудился – вышел на просеку. На ней тоже стоял квартальный столбик, но с цифрой 15. Решил идти по просеке до следующего столбика. Он был обозначен цифрой – 16. «Значит, – думаю. – иду не в ту сторону». Развернулся обратно и цифры на столбиках пошли на уменьшение, и я скоро вышел па дорогу.

Были и ещё случаи, но каждый раз по каким-либо приметам я верно определял дорогу. Может быть, оттого что я люблю лес с детского возраста, он мне отвечает тем же и всякий раз сам подсказывает нужное направление и выводит па дорогу даже из самых крутых своих лабиринтов.

ПЁТР ЦЫБУЛЬКИН, член СПР
Магадан

ЖЕРТВА СТАТИСТИКИ

Старому Харитону Протодьяконову было далеко за семьдесят. Точную дату его рождения знала только бабушка по каким-то своим приметам, но её уже много лет не было в живых. А родился он тогда, когда бумажная запись появления человека на свет у его сородичей происходила много позже этого события – по приезду в тундру или тайгу людей из района, волости, уезда. Фамилия же Протодьяконов и имя Харитон закрепились в их роду очень давно, от пришлых казаков, после православного крещения. Так же звали и его деда. А сейчас это имя носит внук – Младший Харитон.

Местные любили брать имена пришлых. Считалось, что так можно запутать злых духов. Как-то, тоже очень давно, в одном селении осела татарская семья. Поэтому среди земляков Харитона можно было встретить и тех, кого звали по-тюркски. Как, к примеру, его племянников – Рамилем и Равилем.

Несмотря на возраст, Старый Харитон не бросал промысла, который из века в век кормил его род. По-прежнему большую часть времени жил в тайге, в своей избе-зимовье, окончательно перебравшись туда в переломные годы, когда и с продуктами стало плохо, и среди людей непонятно что стало твориться. А сюда мало кто мог добраться, особенно из лихих людей: эти все в столицу потянулись. Оттого в глубинке, хотя народу и поубавилось, больше хороших людей стало.

Добывал зверя и дичь на мясо, которое в последнее время стало пользоваться повышенным спросом в городских ресторанах, пушнину. Хотя мог бы жить или в посёлке, или в городе, и, как большинство его соплеменников, ловить, заготавливать и продавать икру и красную рыбу на выделенных коренным народам льготных лицензионных участках. Но, во-первых, его род не был береговым, и рыбалка не являлась основным видом его занятий. В старые времена предки рыбу и икру выменивали на ярмарках на продукты своего промысла – охоты. Во-вторых, льготное обеспечение соплеменников лицензиями на вылов красной рыбы он не одобрял. Считал, что, несмотря на подаваемый чиновниками смысл этой затеи как заботу о сохранении культуры малых народов, она шла им только во вред и воспитывала иждивенчество, отвлекала от других национальных промыслов, которые постепенно забывались. А когда стали давать льготы, очень многие хитрецы записались в «коренные». Такое не свойственно людям, близким к природе, к тайге, тундре, поэтому это были в основном пришлые, наполовину других кровей, и по паспорту могли называться и русским, и украинцем, и казахом, и армянином – по тем фамилиям, которые носили. В списках Харитон встречал даже выходцев из Прибалтики и евреев. Причём он знал, что основным занятием предков многих таких льготников по линии коренных народов, как и у него, были не рыбалка, а оленеводство или охота. Те же полукровки заявляли, что пришлые национальности споили местных, у которых будто нет природной защиты от пьянства, тем самым внушая им бесполезность лечения от вредной привычки. И непонятно, какая часть крови в них самих споила другую. А если рассуждать здраво, то пришлые, смешиваясь с местными, наверное, привнесли в их кровь ту самую защиту от алкоголя.

Своими таёжными думами Харитон однажды поделился с корреспонденткой городской женской газеты по фамилии, происходящей от почти матерного слова, делавшей репортаж о народном празднике. Та в своей статье назвала Харитона националистом. Понятно, что сделала это под влиянием людей, которым выгодно нынешнее положение в лицензионной рыбалке. А Харитон порадовался, что она, окончившая местный увядающий вуз, готовящий невостребованных педагогов, не пошла учить детей, а прибилась к газетчикам.

В городе Харитон бывал редко. Знал его хорошо – в осуждаемые времена не один раз его из-

бирали депутатом районного и областного совета. Приходилось ездить на различные заседания, выполнять депутатские обязанности. Но ориентировался в городе он не по названиям улиц и номерам домов, а как привык – по распадкам, речкам, сопкам да перевалам, что иногда вводило окружающих в заблуждение.

Сейчас в городе побывать Харитону не мешало бы, чтобы перерегистрировать оружие – у него два нарезных и два гладкоствольных. А ещё наградной нож. Боевой. Ещё с тех, ныне осуждаемых, времён – милиционеры наградили. За то что помог задержать беглого преступника – бывшего немецкого полицая.

В те года тот кто убегал из лагеря представлял настоящую угрозу жившим в тайге или тундре. Иногда это кончалось трагически, поэтому оленеводы, рыбаки и охотники с большой готовностью помогали органам в розыске и поимке бежавших, получая за это премии или награды, как Харитон. Часто такая помощь заканчивалась трагически и для беглецов. Потому как многие могли оказать сопротивление при аресте и расправиться с теми, кто их сопровождал, выбрав подходящий момент. Поэтому намного безопасней было показать, где зарыто тело бежавшего, чем привести его самого. А, судя по нынешним воспоминаниям знакомых Харитону бывших сидельцев, сочинять или, как у них выражаются – «блефовать», они умели. На просьбы журналистов рассказать «о том времени» и о тех, кто «сидел ни за что» Харитон никаких примеров привести не смог.

В отличие от имени и фамилии, промысел в семье наследовался плохо. Оба сына, на которых Харитон возлагал надежду, не оправдали его ожиданий: один стал бизнесменом – держал станцию технического обслуживания автомобилей. Ещё в детстве он очень любил копаться в моторке и снегоходе. Младший вообще юрист, коих в последнее время развелось чересчур много.

На родном языке сыновья разговаривать не хотели. Они часто навещали Харитона, помогали по хозяйству, но чаще мешали. Однако, благодаря им хорошо продавалось добытое в тайге. Но всё-таки у Харитона была надежда, что навыки, которые он унаследовал от предков, он сможет передать младшим.

Внучка Анна, окончив школу с серебряной медалью, а потом и филологическое отделение университета, неожиданно для всех увлеклась охотой. Перечитала все книги по этой теме дома, в вузовской и областной библиотеках. Кое в чём даже консультирует деда. Стала большим знатоком охотничьего оружия. Коллекционирует охотничьи ножи. Правда, работу на телевидении и танцы в ансамбле народов Севера она, наверное, никогда не бросит и не станет профессиональным охотником. Да этого Харитон от неё и не ждёт. Главное, то что накапливалось годами, и то что называют национальными культурой и бытом, не уйдёт в небытие, а останется во внучке. И Харитон почему-то уверен, что в каком-то изменённом виде продолжится в других поколениях. По крайней мере, внучка задумывается о написании книги.

Второй день пуржило. По всем приметам, в это время года, в начале декабря, пурга начнёт слабеть только на следующий день к вечеру. Зверь и дичь затаились. Харитон тоже. Все дела в избе уже давно деланы-переделаны. Всё заштопано, прикручено, прибито и смазано.

Харитон временами выходил из избы, отчищал снег, делая из него защиту от ветра и подобие канала, чтобы по нему в реку, на берегу которой стояла изба, текла талая вода с сопок.

Обычно в ненастные дни, чтоб мышцы не застаивались, он любил колоть дрова. Но по осени приезжали сыновья, и он не углядел, как все напиленные им чурбаки были переколоты, за что Харитон и отругал их.

Приближался сеанс радиосвязи с посёлком. Харитон старался всё делать медленно и размеренно, так как времени было, хоть отбавляй, но всё равно радиостанцию включил и настроил раньше положенного часа. Оказывается, не зря – до него на том конце уже всё утро пытались докричаться. На «авось» – а вдруг он случайно включит радиостанцию. Так и получилось.

Произошло ЧП. В направлении Харитона выехала на вездеходе группа инспекторов из двух

человек с московским проверяющим и водителем. Связь потеряна, второй день от них нет никаких известий. Вездеход должен был вернуться накануне вечером, но не прибыл. Надеялись, что добрались до Харитона, но, как видно, напрасно.

«Кто же в такое время, в декабре, да в пургу на одном вездеходе едет? Ведь штормовое было», – подумал Харитон, но в микрофон ничего не сказал – надо уже было действовать, а не вести пустые разговоры: всё-таки люди пропали. «Наверное, рассчитывали проскочить до начала пурги».

Ситуация, как ему сказали, стояла на контроле в области. О ней руководитель местного Управления МЧС уже по телевизору рассказал, заверив, что делается всё необходимое, чтобы найти пропавших людей.

Подумав, Харитон прикинул, где мог застрять вездеход. Получалось два варианта – когда водитель опытный и когда неопытный. Первый пошёл бы по руслу реки и мог угодить в полынью или наледь. Полностью затонуть угрозы не было: таких глубин на реке нет. Тем более, зимой, когда уровень воды спадает, а река во многих местах перемёрзла. Неопытный, скорее всего, стал бы двигаться по карте, по старой таёжной дороге, где раньше возили лес, а дальше по просеке, которая к реке выходит значительно позже, ближе к зимовью. И по дороге, и по просеке есть много возможностей попасть в пургу в непреодолимый снежный завал.

Харитон умел читать знаки и учил этому своих. В этот раз происшествие с вездеходом для него говорило, что на технику в наступивших обстоятельствах полагаться не следует. Поэтому он не стал заводить снегоход, а достал лыжи. Немного задумался. Открыл кладовку, вытащил два куска лосятины, положил их в большую кастрюлю, залил водой, поставил на печь и подбросил дров: пока будет ходить по тайге, бульон настоится.

Вышел во двор, затопил баню. Потом обул лыжи, свистнул и крикнул: «Айда!» Зашевелился один из сугробов и из-под снега, отряхиваясь, появились две друг на друга похожие лайки, отличавшиеся только тем, что у суки чёрное пятно было на правом глазу, а у кобеля – на левом. Мать и сын. Можно сказать, «семейный подряд». Муха и Ахум. Кличку второму дали дети, поскольку он был зеркальным отображением матери.

Харитон очень внимательно подбирал собак и обращал внимание на их характеры, наблюдал, так как в тайге долгое время нужно находиться с ними в одной связке. Собака и друг, и напарник. Но иногда и Харитон ошибался, и его расчёты и опыт давали сбой.

До Мухи и Ахума у него были два кобеля – Фатей и Сыч. Первый хитрый и коварный, второй – глупый. Харитон думал, что благодаря разным качествам собаки будут дополнять друг друга. Поначалу так оно и было. Но случилось, что зверь из-за возникшей бескормицы в зиму после лесного пожара ушёл в другие угодья, а кобели просто сбежали, так как рацион питания им был вынужденно урезан. Обнаружились уже в посёлке, и пришлось собакам сменить профессию – их посадили на цепь охранять двор. Пустолайками оказались, ни на что большее не способными.

Харитон всё рассчитал правильно и нашёл пропавших довольно быстро. На самом повороте с лесной дороги на просеку возвышалася большой сугроб снега с торчащей вверх трубой, из которой струился дымок. Это была палатка.

«Надо же! Нашли, где поставить!» – он мысленно отругал тех, кто находился внутри. Даже при хорошей погоде по этой дороге мало кто ездил, но ставить палатку на проезжей части не рекомендуется – опасно. К тому же у водителей на таких пустых дорогах, где, как считается, они вряд ли кого могут встретить, притупляется бдительность. На памяти Харитона не один связанный с этим трагический случай.

Как оказалось, вездеход, пытаясь преодолеть снежный завал, заглох и никак не хотел заводиться. Мобильная связь до этих мест не доставала, а к приходу Харитона аккумуляторы всех телефонов были посажены. Приняли решение – поставить палатку, греться, благо в вездеходе была небольшая походная металлическая печка, дожидаться окончания пурги, а потом по карте выходить к месту, где есть люди.

Грелись в том числе спиртным, которого взяли с запасом, а вернее – с избытком. Более всего заметно это было по гостю из Москвы, в подтверждение широко известного утверждения о том что на Севере много пьют, но с поправкой – много пьют приезжие. В том числе из-за незнания того, что ввиду нехватки кислорода алкоголь в организме здесь распадается медленнее, и человек трезвеет не скоро.

Харитон внимательно наблюдал за сборами и поторапливал путешественников. Необходимо признать, что спасение к ним пришло только благодаря его правильному расчёту. И лишь в чёрных красках можно было представить то что могло случиться.

Дорога до зимовья по протоптанной Харитоном и собаками лыжне, а затем по отшлифованному ветром льду реки не изобиловала особыми впечатлениями. Разве что для московского гостя. Он относился к той категории жителей больших городов, которые, побывав на Севере даже три дня и столкнувшись с тем что для обычного северянина является повседневностью, начинают себя ощущать чуть ли не полярниками. Отращивают бороду и после поездки рассказывают близким, какие трудности им встречались.

Варево на печке поспело. Но Харитон не спешил угощать гостей. Завёл генератор, при свете яркой лампы осмотрел людей и только заключив, что никаких обморожений и язв нет, отправил их в баню. Спиртное и закуску брать с собой запретил: в бане нельзя.

Выхода на связь Харитона в посёлке ждали. Радиостанция в администрации была включена, и возле неё постоянно кто-то находился. Сообщение пресс-секретаря местного управления МЧС о том что в результате проведённой операции пропавшие инспектора найдены, им оказана первая медицинская помощь, и здоровье пострадавших не вызывает опасений, мгновенно было растиражировано всеми средствами массовой информации.

Стол Харитон накрыл почти праздничный: гости у него в зимовье появлялись редко. Но на эти случаи всегда были припасены деликатесы и десерты, купленные в большом магазине в областном центре. Харитон ошибочно считал, что те кто живут в городах и посёлках и питаются магазинными продуктами, не могут обойтись без колбасы, печенья и пряников, находясь где-нибудь в тундре или тайге.

Несмотря на красивый стол, утомлённые и разморённые походом, переживаниями, баней гости много есть не стали. Попив бульона и чая с травами, немного пожевав варёного мяса, они улеглись на нары, под шкуры и на шкуры, и проспали под шум уже затихающего ветра до второй половины следующего дня, до вечера, когда уже стало темнеть.

Связь с посёлком у Харитона была утром. Он сообщил, что спасённые крепко спят и, судя по всему, чувствуют себя нормально. В администрации попросили их не будить, а когда придут в себя, передать, что выслали второй вездеход и вахтовку.

Пурга закончилась. Гости проснулись бодрые, голодные и деятельные. Особенно «москвич». Он сразу потянулся к столу. Ел только то, что Харитон приготовил из добытого и собранного в тайге и тундре. Нахваливал и восхищался. Хозяин внимательно наблюдал и делал выводы, что более понравилось гостям, и что ему нужно приготовить им для подарков.

Насытившись, «москвич», со словами «только ничего личного», «надо и задачу выполнять» и «зря что ли в такую даль забрались», попросил хозяина предъявить документы на имеющееся у него оружие. Как и ожидалось, регистрация была просрочена. Харитон ничего в своё оправдание говорить не стал. Тут же составили протокол. Оружие временно изъяли, а виновнику, учитывая его авторитет и кругом положительные характеристики, всего лишь объявили предупреждение. Охота кончилась. Для того чтобы вернуть оружие Харитону немедленно надо было ехать в город, заново собирать нужные справки, проходить медицинскую комиссию.

С мясом лося, в том числе приготовленным на подарки, оказалось сложнее. Никаких документов и объяснений в доказательство наличия у него разрешения на отстрел копытного Харитон предъявить не смог. Если быть более точным, объяснения у него имелись, но приводить их он не стал.

С древних времён представители его рода сами регулировали численность звериного поголовья. Подкармливали зимой, выкармливали молодняк, по какой-либо трагической причине оставшийся

без родителей. Бывало, лечили. В основном травмированных и раненых: хищниками и более лютым зверьём – браконьерами. У Харитона при зимовье даже был оборудован своего рода сарай-стационар. А добывали тех, чья потеря для природы была менее значима, в том числе более слабых самцов. То есть, делали своего рода выбраковку. Старых самцов не трогали – без них, их опыта и мудрости стаду и стае не выжить ни в бескормицу, ни при стихийных бедствиях, не спастись от хищников. «Москвич», возможно, и понял бы такие объяснения, но у него были другие доводы.

Пришли вахтовка с вездеходом. Чтобы быстро по горячему устранить возникшие противоречия с контролирующими органами Харитону предложили поехать в общей компании на вахтовке или вездеходе. Но он отказался – собак деть некуда. А сажать их в будку или кабину – будут ощущать себя обузой и виноватыми, что создают людям неудобства.

Проводив гостей, Харитон тщательно и не спеша осмотрел снегоход, заправил его, прицепил сани, собрал, что нужно взять с собой в посёлок, полностью приготовившись к завтрашней поездке.

Муха и Ахум радостно крутились тут же, предполагая сиюминутное отправление. Однако их приятным ожиданиям дано было оправдаться только наутро. По звукам из избы определив, что Харитон решил пораньше лечь спать, они тоже свернулись клубочками под стеной у крыльца и затихли.

Распогодилось. Солнце ещё не ушло в зимнюю спячку и несколько часов светило необычно ярко для этого времени года. Помогал ему свежий необычайной белизны снег, отражающий солнечные лучи.

Харитон вспомнил, как в прошлую зиму у него гостил охотник из Нижнего Тагила. Делясь впечатлениями со своим земляком в разговоре по спутниковому телефону, он восхищённо выразился:

«Ты представляешь! Здесь снег зимой – белый!»

В посёлок Харитон прибыл то же время, как его недавние гости приехали в город. На следующий день и он оказался в областном центре.

Проблемы, которые возникли у Харитона, были серьёзными только для него. Для тех, кто живёт в городе, они являлись обыденными. Поэтому сыновьям удалось их решить быстро. Помогли и инспектора. Они даже повозили его на своей машине по заведениям, где лечат психически больных и наркоманов, и помогли без очереди получить нужные справки.

Со штрафом вопрос решил младший сын-юрист. То ли задним числом оформил разрешение, то ли с кем-то договорился, то ли списали всё на то что правонарушитель относится к коренным народам – Харитон особо не вникал. Но именно такие возможности сыновья обсуждали накануне.

К Новому году Харитон вернулся в своё зимовье, а поздравление президента слушал по радиостанции.

Но незадолго до этого, ещё в области, его пригласили в Управление МЧС, в их профессиональный праздник. Вручили грамоту и внушительную премию за участие в спасательной операции. Харитона потом даже показали по телевизору. Так что от всех декабрьских приключений он только выиграл. Даже в деньгах. Но какой-то неприятный осадок в душе у него у него всё равно оставался.

Года через полтора, в начале июня, к берегу возле зимовья Харитона причалили несколько резиновых лодок с туристами-сплавщиками. Среди них был тот самый «москвич», только он отличался от своих спутников почему-то тем, что был побрит. В зимовье он занёс два объемистых пакета с подарками. Всю свою жизнь Харитон обходился без импортных тёплой одежды, термобелья, походных продовольственных наборов, но всё равно ему было приятно.

Вечером, когда остальные гости уже улеглись спать, Харитон с «москвичом» ещё долго сидели. Несколько раз заваривали чай. Разговаривали. И не только вспоминая события полуторагодичной давности. Слушая «москвича», Харитон определил, что за прошедшее время тот стал вроде как ближе к природе, и уже понимал, кто у кого должен учиться.

Станислав Чугай
Каменское, Украина

СТРИЖИ

Интересные птицы стрижи! Когда я учился в старших классах горловской средней школы, в нашем районе с преимущественно двух-, четырёх- и пятиэтажной застройкой, они только что пришли на смену городским ласточкам (воронкам). Тогда я ещё не понимал, почему так случилось, да и учёных это не особо волновало (тем более что в то время теорий на эту тему не было).

Чтобы не вдаваться слишком глубоко в подробности, скажу что тогда только-только закончился очередной мини- (или скорее микро-) ледниковый период и наступила очередная «оттепель». Лето стало жарче на 2 – 2,5 градуса. В результате, в душных спальных районах восходящие потоки воздуха стали преобладать с более низких высот, да и количество мух увеличилось, как мне казалось, в разы! Поэтому и городские районы, застроенные «хрущёвками», стали доступны стрижам – жителям скал, ущелий и городских высоток. Да и для воронка, который в 2,5 раза мельче стрижа, мухи – слишком крупная добыча!

Ещё тогда я впервые, глядя из окна моего скворечника – угловой однушки, запиханной под крышу четырёхэтажного дома, наблюдал за бесконечной стрижиной «игрой в догонялки» и мечтал о свободе, о том чтобы так вот летать вместе с другими стрижами по кругу в их вечной скоростной карусели, дико пищать и кричать! Так в то время мне представлялась свобода от «осознанных необходимостей», связей, условностей, мыслей – чистая свобода! Да и сейчас, если задуматься, что это как не свобода?!

Позже, когда студентом я обитал в общежитии Донецкого университета на двенадцатом этаже одного из четырёх тринадцатиэтажных зданий, я, бывало, по часу наблюдал из окна кружение стрижей надо мной, подо мной, либо на уровне моих глаз. Иногда мне было очень грустно от того, что я не могу полетать с другими стрижами, чтобы на своём теле ощутить потоки прохладного утреннего ветра, напиться капелек дождя или, в жаркий день, пролетая низко над поверхностью пруда, зачерпнуть полный клюв живительной влаги!

Интересные птицы стрижи... Из известных примерно 117 видов стрижеобразных (в разных случаях их количество может оцениваться по-разному), к ним относятся схожие птицы, обитающие повсеместно, кроме полярных областей, но выпавшие из внимания ненаучного сообщества, то есть обычных людей.

А между тем, по строению тела, поведению и образу жизни, чёрный стриж (Apus apus) – самый распространённый из стрижей – даже более отличатся от других видов птиц, чем человек разумный (Homo sapiens) к примеру, от серой крысы или пасюка (Rattus norvegius).

Чёрный стриж, на латыни Apus apus, то есть безног безногий, действительно почти не имеет ног! То есть ноги-то у него есть, но рудиментарные (эволюционно, находящиеся в процессе исчезновения за ненадобностью). На поверхности тела, среди пуха на брюшке почти ничего нет, только четыре коготка. Да и зачем? Стрижи никогда не сидят, как ласточки стайками по проводам и не ходят по земле или воде в поисках пищи. Как-то я пытался окольцевать стрижа – ничего не получилось!

Стрижи всем пожертвовали ради улучшения аэродинамики. Все виды стрижей высоко специализированные скоростные летуны. Если всех остальных птиц можно условно сравнивать с разными лета-

тельными аппаратами – от вентилятора, воздушного змея и кукурузника ПО-2 до планера и даже вполне современного самолёта, то стриж – это Ф-14 «Томкэт», самолёт-перехватчик с изменяемой геометрией крыла. Обычно чёрный стриж достигает в длину 18 см, размах крыльев – 44 см. Так он парит меж скал (или городских высоток) в восходящих потоках тёплого воздуха, как планер, не изменяя скорости. Но когда стрижу надо ускориться, он прижимает крылья к телу и «стреловидность» его крыльев изменяется. Таким образом, он разгоняется до 120 км/час. Вот только Ф-14 весит более 18 тонн и за полёт сжигает более 7 тонн топлива, а чёрный стриж весит 38 грамм и питается двукрылыми (в основном мухами).

Концентрация эволюционных усилий на улучшении аэродинамики привела стрижей к неожиданным и даже несколько странным результатам. Так, если чёрный стриж упадёт на землю, хотя такое случается крайне редко, он самостоятельно не сможет взлететь. Виной тому, во-первых, почти полное отсутствие ног, которые другим птицам некуда спрятать в полёте, но они служат опорой для толчка от поверхности. Во-вторых, слишком длинные крылья. Если стриж, к своему несчастью, окажется на земле, он будет биться и барахтаться в пыли, пытаясь себя подбросить на своих чудесных длинных крыльях, пока у него не сломаются перья или не закончится запас энергии последних переваренных мух. После этого – только смерть.

Чёрный стриж при всём внешнем сходстве с ласточками, так же отличается от ласточек, как от других птиц! Начнём с того, что у ласточек вполне развиты ноги, а крылья короче. Это позволяет им садиться на землю, собирать гнездовой материал (например, грязь и травинки) и взлетать. Разные виды стрижей гнездятся под крышами высоких строений, в нишах и расщелинах скал, в дуплах, норах под обрывами и в пещерах. Одни из них вообще обходятся без гнездового материала. Другие используют в качестве гнездового материала различные былинки, перышки и паутинки, которые ловят на лету. Третьи строят гнёзда из затвердевающей на воздухе слюны – «ласточкины гнёзда», которые люди употребляют в пищу.

Кроме периода размножения (около двух месяцев в году), стрижи всё время проводят в воздухе. День и ночь, 24 часа в сутки! После линьки их перья – тёмно-бурые с зеленоватым металлическим отливом. Но летом, из-за постоянного нахождения под солнцем, перья существенно выгорают и цвет становится более светлым. Как утверждают немецкие учёные в научных изданиях «Nature» и «Bild der Wissenschaft», стрижи способны летать без посадки в течение более полугода, преодолевая расстояние в 2000 километров из Европы в Западную Африку.

Странные и загадочные птицы стрижи... Их огромные коричневые глаза хорошо видят в сумерках, но яркое солнце их слепит. Пока не установлено, прикрывают ли они глаза во время дневной охоты, каким-то другим образом блокируют передачу зрительного сигнала в мозг или это ситуативно связано с яркостью окружающего освещения. Потому днём они используют эхолокацию. Звук им заменяет зрение. Громкие крики стрижей – это и есть та самая эхолокация. Она позволяет птицам «видеть» в звуковом возможно и не только слышимом диапазоне. Этим они похожи на летучих мышей – сначала кричат в пустоту, а затем прислушиваются к эху, которое отражается от препятствий и насекомых. Но, в отличие от летучих мышей, стрижи охотятся стаями и летают чётким строем, чаще всего уступами, в одной плоскости. Это позволяет им «видеть» отражённый сигнал не только своего «эхолота», но и соседей по строю!

На ночь стрижи поднимаются выше домов, скал и всех земных препятствий и как бы растворяются в вечернем воздухе. Во время дождя или грозы поднимаются ещё выше, выше облаков, либо просто улетают от грозового фронта. В ненастье, когда число летающих насекомых уменьшается – родители не в состоянии прокормить потомство. Тогда птенцы впадают в анабиоз – температура их тела понижается до 20°С, сердцебиение замедляется (что ещё раз наталкивает нас на мысль о родстве птиц с динозаврами). В этом состоянии они могут пробыть до 10 дней. Таким образом стрижата и переносят неблагоприятные условия. Тем временем родители покидают гнёзда и улетают в более кормные места.

Вчерашние птенцы покидают свои неуютные гнёзда полностью сформированными и готовыми к питанию на лету и эхолокации, и к бесконечному полёту, и к преодолению тысяч и тысяч километров к местам зимовки...

03.01.2023.-07.01.2023.

ШЕРШНИ

Сегодня мне приснился сон. На задворках, в пыли, грязи и паутине, среди опавших листьев лежала старая серая фетровая шляпа. И это не удивительно, ведь основной материал, из которого делают шляпы – это фетр. Делается он из разных видов шерсти. Для хороших шляп обычно используется кроличий или бобровый подшёрсток – нежнейший пух...

Но дело не в материале. Шляпа была похожа на одну из тех, что в своё время любил носить мой дедушка. Этим она и вызвала мой интерес.

Когда-то оливковая шляпная лента между тульей и полями, была вся в пятнах, заходящих одно на другое. Одни из них были почти чёрные. Как будто старый кочегар, попав в «приличное» общество и чувствуя себя не в своей тарелке, огрубевшими от тяжёлого труда, замасленными пальцами много раз снимал шляпу, неуклюже раскланиваясь и расшаркиваясь. Другие пятна были цвета стенной золотянки. Третьи, которые располагались поверх всех – как будто нанесены расплывшимися каплями отбеливателя. Лента была смята. Удивительно то, что моё видение было не только цветным, но я помню запах пыли, пропитавшей весь сон и тёплую фактуру фетра у меня в руках!

Поля шляпы обвисли, так что когда я её подобрал, не знал, что находится внутри. Но в ней явно что-то было! Потому что хоть и была она слегка сплющена, но за тульёй угадывалось какое-то утолщение. Я поднял её, и открыв, сначала не понял, что в ней. Присмотревшись, я увидел там гнездо из бумаги, паутины и мусора с толстыми серо-жёлтыми личинками на разных стадиях развития.

Не успел я отбросить шляпу, как на меня вылез необычайно крупный и толстый шершень, в чёрную и жёлтую полоску, с узкими, чёрными с зелёным отблеском крыльями. И сразу же попытался укусить! Вместо того, чтобы бросить гнездо и отдёрнуть руку, я оторопело продолжал держать старую шляпу. А шершень уже вился вокруг меня и пытался достать своим жалом. Помню, меня поразило, насколько оно длинное. С жала каплями стекал мутный, резко пахнущий яд. Помню, я подумал (во сне), что он вроде бы должен быть прозрачным, но он мутный, как у давно неживого шершня! И тут докрасна раскалённая «цыганская» игла вонзилась в моё правое предплечье... от неожиданности я вскрикнул... На рукаве рубашки тихо расплывалось бурое пятно, а снизу по предплечью, по направлению к локтю, ползла вторая тварь. Наконец я, пока не повыползали другие, подальше отбросил растреклятую вещь! После некоторого времени отмашек и борьбы, не помню как, я наконец перерезал обеих привязавшихся гадин штыковой лопатой. Но и после этого, ещё долгое время, стоило мне коснуться половинок лопатой, как они тут же «оживали», начинали извиваться, пробовали уколоть меня жалом и источали зловоние...

На следующее утро, я проснулся с тяжелой головой и болью в парализованной правой руке.

23.02.2022.

ИРОНИЗ-МЫ

Александр Квиток
Ессентуки

АФОРИЗМЫ

✦ Объяснить могу, а понять не могу
– Понять не могу, что происходит...
– Я тебе сейчас объясню.
– Объяснить я и сам могу. Я понять не могу...

✦ Наше русское, философское
– Вы бы поспали немного...
– Ничего, на том свете все отдохнём...

✦ Небольшая поправка к нашей ближней истории

Падение советского общества в 1980-х было определено не экономическими трудностями и не просмотром худфильма «Рэмбо», а тем, что люди перестали понимать, где правильный ответ на вопрос крошки-сына из стихотворения Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?».

✦ *Диалог в допросной комнате:*

– Если я такой есть, значит, Богу я нужен, – заявляет гопник.

– Чикатило примерно так же думал, – осадил его следователь.

✦ Доклад, который огорчил начальника
– Преступник сбежал!
– Как сбежал?
– Ногами.

✦ *Диалог двух интеллигентов:*

– Почему всё так сложно?.. Почему я хочу одного, делаю другое, а нужно делать вообще пятое?

– Потому что мы – высокоорганизованные приматы, обременённые образованием, чувством долга и рефлексией...

✦ *В истории всё повторяется:*

«О царь! Вовеки живи!» – так подданные приветствовали царя Дария в древней Мидо-Персии, в 6-м веке до н.э. (из библейской книги Даниила).

«Да продлятся сроки его правления в бесконечность!» – так подданные выкрикивали пожелания лидеру нации в одной большой державе, когда вносили поправки в Конституцию страны, в 21-м веке н.э.

✦ *Из признаний одного адвоката:*

«Порой надо высказать мысли вслух, чтобы понять, какой это бред...»

✦ *Будьте взаимно вежливы!*

«Пошёл бы ты... подальше!» – универсальное и относительно вежливое ругательство. Для интеллигентов.

✦ *И опять история повторяется:*

Из произведений Некрасова в 19-м веке крестьяне узнали, как им плохо живётся. Из речей лидера нации россияне каждый день узнают, как хорошо им живётся.

✦ *Отдавать себя людям!*

«Человек не должен быть одинок – таково моё мнение. Человек должен отдавать себя людям, даже если его и брать не хотят». (Вениамин Ерофеев, поэма «Москва-Петушки»).

✦ *Поговорка о возрасте ужесточилась:*

О молодящихся пожилых людях раньше говорили: «Какой там он молодой? Да ему сто лет в обед!» Сегодня говорят более жёстко: «Да ему сто лет в обед и двести к ужину!..» Да уж... Времена нынче пошли... Ход времени ускорился.

✦ *Образовательный минимум просвещённого человека:*

Не путать Гоголя с Гегелем, Гегеля с Бебелем, Бебеля с Бабелем, Бабеля с кабелем, кабеля с кобелём, а кобеля с сукой.

✦ *Новости о любовном треугольнике:*

Любовный треугольник – это геометрическая фигура, где на одну гипотенузу претендуют два катета.

✦ *Безжалостный естественный отбор:*

Естественный отбор по Дарвину тоже ужесточился: сильный отбирает у слабого всё, в том числе и жизнь.

✦ *Печальные последствия пандемии:*

Весь мир – одна большая больница. А чего разумного можно ожидать от больных?

✦ *Поэтам на заметку:*

Обратите внимание, господа поэты: «жена» рифмуется со словом «война», а «любовь» со словом «свекровь». А то привыкли «любовь-морковь»...

✦ *Оглядываясь в прошлое...*

Оглядываясь на прошлую жизнь, думаю: «Боже мой, какие же мы были дураки в молодости!.. Да и сейчас не очень умные...»

✦ *Раньше всё было лучше...*

Тогда и молнии сверкали ярче, и гром грохотал громче, и дожди поливали мокрее...

Джо Байден – мазила или бомбардир

Новость года слыхали? Щас услышите... Прочитал на сайте «АиФ» 31 декабря 2022 года.

Оказывается, что «Отдыхающий на Карибах Байден промахнулся по мячу, играя в гольф».

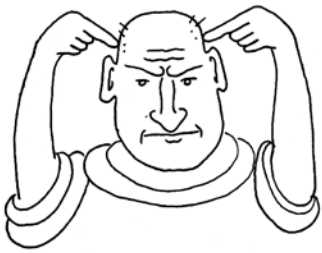
В Эрэфии эта новость прозвучала как-то радостно, как и все новости об ошибках и причудах старенького президента. В Штатах половина американцев порадовались, а другая половина огорчились – те кто за Байдена голосовал. Об чём горюем, ребята? В президентской жизни всякое бывает: сегодня промазал, а завтра, глядишь, и попал... в историю.

Но это ещё не всё. Днём позже, в том же «АиФе», опять новость под заголовком: «От чего он отдыхает? Как американцы разнесли Байдена за отпуск».

Вот прицепились американосы... Президента США критикуют за то что он уехал в отпуск на солнечное Карибское море как раз в тот момент, когда страна оказалась в эпицентре снежного шторма. Ну да, ну да... если бы он поехал в отпуск в ледяную Гренландию, то и ладно...

Также Байдена обвиняют в том, что он слишком много времени проводит в отпуске. По статистике «New York Post» он отдыхал 40% времени после того как стал президентом.

Вот накинулись американосы! Не надо упрекать старика за многодневный отпуск – часто отдыхает, значит, хорошо потрудился. Теперь ему можно гулять до конца президентского срока. Байден своё чёрное дело сделал – устроил в Европе славянскую междоусобицу. Здесь он не промахнулся. И, похоже, что вся эта печаль – надолго.



думать надо!

Сергей Сущанский, член СПР
Магадан

ЗИМНИЕ СТРАДАНИЯ

Ургайской бухты толстый лёд,
Мороз по коже…
Суня Бессарабский

…Павел Константинович Линчевский не любил зиму. Погоду бросает то в холод, то в сумасшедший холод. Даже небольшой ветер вышибает слёзы из глаз и сопли из носа. Идёшь по городу, поминутно промакивая лицо платком. А если к ветру да ещё и морозец так градусов двадцать пять – тридцать, то испытание погодой уже почти что пытка! Когда-то, давным-давно (а было ли это вообще?) Паша работал на глубокотаёжной труднодоступной метеостанции и в свободное от вахт время бегал на охоту – в распадке за перевалом соболей да белок добывал, куропаток с зайцами стрелял. Взбираешься на гребень, а там ветрюган пытается сшибить тебя с ног. И ползёшь, пригибаясь к укатанному до блеска ветром насту, пытаясь хоть как-то уменьшить действие ветрюгана на твою физиономию. Что-то подобное происходит зимой в Ургайске...

А ещё – снегопады, метели да вьюги! Когда в снежной пелене носятся обрывки газет и целлофановых пакетов, так и норовя прилипнуть к лицу… Снежные массы скапливаются на тротуарах – хрен пройдёшь! Жители выползают на дороги и нескончаемыми буксующими вереницами бредут кто куда по своим делам.

Ни одна собака, ни один дворник не выходят чистить вверенный участок. Ни одна машина хозяйственных служб не выезжает на расчистку тротуаров. Постепенно снег уплотняется и с течением времени превращается в лёд. И вот тогда!.. Тогда уж, после многочисленных жалоб горожан во всевозможные инстанции, трактора и бульдозеры начинают скрести ледяной панцирь, сковавший дороги и пешеходные тропинки, гробя технику и многократно перерасходуя горючку… Одновременно бульдозерные отвалы курочат металлические ажурные ограждения и заборчики парков и немногочисленных скверов, призванные украшать город, ломают деревья и кусты. И торчат сломанные оградки как осколки гнилых зубов во рту…

Спустя время и дворники начинают тюкать ломами и лопатами, вдрызг разбивая тротуарную плитку. После первой же снежной до сумасшествия зимы в Ургайске заменили половину такого покрытия. После следующей зимы тротуары закатали в асфальт – чтобы уже никогда не вспоминать о той злополучной плитке!

Случаются и вовсе непредсказуемые катаклизмы, когда в декабре или в январе вдруг начинает капать дождь, бесстыжая погода вдруг замирает в неприличной позе. И благодать эта может длиться два, три и четыре дня. И этот дождь смешивает метеопрогнозы с грязью. Но зима берёт своё, морозы возвращаются, и тогда тротуары превращаются в бесконечные по протяженности и разветвлённости ледяные жёлоба. И горожане двигаются в них так же, как сани на бобслейной трассе!

Как-то в очередной раз сошло на Пашу вдохновение, и он сочинил стих:

Здесь восемь месяцев зима,
И снег, порой, валит в апреле…

В своём утверждении Линчевский не совсем прав: снег в Ургайске может выпасть и в мае, и даже в июне…

А чистка собственного подворья от снега после каждой пурги? Выматывает до ломоты в суставах. После таких мероприятий Пашины пальцы уже не в состоянии стискивать гриф гитары, под аккомпанемент которой Линчевский, убаюкивая внуков, поет песни собственного сочинения…

Одна хорошая Пашкина знакомая, Оксанка Бурлакова, комсомолка в прошлом, одинокая спортсменка и красавица в настоящем (и хочется надеяться – в будущем) сколько зим приглашает Пашу, на лыжные прогулки! Мол, то да сё, мол, тишина, красота и покой, свежайший до непо-

вторимости воздух и блескучий до слепоты снег в горах и их окрестностях! Да и домик есть в лесу – с печкой, запасом дров, а главное – с уютными нарами! Опять же по ночам – луна, прилипшая к небу брошкой – во всей небесной красоте… Но Паша приглашением так ни разу и не воспользовался. Во-первых, катание на лыжах Линчевскому уже давно не аллё – было время, приходилось на этом виде транспорта перемещаться и днём, и ночью лет, точнее зим, двадцать. Во-вторых – всё та же расчистка поместья от снега! А в-третьих… Но парочку виршей подружке всё-таки посвятил:

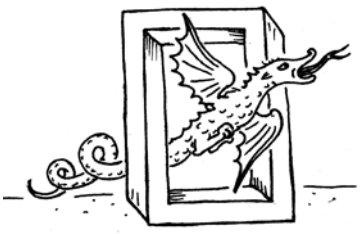
«Мэрс шестисотый» просвистел,
Разбрызгав лужи автобана.
А я прекрасную Оксану
Люблю, люблю – аж весь вспотел!
После любви я принял ванну
И выпил кофе с коньяком.
И легкокрылым мотыльком
Зашелестел по Ирияну.

«Ириян» – это рынок такой в городе, армянский. Торгуют армяне китайскими овощами и фруктами, выдавая их за чисто кавказские. Дурят нашего брата почем зря! Ох, дурят! А, собственно, почему сразу – дурят? Не хош – не покупай! Никто тебя не неволит!

И ещё вот это:

Какая грудь у Бурлаковой –
Я не устану восхищаться!
Но видеть – это лишь полслова.
Всё слово – за неё держаться!

Правда, последнее время, всё чаще и чаще на помощь по ликвидации снежных образований на отдельно стоящем подворье приходят вдруг повзрослевшие сыновья… А за Оксанкину грудь Паша так и не подержался…



ПОЧТА «ЛК»

Маргарита Самойлова

Три года сотрудничества с альманахом «Литературный Кисловодск»[1]

Вторая новелла: «Александр Дюма»

«Меня всегда удивляло, что человек «заказавший» собственную жену, считается идеалом рыцарственности, образцом для юношества».

Размышляя о других произведениях А. Дюма, автор упоминает об исследовании Андре Моруа «Три Дюма», об оценке творчества А. Дюма Владимиром Короленко, о приключенческом романе Михаила Сидоровича, написанном в основном на сюжет «Три мушкетёра».

«ЛК»-74, сентябрь 2020. «Загадка альтруизма»

Суждения И.Р. Миклашевского о феномене альтруизма основаны на положениях ряда отраслей знаний: теория Ч. Дарвина, исследования Ю. Фридман...

Напомню, что термин «альтруизм» введён в научный оборот французским философом О. Контом. Рассматривается он и в психоаналитической концепции З. Фрейда.

Интересно, будет ли найдена исчерпывающая разгадка альтруизма в естествознании, религии, культуре? Каковы критерии устойчивого равновесия альтруизма и эгоизма? Альтруизм и война? Альтруизм и преступность?..

Около тридцати лет назад И. Миклашевский сказал:[2]

* * *

Твердят, что надо думать о других:
им думать обо мне, а мне – о них.
Но разве кто-то знает, что мне нужно?
А им что – кто-то лучше их самих?

---

[1] *Продолжение. Начало на стр. 55*

[2] *Миклашевский И.Р. Рубайат – Новопавловск, 1995 – 32 с. С. 8*

«ЛК»-75, январь 2021. А.И. Солженицын

Воспоминание И.Р. Миклашевского о встрече А.И. Солженицына с жителями Кисловодска в 1994 году. Эти заметки ранее были опубликованы в Живом журнале 30 марта 2012 года. Автор вспоминает:

«Александр Исаевич тогда только что вернулся из Америки, проехав по Транссибирской дороге.

На встрече в филармонии он повел себя нестандартно: не стал выступать с речью, а предложил выступить всем желающим. "Я буду только секретарствовать", – сказал он.

Наконец, Солженицын сказал: "Я подытожу", – и действительно не отходил от тем, затронутых в выступлениях кисловодчан».

Позднее воспоминания (в сокращении) И.Р. Миклашевского были включены в мой материал «Дорого каждое свидетельство. Памяти А.И. Солженицына».

«ЛК»-81, сентябрь 2022. Библейские темы

Под этим общим заголовком – три новеллы: «Иисус»; «Данко (плагиат)»; «Блудный сын».

В первой новелле, размышляя о личности Иисуса Христа, И. Миклашевский подчёркивает важность того, что Христос живёт в памяти миллиардов людей. Автор также упоминает о книге Ю. Латыниной под названием «Иисус. Историческое расследование» / Москва: Эксмо, 2019. – 544 с.

Думаю, что некоторые выводы И. Миклашевского нуждаются в дополнительной аргументации.

Во второй новелле автор обращается к знаменитому произведению Максима Горького. Историческая роль вождя, непостоянство настроений ведомых им людей, недовольство новым вождём...

«Тогда он повел людей на соседнее маленькое племя, тоже тщетно пытавшееся выбраться из леса. Обещал, что, покорив все соседние племена, они потом легко завоюют и долины с виноградниками... Советский классик был большим оптимистом и написал, что племя благополучно выбралось из леса. Но он вполне мог пожертвовать фактической правдой ради исторической».

Третья новелла – аллюзия на известную евангельскую притчу. Заключительные слова рассказа И.Р. Миклашевского «Блудный сын»: «Было это очень давно, подробности позабыты, но полагаю, умер непочтительный сын где-то под забором. Страна та была богатая, нищим подавали щедро, но и там временами случался неурожай, и тогда у нищих было мало шансов».

«ЛК»-82, январь 2023. Фемистокл Манилов. Алиса в подземелье

Начинаешь читать – и погружаешься в сгущающиеся ноябрьские сумерки, невольно ощущаешь себя персонажем реального (фантастического?) происшествия.

Пустынная улица; большое мрачное здание; за ним – два-три дома поплоше...

Алисе вдруг почему-то показалось, что за ней кто-то идет. Она не решилась оглянуться, но прибавила шагу... Вот уже справа старый двухэтажный дом, кажется, предназначенный под снос... И тут Алиса сделала то, чего вовсе не собиралась, за секунду даже не думала об этом: юркнула в приоткрытую дверь»... Другая дверь, за ней – абсолютно тёмный коридор... стена... дверь с выломанной нижней частью... пролом... грязная крутая лестница, ведущая вниз... какой-то подвал... маленькое оконце под потолком... под окном кто-то, кажется, зашевелился. «Алиса почувствовала запах грязной одежды и водочного перегара... Побежала – и вдруг под ногой – пустота – и она уже летит вниз!..»

«Вдруг из тени вышел человек в камуфляже, с удивлением посмотрел на Алису и повернулся, быстро пошел куда-то...»

Заключительные строки новеллы: «До дома было минут пять, максимум десять, учитывая, что она идёт практически босиком. Но что же она скажет дома?!»

Читая, ловлю себя на мысли: «Лишь бы всё хорошо закончилось!» После прочтения долго обдумываю содержание: реальность? Абсурд? Быть может, реальность, ужасная до абсурда?

Продолжение следует.

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАНИЧКИ

Константин Галушкин
Горячий Ключ,
Краснодарский кр.

ПТИЦА-МЫСЛЬ

РАЗУМ

Не разрешайте разуму не думать:
Клубком роятся мысли пусть всегда,
Чтоб зеркало забыло вид угрюмый
С запалом позитива на года.

Мечтам не разрешайте не являться:
Пускай несут стремления искру.
К печалям отнеситесь-ка с прохладней,
Затеяв с доброй аурой игру.

Не разрешайте мышцам не трудиться:
К успеху каждый мускул приведёт.
Тогда удача резвою синицей
В обнимку с вами пустится в полёт!

С утра найдите каплю позитива –
Вздохнув с тоской, тоску суметь прогнать!
Хотя б на миг, но ярче станут виды,
А следом и деньков не сосчитать.

Разрушьте серость тягостных уныний:
Такие точно сердцу ни к чему.
Тогда печаль в сомнениях остынет,
И бодрость нарастит величину.

Бушует разум, мысли закипают:
Активным думам быть разрешено!
А значит и успехи дружной стаей
Одарят краской жизни полотно!

16.11.2021 г.

ОСТОРОЖНЫЙ УРОК

Мы все, несомненно, пред зеркалом гении,
Уверенно чувствуем лучший итог.
Арбитр в сослагательном
бодр наклонении,
Чтоб в жизнь допустить
только нужный урок.

На нужность глядим
со своей колоколенки.
К чему в нашей жизни третейский судья?
И значимый каждый,
и этим довольненький,
И мнение в люди, словес не тая.

Тут «бы» применяется в эти мгновения,
И каждый в поступках профессионал.
Уверенность в мыслях
и твёрдость в суждениях,
Такая, что вовсе и не ожидал.

Смелы в зареканиях,
«завтра» забрезжилось;
Что цели красуясь, пустились в народ.
И тут самолюбие резко потешилось,
Но вдруг замаячил судьбины оброк.

За радость без меры, других осуждение;
А может характер, чтоб в миг закалить.
Порой переносим удачи гонения,
В достоинстве вяжем
к дням будущим нить.

Глядишь, на подъёме
запнулись немножечко,
И камень качнулся под левой ногой;
Застыли на месте, спасибо дорожечке,
И с новым разбегом к вершинам легко.

Урок осторожный, печалью оплаченный,
Морщинами опыта скрылся у глаз.
А кто посмеялся – потом озадаченный,
Дай Бог, что потом мимо шло сотню раз.

А вдруг в сослагательном мы наклонении,
Слова через мудрости сито пройдут.
Ведь знать не дано
в дне грядущем затмения,
С душой коль открытой – настанет уют.
20.02.2022 г.

НЕПОГОДА

Дождевые тучи рассердились:
Собирались вылиться в полдня.
Сквозь порывы ветра – эта милость,
Под раскаты грома без огня...

Взяв отгулы, молния, похоже,
Не осветит бликом небосвод.
Уникальность действия тревожит,
Удивляет взоры в брызгах вод.

Преумножит грохот крыши влажный,
На дорогах бурные ручьи.
Потому что осень шаг отважный
На просторы жаждет запустить...

Раскалённость августовских будней
Смоют с неба ливни сентября.
И такие бодрости добудет,
Чтоб удачи запустить заряд!

Для довольства жизненной задачей
Омывались будущие дни...
Неспроста луч солнышка маячит –
Так надежда в лучшее звенит.

За полдня события в погоде
Дали серость, свет внесли потом.
Значит, будут целей нужных всходы,
И мечтании полон, станет дом!
02.09.2021 г.

С ЛЁГКИМ СЕРДЦЕМ

Завершается в шортиках лето,
Согревает последним теплом.
Бледнокожие, встаньте к ответу, –
Загорать, если не повезло.

Под луною сверчки призывают
Сентября золотую пору.
И звонки неотъемлемой стаей
На учёбу зовут детвору!

Машем августу с доброй печалью:
Безвозвратный у времени счёт.
Приоткроем врага к начинаниям,
К покорениям новых высот!

С лёгким сердцем отпустится лето,
Философии брезжит рассвет.
Превращается мудрость в атлета
С нужным опытом прожитых лет.

Времена вереницей промчатся,
Только этот запомнится день.
Лишь бы в душах
не встретить прохладцу,
Пусть всегда будет летняя тень!..
31.08.2021 г.

ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ

Если жизнь активная в работе,
Семь потов на радостях с утра –
То и отпуск будет пусть на взлёте!
А иначе грустная игра...

Километры мимо пролетали:
Сотни в прошлом, тысячи пошли.
Неродные дали повидали –
До сих пор подошвы в той пыли.

Карты регионов попадались
Вдоль дороги где-то десять раз.
Векторы движения менялись:
Разные пейзажи всё для глаз.

Солнце согревало на Кубани,
Простирались степи на Дону...
Фонари московские пленяли –
Даже мысли были в их плену.

К храмам указатели встречались:
Тем церквям примерно пять веков.

С Русью изначальной пообщались,
Ощущая мощь её основ.

Многое поведали просторы;
Только повнимательней всмотрись:
Ширь страны не только разговоры –
В этом скрыта истинная жизнь.

26.04.2021 г.

ДЕРЕВЦЕ

Перед клумбой деревце в пояс высотой.
Спряталось: не верится – белой суетой.

Чтоб не мёрзнуть, видимо,
скрылось от ветров.
Нет наряда инея, в маскировке кров.

Деревце закопано –
к пряткам дан билет.
Так наесться опытно снега в феврале.

Не замёрзнет деревце:
из снежинок плед.
Пусть в сугробе греется –
позже встретит свет.

* * *

Веком девятнадцатым пахнуло:
Звук рояля, щебет певчих птиц...
Сердце пребывало в карауле
И смогло всей сутью расцвести!

Замерла обыденность, заснула,
Охраняет искренность души.
Глубину суть жизни распахнула,
Тронув ноты вечером в тиши...

17.06.2020 г.

ДЕТСКИЙ САД

В детский сад с пелёночек заходим:
Так быстрей подгузник отпадёт.
Вереница правил колобродит,
И, увы, такое не на год.

Недруги, приятели в прохожих,
Раздражённых уйма без причин.
В слякоть коллектив и в день погожий
Постоянно рядом, и один.

Няня в коридоре наблюдает:
Беспокойство скрыто в том её.
Мысли поперёк зловредной стаей
Наблюдают детский этот дом.

Взор от воспитателей серьёзный,
Не найдётся вовсе компромисс.
Спрячь слова,
чтоб стало как-то проще.
Но душа без лести рвётся ввысь!

Где-то и директор восседает:
Малышам навстречу не попасть.
Веры к справедливости хватает:
В детских душах выданная власть.

Доброго заметят ненароком,
Подлеца накажут кое-как...
Верится в изгнание пороков:
До седин, похоже, данный факт.

Годы пролетят в десятилетьях,
Череда прохожих из коллег.
Принцип постоянный в этом свете
Сохраняет каждый человек.

Кто-то в воспитатели пробился,
Наблюдает нянею другой.
Ежели фортуною упился –
То директор где-то дорогой.

Годы мимо мчат в десятилетьях,
Поточнее мне не рассказать.
Вывод только вынужденный
встретишь:
Постоянно в жизни детский сад.

03.04.2021 г.

Вячеслав Кожевников
Кисловодск

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Давно прошли моя весна и лето,
И осень завершает свой визит.
Зима, в одежды белые одета,
Суровыми морозами грозит.
Мне не страшны суровые морозы.
Проходят дни. Летит за годом год....
И всё ж в душе цветут, как прежде, розы.
Прекрасна жизнь, когда душа поёт!
Зима меня ничем не напугает.
Я возвращаюсь к жизни вновь и вновь.
Пока моя душа стихи рождает,
В ней есть надежда, вера и любовь!
И, навсегда покинув этот свет,
Продолжит жить в своих стихах поэт!

ДОМ БЕЗ ЛЮБВИ

На горе стоит
Всем на зависть дом.
Он красив на вид.
Всё что нужно в нём!
Нечего желать.
Радуйся! Живи!
Жить бы, поживать! –
В доме нет любви.
В доме без любви
Меркнет солнца свет:
Радости в нём нет,
И веселья нет.
Горек сладкий мёд,
Невкусна вода.
Стены словно лёд –
Холодно всегда.
Нет благих забот –
Прорастает зло.
Сердце не поёт –
Дышишь тяжело.
Суета сует…
Не цветут цветы.
Добрых мыслей нет –
Отцветаешь ты.
В доме без любви
На душе темно.
Счастье не зови –
Не придёт оно.
Даже думать лень!
Время не течёт:
Каждый час, как день!
Каждый день, как год!
Этот страшный дом
Хуже, чем тюрьма:
Можешь сгинуть в нём,
Иль сойти с ума.
Путы разорви!
Душу береги!
В доме без любви
Не живи. Беги!

МЕЧТЫ

Принцессой ты в юности виделась мне.
Ты принца искала на белом коне,
Надеясь, что он тебя замуж возьмёт
И к морю в прекрасный дворец увезёт...
Нашёлся тот принц, но не стал королём.
Конь белый издох,
прост и скромен твой дом.
И берег морской от него далеко...
Смириться с потерей мечты нелегко.
А в счастье любовь открывает нам дверь.
Её ты не встретила. Поздно теперь
Судьбу проклинать, виноватых искать,
На что-то надеяться, что-то менять...
Я щедрых даров от судьбы не искал,
Трудясь, со смирением всё принимал.
Ценил доброту, красоту и покой
Превыше богатства и славы земной.
Давно не мечтаю уже ни о чём:
Любимая рядом – и рай за окном!

ХУДОЖНИКУ

На площади надежд и слёз
Стоит с картинами художник,

Сегодня новую принёс...
Продаст когда-нибудь, быть может
А равнодушная толпа,
Как и вчера, проходит мимо...
Что ж, такова твоя судьба,
Искусства раб неутомимый!
Господь тебе талант вручил.
А что он? Кара иль награда?
Трудись, пока хватает сил,
Не думай, надо иль не надо.
Пиши, мой друг! Пусть кисть твоя
Легко, как бабочка, порхает
И многоцветьем бытия
Ток жизни в людях пробуждает!

ПОЭТУ, ПИШУЩЕМУ НОЧЬЮ

Пиши стихи любые, сколько хочешь,
В любое время суток, но не ночью.
Нам ночь дана для отдыха и сна:
Для накопленья сил нужна она.
Режим труда диктует жизнь сама.
Держись его и не сходи с ума.
Конечно же, бывает исключенье.
Когда придёт внезапно вдохновенье,
Прими его, не отвергай, но всё же
Не нужно на маньяка быть похожим…
Здоровье для тебя важней всего,
А нет его – не нужно ничего!
Пусть будет много плодотворных дней!
Пиши и помни: утро мудреней!

КАК РОЖДАЮТСЯ СТИХИ

Слова – песок. Они ничьи.
А мысли – это кирпичи.
Кто автор мысли? Нет ответа.
Не спрашивайте у поэта.
Поэт их слышит, собирает,
Шлифует и соединяет.
Он – архитектор пирамид,
Чей необычный внешний вид
Внушает людям уваженье,
В душе находит отраженье
И будит их воображенье...
Стихи – творенья из песка,
Но лучшие – стоят века!

НАВСТРЕЧУ ЛЮБВИ

Любовь это чудо!
Придёт ниоткуда,
Как правило, лишь к одному.
И труд, и искусство –
Развить это чувство
В другом. Доверяйся ему!
Сквозь бури и мели
Иди к своей цели
И ветер попутный лови!
Бояться не надо.
Нам счастье – награда!
Иди! Нет преград для любви!

ТЫ ВЕЧНО БУДЕШЬ ЖИТЬ!

Любимая! Я знаю – мы пройдём,
Как облака, над грешною землёю
И, преданные вечному покою,
Обитель в мире обретём ином,
Оставив здесь заботы, боль и грусть...
На смену нам придут другие люди,
А тех. кто с нами был, уже не будет...
Всё движется, меняется.... И пусть
Тела в могилах превратятся в прах –
Моя любовь к тебе сильнее тленья.
Она, как луч, пронзает тьму забвенья.
Ты вечно будешь жить в моих стихах!

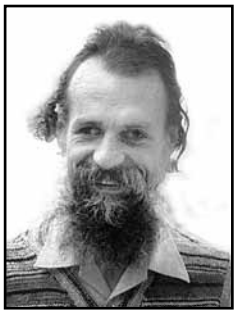
БУДЬ БОДР!

Не пой, певец, унылых песен!
Унынье – грех. Будь бодр и весел!
Пройдут метели и морозы,
Пройдут дожди, утихнут грозы,
Пройдут все беды и невзгоды...
Проходит всё – закон природы.
Плохое вечным не бывает.
За тучей солнышко сияет.
Костёр раздует свежий ветер –
Мир снова будет добр и светел!
Не пой, певец, унылых песен!
Унынье – грех! Будь бодр и весел!

УЧИСЬ У ВСЕХ

Мудрец для общенья с глупцами
открыт.
Лечебная грязь неприятна на вид,
Но многим она пригодится.
Глупец, век прожив
среди умных людей,
Не станет ничуть ни умней, ни добрей,
Когда не желает учиться.

Илья Миклашевский
Москва



МЫСЛИ ВСЛУХ...

СУДЬБА ПУШКИНА

Как ужасно, что Пушкин был убит в 37 лет. Даже если он уже пережил свой апогей как беллетрист, сколько бы еще он сделал как культуртрегер! История России была бы иной...

Но что было бы, если бы не Дантес убил Пушкина, а Пушкин Дантеса?!

Такое вполне могло случиться, Пушкин великолепно стрелял и даже раненый не промахнулся.

Я уж не говорю, как бы сложились дальнейшие его отношения с женой, с царем...

Главное: солнце русской поэзии вечно носило бы на себе пятно убийцы, пусть и в честном поединке. Как воспринимали бы мы сцену убийства Ленского?..

Бог спас Пушкина и Россию от такого исхода!

РАССКАЗЫ ПРО ШЕРЛОХОМЦА*

(Ужастики детства)

СИНИЙ НОГОТЬ

Жила-была девочка. Ее отец любил столярничать, а девочка ему помогала. Однажды она нечаянно капнула на ноготь кислотой – и ноготь посинел, в нем образовалась маленькая дырочка.

Как-то родители послали девочку в магазин за котлетами. Девочка ушла и не вернулась.

Как ее ни искали – не нашли.

Как бы там ни было, котлеты-то всё равно нужны, и родители сами их купили. Пожарили, стали есть, а в котлете – ноготь. В другой – тоже; и во всех остальных. А в десятой котлете – ноготь синий и с дырочкой.

Родители поняли, что тут что-то не то, и обратились к Шерлоку Холмсу.

Шерлок Холмс послал в магазин за котлетами знакомого мальчика, а сам незаметно пошел за ним.

Когда очередь мальчика подошла, продавщица вдруг говорит: «У меня котлеты кончились. Мальчик, помоги мне, пожалуйста, принести следующий ящик». Мальчик пошел с ней в подсобку, а Шерлок Холмс – за ними. И видит: в подсобке – огромная мясорубка. Продавщица хотела толкнуть в нее мальчика, но Шерлок Холмс молнией бросился и спас его.

А продавщицу расстреляли.

КРАСНЫЙ АВТОБУС

По городу по одному из маршрутов ездил красный автобус. Постепенно люди заметили, что кто в него сел, того больше уже никто никогда не видел. Люди перестали садиться в этот автобус, и он ездил по маршруту пустой. И странное дело: на двери в кабину водителя висел большой амбарный замок.

Шерлок Холмс и доктор Ватсон решили раскрыть тайну красного автобуса. Сели в него и поехали. Вдруг на мосту автобус остановился. Шерлок Холмс закричал доктору Ватсону: «Поднимите ноги!» Тут пол в автобусе раздвинулся, и мостовая под ним раздвинулась, а под мостом – огромная мясорубка. Но Шерлок Холмс с доктором Ватсоном, сидели на сидениях с поднятыми ногами, пока пол снова не сдвинулся и автобус не поехал дальше.

Замок с кабины сбили, оказалось, там вместо водителя – робот!

** Я слышал эти истории в 60-е годы, кажется, от младших ребят, когда мне самому было лет десять-двенадцать. Еще был рассказ «Пёстрая лента» – как в лифте из углов вылезали ленты и душили того, кто в нем едет.*

Маргарита Самойлова

Три года сотрудничества с альманахом «Литературный Кисловодск»[1]

Мир молодых

В рубрике «Мир молодых» помещены две публикации И.Р. Миклашевского. **«ЛК»-77, сентябрь 2021.** Автобиографическая повесть «Три молодости. Воспоминания. Кисловодск».

Илья Миклашевский – студент, затем аспирант московского пединститута. Он «весь отдался математике, посещал множество спецкурсов и семинаров – и через три месяца надорвался...» Как-то пожаловался своему однокурснику, на что он ответил: «А ты займись ремеслом». «С тех пор, – пишет И. Миклашевский, – я стал подумывать о поступлении в Кисловодскую школу массажистов». Преодолев ряд обстоятельств, он успешно сдаёт вступительные экзамены.

«В первом семестре главными предметами были анатомия и фармакология. А я, вместо того чтобы штудировать кости и пилюли, ходил по Кисловодску, изучал его причудливую географию, подчиненную горному рельефу». Думаю, что тот кто ходил по терренкурам Кисловодского парка и каменистым городским переулкам, ощутят выразительность литературной речи И. Миклашевского.

Один из его знакомых, хорошо знавший эсперанто, немецкий, карачаевский и другие языки, посоветовал «...ходить на литературную студию в Дом учителя: «Там ты найдёшь человека, с которым сможешь разговаривать о буддизме» – он имел в виду руководителя студии Станислава Яковлевича Подольского. Я последовал совету друга – и постепенно литстудия стала главным кругом моего общения в Кисловодске... Эта литературная студия существует до сих пор. Состав участников постепенно обновился, а средний их возраст «за тридцать лет» увеличился лет «за сорок»; и собираются теперь не в Доме учителя, а на Даче Шаляпина. Руководитель всё тот же – С.Я.Подольский. В последние двадцать лет к этой его миссии добавилась другая, более масштабная: он издает журнал «Литературный Кисловодск», который за это время стал всероссийским: в нем печатаются авторы не только Ставропольского края, не только с юга России, Москвы и Петербурга, но и из Сыктывкара, Ухты, Магадана, а иногда и из-за рубежа. И это без какого-либо финансирования – вскладчину, на деньги авторов!»

Поступив в медицинское училище, И. Миклашевский продолжал заниматься математикой, познакомился с физиками – сотрудниками солнечной обсерватории. «Короткого разговора с ними на околонаучные темы хватило, чтобы математика вновь вернулась в мою голову...»

Однако не забыта и профессия массажиста. А ещё был поход на Эльбрус...

Завершая воспоминания о Кисловодске, И.Р. Миклашевский пишет: «Так и не знаю, правильно ли я сделал, что пошел в массажисты. Наверно, правильно: наверно, какая-то польза от моей работы людям все-таки была. А пребывание в Кисловодске было неожиданно подаренной мне второй молодостью. Правда, прошедшей так же бездарно, как и первая.

В сорок лет я понял, что третьей молодости точно не будет – и опять ошибся: когда меня уволили из поликлиники, я неожиданно для себя занялся спортом (бегом на длинные дистанции), т.е. тем, что, как считается, присуще молодости. Оказался окружен людьми не всегда молодыми, но почти всегда намного моложе меня. Но вот и третья молодость подходит к концу...»

«ЛК»-80, май 2020. Биографическая повесть «Школьные годы», по содержанию которой можно проследить, как возрастал талантливый, многосторонне-образованный человек.

«В 1963 году, – пишет Илья Миклашевский, – я пошел в 1-й класс московской школы № 32... В тот год она стала французской спецшколой...» В 1966 году, в связи с переездом семьи в новую квартиру, он стал учиться в школе № 18. «Я долго тосковал по старой школе, несколько лет поддерживал связь со своими тамошними друзьями, но к окончанию школы связь постепенно оборвалась. С одноклассниками из новой школы связи тоже оборвались вскоре после её окончания, но через тридцать лет возобновились».

Читаю эту новеллу и вспоминаю свои школьные годы (г. Нижний Тагил, 1947-1957). Хорошие учителя, дружеские отношения одноклассников. До недавнего времени была постоянная телефонная

[1] *Продолжение. Начало на стр. 55*

связь с Ниной, которая рассказывала мне о нескольких наших одноклассницах, передавала от них приветы. Но в январе 2022 года Нины не стало...

«В старших классах, – продолжает И. Миклашевский, – я был целиком поглощен учебой – читал классиков... Особенно занимался математикой. В 8-м классе поступил в Заочную математическую школу...» В 9-м классе Илья поступил в Вечернюю экономико-математическую школу при экономическом факультете МГУ; в 9-м и 10-м ходил и на Константиновский математический кружок в МГУ, а на первом курсе ходил туда уже в качестве руководителя.

«Ну, о студенческих годах я уже написал раньше...»

Поэты «Зелёной горы»

«ЛК»-78-79, январь 2022.

Илья Миклашевский

«Поезд»

1

...Прибывает поезд,
я в него вхожу,
но чего искал я,
в нём не нахожу.
Входят и выходят,
все спешат... Куда?
А в купе, в графине –
свежая вода...

1972

2

Мелькают дни, мелькают чьи-то лица,
как станции мелькают за окном.
Я злюсь, что злая ведьма-проводница
жалеет мне стакана с кипятком.
А мысли разбегаются куда-то,
и в сон клонит стучание колес.
Вот будет станция – тогда, тогда-то...
Давно мне так спокойно не спалось.
Нет, надо выбираться из вагона,
задуматься серьезно, и решить,
и выполнить...
А поезд сонно-сонно:
куда спешить, куда спешить,
куда спешить...
.....
А если станция – да на свободу,
да что-нибудь такое совершить...
Но не пойдешь же в эдаку погоду,
куда спешить, куда спешить,
куда спешить!..

Мелькают дни, и месяцы, и годы,
и смутные желания в мозгу.
Эх, если б остановка – и свобода.
Но поезд придержать я не могу.
И поезд всё летит, летит куда-то,
я не решаюсь прыгать на ходу.
И не решусь.
Не далека уж дата,
когда на грустной станции сойду...

1988

3

Бреду по шпалам полусгнившим:
давно не ходят поезда, –
сам бывший, по дорогам бывшим,
кривым дорогам в никуда...

2020

Но, как хочется думать, есть другие поезда, замедляющие ход перед грустной станцией...

Октябрь 2022 – январь 2023

ПОЧТА «ЛК»

Наталья Филатова

Москва

ЮРИЮ КОЛЕНКО!

Здравствуйте, Юрий!

В Альманахе я обязательно прочитываю странички с вашими стихами и учусь у вас. Как хорошо, что встречаются люди с таким мировоззреньем! Ваши стихи заставляют задумываться. Многие проживают жизнь непричастными к сегодняшним событиям, вас же волнует всё в этом мире: «Больше полей зарастают бурьяном: долго напрягаться и ждать прибытка...»

«Взяточников отдавать в фермеры нельзя: они всё загубят. Они потому взяточники, что сами руками ничего не могут создать».

В ваших стихах звучит музыка: «Звёзды не обращают внимания на астрономов досужих. Ишь, как устроились в ласковых лучах!» «Поколения истлевают, а кристалл их смысла растёт!»

Что-то созвучное вашему есть у меня: «Душа взлетает, чтобы стать звездою или с кометою сродниться. Нам шанс даётся на земле, чтоб звёздный свет мог накопиться».

В стихотворении: «Кого она мне напомина-

ет?..» мне привиделся росток в движении…

Поражают образные находки: «Путь к спасенью – в ШЁПОТАХ МУРАВЬИНОГО КОЛЛЕКТИВА...» «Наша сложная жизнь сегодня: надо всё оплатить этому ЧЕРНОДЫРОМУ ЖЭКЭХА». «Погоды нет»; «Автобус с выхлопом внутрь»; «Дожить до пятницы и юркнуть в телепрограмму?» А спасёт ли это? (Стр. 13). Опять звучит музыка стиха: «Утренняя прогулка по полю в радужной росе; любопытство глаз... Быть может, останавливает, сотканная светом невесомая красота?» А ещё этот «огонек зудения жизни!»

Стр. 16: «Море света уносит кораблик души!» Задаёте себе вопрос: «Как же пожить своей собственной жизнью, когда ветер северный всё поддаёт жару!?»

Стр. 19: «Маленький автобус, как май, переполнен девушками; в карман свой не добраться; объём автобуса налит!!!»

Стр. 20: «Каждый из них видит, что предписать другому, но сам существует как получится...»

Стр. 21: «И вдруг на экране...» Какая меткая обрисовка! Яркая картинка: «Хвост от восторга так и рвётся выскочить из брюк!..» Это понравилось больше всех.

Стр. 22: Интересные параллели: поэт и односельчанин в одном ряду!

Стр. 23: Настоящая ценность – наши руки и ещё головы. Программа для политиков. Простым людям не нужна высокотехнологическая и прочая война. Вы правы, за ней стоит один результат: ручейки крови по пять литров с тела…

Я тоже помню 1992 год, когда директор продовольственного из окна над прилавками вещал: «Господа, кости кончились».

Хорошо, что ваши стихи о 2007 годе заставят многих задуматься, как просто организовать дело и, если не мешать, можно провернуть СТАРАТЕЛЬНО! Но вот душа возымеет ли значение для мира, в котором есть ОБХОДИТЕЛЬНЫЕ РАКЕТЫ?

Стр. 36: «Как трудно перебраться в завтрашний день, всё потому что спиралька жизни заканчивается замкнутым кругом». Здорово отмечено!

Стр. 40: «Борзые ракеты, шинкующие население, как капусту».

Стр. 44: «Необъяснимо, непостижимо…» Камни ещё не кончились: в Москве оставили от ул. Баррикадной до Зоопарка кусок мостовой, уложенной булыжниками.

Стр 49: «Сообщение» – звучит как гимн. «Кряхтит земной шар...» Ему ближе человек природы: ни часов, ни книг, ни календаря! – Солнце, звёзды, луна!

Стр. 61: «Любовь не девушка, а весна и лето, которые тянутся вечность, летят мгновением…» Про любовь.

Стр. 62: «Ты смотришь насторожённо, опасливо...» Гамма чувств захлёстывает!

Мне тоже не хочется вселяться в море привольное новой лексики. Моя сущность не принимает её: она чужая, деревянная.

Стр. 67 «Тот кому жить...» – Загадка, как выжить в этом мире? До чего нужно искромсать плоть, чтобы «глаза души» видели только хлеб?! Тянется болевой нерв из души, выдержит ли испытание?

Стр. 70: «Очередь в сберкассе» – страшная действительность. Персонажи, у которых разная огромная жизненная эпопея, но конечная точка здесь, в сберкассе, где они получают пособие на ДОЖИТИЕ. И кто это только придумал слово?!

Стр 76-77: «Я был камень». Раннее лето. Перекликается со стихом ЛИ БО «Среди цветов поставил я кувшин...»

Стр 78. Надо попробовать жить, как советует Юрий Коленко: «Спишь и бодрствуешь, растёшь как трава!!!»

Стр 81: «Человек на отличной планете чахнет без ре-минорной Баха». Потому что музыка питает душу. «Солнце высокое в грязь впивается, разбудит семена – в ЗИМНИХ ГЛАЗАХ СЧАСТЛИВЫХ – потому что пришла Весна!»

Юрий, вы не перестаёте спрашивать облака и людей, и быть счастливым от буйства жизни в «кинотеатре сознания», увлекая читателя за собой!

Благодарю за прекрасное путешествие по строкам вашей книги!

Простите за сумбур, но за вашими мыслями и чувствами не угнаться. Буду ждать ваших новых стихотворений.

P.S. «До чего нужно искромсать плоть, чтобы «глаза души» видели только хлеб?!»

Оксана Павленко,
библиотекарь
Ростов-на-Дону

ОТ «ОКРАИНЫ» – К ЦЕНТРУ»!

Наверное, мало кто не согласится с тем, что человек по природе своей подражатель. Сам он создан (как утверждает Библия) по образу и подобию Божьему. И в нём заложена потребность творить.

Литературно-музыкальный клуб «Окраина» работает в БИЦ имени Н.Г. Чернышевского с августа 1997 года, а с 2018 года – в рамках программы «Библиотека как транслятор поэтического творчества». И вот уже более двадцати пяти лет «Окраина» занимает в ростовской творческой среде довольно-таки видное, устойчивое положение. Почему так сложилось?

Характерным для клуба «Окраина» является то что, изначально созданный как молодежный, клуб с годами стал «возрастным». Что ж, творческие люди всегда стремятся найти свой круг общения и создавать вокруг себя живую атмосферу.

Кроме того, если в начале работы клуба место обитания «окраинцев» находилось в пределах четырёх остановок общественного транспорта по улице Вятской (лишь несколько авторов жили в других районах города), то сейчас география «Окраины» значительно расширилась. Сбылись пророческие слова Иосифа Бродского о том что «мир не кончается на окраине», явившиеся девизом клуба. В сфере притяжения «Окраины» оказались творческие люди не только Ростова, но и Ростовской области: Зернограда, Шахт, Батайска, Новошахтинска, Таганрога.

«Земля слухом полнится…» – и вот уже четверть века в зале отраслевой литературы библиотеки имени Н. Г. Чернышевского в 15.00 во второе и последнее воскресенья каждого месяца собираются на очередное заседание авторы музыки и текстов со всех концов Ростова-на-Дону!

Несомненно, первым поколениям «Окраины» повезло с заведующей библиотекой Ириной Петровной Кремнёвой, которую до сих пор с благодарностью вспоминают «окраинцы». Массу усилий, личного времени она уделяла совместной работе над авторскими текстами «окраинцев», развитию творческого дарования членов клуба. Будучи на пенсии, она и сейчас поддерживает связь с клубом, интересуется его жизнью. Почти с самого основания клуба и по сей день стараниями его актива: Анны Пепеляевой, Ирины Бжиской, Людмилы Кузнецовой, Владимира Шевченко (Моржа), Михаила Кострикина, Сергея Халаимова, Ларисы Данцовой, Антонины Рыбалкиной – ведётся серьёзная работа по созданию грамотных, стилистически выверенных, интересных аудитории музыкальных и литературных произведений. А к совершенствованию творческих навыков участников клуба способствует возможность публиковаться в ежегодном литературно-музыкальном альманахе «Окраина»! В августе 2022 года вышел 25-й юбилейный выпуск. В настоящее время ведётся работа по подготовке материалов к двадцать шестому сборнику, который «увидит свет» в этом году.

Произведения членов «Окраины» активно публикуются в газетах Ростовской региональной организации СПР «Донской писатель», ВЛС «Донской Пегас», альманахе «На донских берегах», журнале «Дон_новый», на сайтах donpisatel.ru и Стихи.ру, издаются авторские сборники. К просветительской деятельности «Окраины», заседаниям клуба привлекается внимание на страницах газеты «Наше Время», а также на электронном ресурсе RostovNaDonu.BezFormata.com

Ярким событием истории клуба явились те авторы,о которых можно сказать пушкинскими словами: «иных уж нет…». Игорь Антонов, Зоя Берёза, Василий Чеботарёв, Павел Патрикац, Нарцисс Шанин, Елена Добровольская, Пётр Никитин. Книги этих литераторов с дарственными надписями хранятся среди сборников гостей и участников «Окраины», размещённых в мемориальном уголке библиотеки.

Понимание того что для творческого человека важно быть востребованным, приводит к обращению членов клуба со своим творчеством не только к жителям окрестностей – школьникам, студентам, взрослой аудитории Первомайского района, но и к обитателям других районов города, читателям ростовских библиотек, к посетителям художественных выставок, презентаций книг ростовских краеведов. В Пушкинский день (чтобы «заставить биться в унисон свои и пушкинские строки») представители «Окраины» отправляются выступать в Аксайский музейный комплекс "Почтовая станция", на Праздник поэзии "Пушкин и древности" – в археологический музей-заповедник «Танаис». Они выезжают в Азов: в детскую библиотеку имени Чехова, на открытие выставки "Мой Пушкин" в выставочном зале "Меценат" Азовского музея-заповедника. В День памяти В.С. Высоцкого выступают у памятника барду, дают праздничные концерты пенсионерам и ветеранам в День Победы. С энтузиазмом выступают в городских мероприятиях в парках Ростова-на-Дону, в концертных программах на площадке Донской государственной публичной библиотеки, проводят творческие встречи с ростовчанами, участвуют в творческих вечерах и поэтических состязаниях, которые проходят в библиотеках города.

Особенный настрой творческим встречам придают мелодии гитары Сергея Рухленко и Михаила Кострикина.

Слаженность дуэтов Натальи Абрамовой и Сергея Халаимова, Натальи Смирновой и Людмилы Доценко, патриотическая лирика Нины Выстропец и Татьяны Мащенко (Рябинкиной), автобиографичность поэзии и прозы Антонины Рыбалкиной, обращение к энергиям стихий, красоте природы Ларисы Фоминой (Махмудовой),создают неповторимую атмосферу творческого вдохновения. А донской колорит в выступлениях Валентины Штефановой, философские нотки дуэта Людмилы Громоглазовой и Екатерины Мантуленко, интерес к судьбам классиков отечественной и мировой литературы Татьяны Заикиной (Боженковой),тонкий юмор Владимира Шевченко (Моржа), Галины Клиточенко-Павловской и Бориса Харламова с ярко выраженным авторским подтекстом привносят дополнительные оттенки в цветовую палитру «окраинских» дарований.

Хороший опыт накоплен у «Окраины» и в плане творческих взаимодействий. Тесные связи с Ростовским региональным отделением Союза писателей России, Вседонским литературным сообществом при РРО СПР, Союзом российских писателей, литобъединениями города и области – «Созвучие» имени Николая Скрёбова ДГПБ, «Дон» библиотеки имени Н.М. Карамзина, «Ростсельмаш» библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. С гордостью можем отметить, что члены клуба Роза Агоева, Михаил Кострикин и Владимир Шевченко (Морж) являются членами Союза писателей России.

И, думаю, члены литературно-музыкального клуба «Окраина» достойны восхищения не только по факту мобильности, с которой они несут своё поэтическое слово людям. Примечательна готовность, с которой они откликаются на приглашения рассказать о своей неповторимой творческой биографии, в основе которой лежит биография житейская. Никогда не подумаешь (ведь каждый член клуба в своём творческом багаже имеет стихи, музыку, прозу о Ростове и Донском крае), что не все «окраинцы» родом из Ростова и Ростовской области. И это лишь оттеняет универсальный характер россиян, которые везде свои, легко ассимилируют местные культуры и привносят нечто новое. Особенно ярко это проявляется в ситуации диалога (Цикл встреч – «Шесть вопросов», инициированных БИЦ имени Н.Г. Чернышевского), да впрочем, и в любом случае живого общения.

Добрых творческих свершений, «ОКРАИНА»! И пусть библиотечное пространство всегда будет местом вдохновения и творческого поиска!

РОДНЫЕ ГОЛОСА ИЗДАЛЕКА

Ирина Бжиская

Ростов-на-Дону

СВЕЖИЕ ПЕРЕКЛИЧКИ

Ирина Снегова

* * *

По январю, по январю,
По сыпкому снежку,
По сахарному творожку –
Иду и говорю:

«Благодарю, благодарю
За этот встречный свет,
За хруст, как зуб по сухарю,
Когда вам десять лет…»

Я говорю: «Мой белый день,
Вовек благодарю
За красный луч по снегирю,
За синий, в шапке, пень…»

Я говорю: «Подольше б нам –
Сквозь полный календарь –
По январям, по январям –
Из января в январь!..

Ирина Бжиская

* * *

По январю, по январю,
Дорожкой меж снегов,
Как будто между берегов,
Иду, тебе дарю
Тепло любви, моей любви,
Тепло моей души.
А встречи дивно хороши,
Мой милый визави.
Благодарю за эти дни,
Что ты мне подарил…
И повторялись январи.
И помнятся они.

Валерий Брюсов

ФЕВРАЛЬ

Свежей и светлой прохладой
Веет в лицо мне февраль.
Новых желаний — не надо,
Прошлого счастья — не жаль.
Нежно-жемчужные дали
Чуть орумянил закат.
Как в саркофаге, печали
В сладком бесстрастии спят.
Нет, не укор, не предвестье —
Эти святые часы!
Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.
Миг между светом и тенью!
День меж зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной.

Ирина Бжиская

* * *

Месяц февраль… Так изменчив -
То вдруг морозно суров,
Снежную шаль мне на плечи
Щедро набросить готов.
То вдруг избыточно нежен,
Напоминает весну -
Солнечен, тих, безмятежен…
В нежности этой тону...
Крыши в оборках сосулек –
Песню заводит капель.
Из облаков-завитулек
Движется в такт карусель…
Месяц февраль… Целый ворох
Дел переделает он.
Движется время, и скоро
Новый наступит сезон.

Владимир Орлов

МАРТ

То мороз, то лужи голубые,
То метель, то солнечные дни.
На пригорках пятна снеговые
Прячутся от солнышка в тени.
Над землёй – гусиная цепочка,
На земле — проснулся ручеёк,
И зиме показывает почка
Озорной, зелёный язычок.

Ирина Бжиская

* * *

Дурачится несносный месяц Март –
То улыбнётся, то в хандру впадает,
Погодою бессовестно играет
И до конца не открывает карт.

Ветра в помощники зовёт… Они
Ворчат – игра им явно надоела:
Что тучи без толку гонять, без дела!
Всем надоели пасмурные дни.

Пора, давно пора рассеять мглу
и в облака легко развеять тучи…
Неужто совесть Март совсем не мучит,
Что не даёт свободу он теплу?

Свободу солнцу! Землю обогреть
Оно стремится в редкие визиты.
Март скупо выдаёт ему лимиты.
Ах, не желает месяц Март мудреть!..

Ольга Борисова

Самара

ДНИ И НОЧИ

КУРС

Опять метель шумит с утра.
Простужен город.
Зима вернулась снова к нам,
вернулся холод.
Апреля время на часах, его паренье,
Но сбился курс, и нет весны…
и вдохновенья.

Гуляет ветер по весне, на сердце стужа.
Свобода – тьме, раздолье злу.
Метели кружат.
И время отдавать долги больной планете,
Не всуе жить, идти вперёд,
идти за светом.

А нить свою веретено прядёт проворно,
Ещё по-прежнему грешим,
живём притворно.
Успеем ли в последний миг
увидеть небо,
Иль, как другие, мы уйдём
не в жизнь, а в небыль…

Шумит упрямая метель, окутав город.
Зима гуляет по земле, на сердце холод.
Апреля время на часах, его паренье,
Но сбился курс, и мира нет…
и вдохновенья.

КЛАДЕНЕЦ

Что-то случилось с людьми и мирами,
Прошлое выдули злые ветра.
Грозные тучи клубятся над нами,
В небо вздымается пламя костра.

Кто-то желает погибель планете,
Чтоб не погас смертоносный огонь.
Ложь заплела хитроумные сети,
Скачет полями караковый* конь.

Гулко звенят золотые монеты,
Сыплются в брюхо злосчастной войны.
В небе крылатые свищут ракеты,
В рост поднимаются наши сыны.

Знаешь, братишка, знать, доля такая,
Снова вступаем в решительный бой.
Меч-кладенец над простором сверкая,
Войско святое ведёт за собой.

** Караковый – угольного цвета. Имеется ввиду-смерть.*

РАССВЕТ

Я в рассвет убегаю,
чтоб встретить его на опушке,
И приветствовать первой
всходящие в небо лучи.
На свиданье бегу, чтоб услышать
ворчанье кукушки,
Это мерное «ку»,
что под утро так мирно звучит.

Окунусь я в рассвет,
искупаюсь в малиновом свете
И умоюсь росой,
что блестит на заре, как агат.
Снова вспомню с теплом
о беспечном и радостном лете,
Когда день и цветами,
и солнцем особо богат.

Я встречаю рассвет, он восходит
в незыблемой славе,
Разлился перезвон с колоколен
окрестных церквей.
Божий день наступил.
И щебечут пичуги в дубраве,
И во славу живому
распелся в лесу соловей.

ДЕВОЧКА И ГОЛУБИ

Крошево снежное сыплется с неба,
Словно послание дальних миров.
Голуби просят не снега, а хлеба,
В стайки слетаясь с окрестных дворов.

Крошево хлебное брошено птицам,
Кормит их девочка в белом пальто.
Голуби, девочка – стёрта граница, –
Плечики тонкие в снежном манто.

Птицы, насытившись, бродят вальяжно,
Шумно взлетают, расправив крыла.
Мирно парят над страною этажной, –
Вестники света не ведают зла.

Крошево снежное сыплется с неба,
Словно послание дальних миров.
Девочка, голуби, корочка хлеба,
Крошками счастья усеян покров.

ПОЭТИЧЕСКОЕ

Годы сшиваются новыми днями,
Как лоскуты у портного в руках.
Дни словно птицы порхают над нами,
Путь обозначив стежками в строках.

Строки плетутся рифмованной нитью,
Вяжут поэты из них полотно.
Что-то из жизни, а что по наитью –
В мире сюжетов извечных полно.

Зимы, и вёсны, и звёзды на небе,
Алый восход и лиловый закат.
Ночи безлунные, всякая небыль,
Грома трескучего грозный раскат.

Что-то рисуют поэты упорно
На белоснежном и чистом холсте.
Мыслей сплетенье рождает, бесспорно,
Свет на нетканом бумажном листе.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Я люблю, когда сыплется снег,
Когда ночь накрывает просторы,
Зарождение дня и разбег –
Когда с окон отброшены шторы.

Я люблю суетливость дворов,
Многоцветие улиц широких,

Деревенский покой вечеров,
У избушек – старух одиноких.

И затеять люблю разговор,
На скамье примостившись в рядочек.
И мне нравится бабий задор,
Когда песни поют про «платочек».

Я люблю каждый прожитый день
И черничные гулкие ночи,
Безымянность глухих деревень,
Где петух на заборе пророчит.

НОЧЬ

Ночь на цыпочках крадётся
по дворам пустым и сонным.
Свет луны на крыши льётся
и скользит по окнам тёмным,
Серебрится на листочках
жёлто-рыжих, ярко-красных,-
Опишу мгновенье в строчках,
напишу, как ночь прекрасна!

Мы идём пустой аллей
по листве, опавшей с веток,
И молчим, в душе жалея,
об ушедшем знойном лете.
И о днях беспечно-длинных,
о малиновых закатах,
И о песнях соловьиных
в шумных лиственных палатах...

Как пугливая монашка,
тихо ночь бредёт простором.
Вяза рыжая рубашка
на земле лежит узором.
Грусть и тихость, и безлюдье –
счастья миг неуловимый.
Мы стоим на перепутье,
чтобы в день уйти незримый.

ЦИКЛОН

Пришёл обещанный циклон,
принёс дожди и ветер.
Ворвался в лето напролом,
теперь за всё в ответе:
За шумность крыш и створок вздох,
и серых туч крылатость,
За то что двор застал врасплох,
за улицы помятость.
За то что запер всех в домах
и буйствует на воле,
Что поглотила город тьма,
как шхуну на приколе.
За сырость, что развёл вокруг
и нудную плаксивость,
Что он сильнее всех наук –
и презирает лживость.

* * *

Смотрит небо исподлобья
на притихший двор.
То ли дождь, иль снега хлопья
затевают спор.
Тонет город в дымке серой,
опечален день.
Мне сбежать в весну хотелось,
где цветёт сирень.

Где не бродят стаей тучи
и лазурна даль,
И не сыплет снег колючий,
принося печаль.
Она грустью точит души
и тревожит нас,
Как змея, петлёю душит
многих в этот час.

Капли первые упали, закружился снег.
Под зонтом, что цвета стали,
ускоряю бег.
С улиц хмурых – в дом уютный
и в его покой,
Где по стеклам бесприютный
водит дождь рукой.

Наталья Филатова
Москва

ВАСИЛЬЕВСКАЯ 13

После моей неудачной попытки стать фабричной девчонкой и получить профессию крутильщицы-мотальщицы на Камвольном комбинате имени М.И. Калинина, меня пристроили, как тогда говорили «по блату», по-родственному в фотолабораторию при «Бюро Пропаганды Советского киноискусства». Через неделю после того, как мне исполнилось шестнадцать лет, я вышла на работу. Дорога от Варшавского шоссе, где мы жили тогда, занимала больше часа. Теперь я каждое утро еду до станции Белорусская-кольцевая. Если выйти из метро мы попадаем под козырёк с колоннами. Из выхода я попадаю на перекрёсток 2-ой Брестской улицы и улицы Грузинский Вал. Слева у метро газетный киоск, где я покупаю газеты для сотрудников и обязательно журнал «Крокодил» на украинском языке. Раньше газетный киоск стоял у каждого метро. Справа вдоль стены три телефонные будки.

На углу Васильевской улицы стоит старый одноэтажный дом. Сразу после него Дом кино, в подвале которого я работаю. Мрачноватое трёхэтажное здание. У парадного подъезда две ступеньки и застеклённые боковушки двери. Сюда входят зрители, а наш вход дальше. Здесь так же две грязно-красного цвета ступеньки, где за застеклённым тамбуром начинается новый для меня, интересный мир.

Поднимаемся на пять ступенек, покрытых ковровой дорожкой и перед нами маленькая раздевалка приблизительно на пятьдесят человек. Мы раздеваемся в подвале. Справа на стене два рекламных плаката фильмов: «Альба Регия» и «Летят журавли». В очередной раз любуюсь Татьяной Самойловой и сворачиваю налево – в маленьком тамбуре два кабинета: побольше – секретарей переводчиков, маленький – зам. директора Кирилла Константиновича Огнева. Через тамбур выхожу на внутреннюю лестницу и спускаюсь в подвал…

Поначалу меня хотели сделать ретушером. Больше недели я не выдержала. Выдали тоненькую кисточку и стеклышко с намазанным на него анилиновым красителем. Мне показалось очень скучным занятием целый день закрашивать точечки и царапинки. Сестра уже работала в бригаде и меня взяли на фиксаж. Работали на фиксаже без перчаток, так что «цыпки» на пальцах были обычным делом. Наш бригадир проявлял часто без перчаток и поэтому, ногти у него были желтые, а я, когда первый раз увидела его руки, думала, что это от курева. От рук исходил специфический запах и не смывался.

В те года начальство назначали свыше, и совсем не обязательно, что в этом деле человек не разбирается. У нас был Михаил Иванович, которому утром на подпись носили пробный отпечаток (24 на 30 сантиметров) с пятью портретами артистов. Первым ходил сам бригадир, и начальник браковал фото, поясняя, что здесь надо прикрыть, а там высветлить участок снимка. Печатали с плоского негатива – 24 на 30 – контактным способом. Второй раз посылали мою сестру: она как автомат штамповала эти фотографии. Начальник опять говорил, что уже в другом месте надо высветлить. Тогда посылали меня с первой, слегка намоченной пробой. На меня он хорошо реагировал и всегда мне улыбался. Наконец подписывал пробу к печати, и мы начинали работу. Поначалу печатали иностранных артистов: Поля Робсона, Николь Курсель, Клавдюшу Кардинале, как говорил наш бригадир, и других. Если бы я тогда не слопухнула, то сейчас бы имела полный набор всех артистов: их фотографии можно было купить в каждом газетном киоске за 10 или 15 копеек.

Наша бригада состоит из пяти человек: два на проявке, два на фиксаже, и моя сестра Юля, которая экспонирует на станке отпечатки. Наш бригадир – молодой парень недавно отслуживший в армии. У него веснушки и кудрявые волосы. Его любимая поговорка: «Слушай меня дальше». Один «петушок» на весь курятник. На проявке работала симпатичная женщина Галина, с милыми ямочками на пухлых

щёчках. Ей было около сорока лет, и мне казалось, что она уже старая. Моей напарницей по фиксажу была Нина, на два года старше меня. За смену мы должны были сделать не менее двух тысяч листов, тогда получали хорошую зарплату.

Моя первая зарплата составила девятьсот шестьдесят рублей. Были ещё старые сотки, так что рулон денег нельзя было спрятать ни в бюстгальтер, ни в чулок, а из сумки могли вытащить. Тогда я решила потратить их все. В день получки нас отпустили пораньше, и я вышла на улицу Горького. Первым делом купила себе будильник, чтобы не просыпать на работу. Потом я этот будильник вечером заводила, клала в ведро, а ведро ставила на шкаф. Соседям эта музыка не нравилась, шкаф резонировал, и было слышно на всю квартиру. Постепенно я научилась вставать по своим биологическим часам.

Вторым делом – китайский красивый заварочный чайник. Он до сих пор хранится в чемодане на чердаке деревенского дома. У него отбился носик, но мой отец выточил ему нос из липы. На углу Пушкинской площади в магазине «Наташа» купила три платья: маме, сестре и себе. Теперь там иностранный магазин «Бенетон». Бабушке Ане купила сумку, тетушке Наде фильдеперсовые чулки с модным рисунком на пятке (в руки давали только по две пары). Загрузила всё в авоську и сумку, и уже в булочной нашего дома купила маме два килограмма халвы. Продавщица посоветовала на оставшиеся деньги взять свежих бубликов к чаю. Нанизала их на верёвочку, и смеясь повесила мне на шею. Всунула мне в карман сдачу пятнадцать копеек. Вот такая я пришла, и меня все ждали с первой получкой. Мама спросила: «Деньги остались?» И я ей вручила пятнадцать копеек...

Однажды, запоздавший на работу, ретушёр попал под сильнейший ливень, пока шел от метро промок до трусов, зонтик забыл взять, хотя жена пыталась его всучить. И вот теперь сидит в сушильном шкафу на стульчике, в трусах и в майке, беретка на голове: видно сушит её в таком положении. Прикрывается газетой, вроде читает. От мокрых туфель тянется лужа. Костюм болтается в потоке воздуха позади него. Кто идёт в туалет старается не смотреть в его сторону: не смущать, но туалет один на весь подвал лаборатории… Вскоре эта самая сушилка сломалась. Начальство решило: чтобы не останавливать производство – сушить артистов на чердаке. Сказано – сделано. Натянули веревочки, и две молодые сотрудницы – Роза и Света – развешивают отпечатки. На второй день они пришли в купальниках и даже пытались загорать на крыше. Меня определили носить промытые мокрые отпечатки на чердак. Мокрые, они очень тяжелые, больше трёхсот штук не унести за раз. На третий день, после обеда, починили «сушилку», и я вздохнула с облегчением…

Нашим комсомольским вожаком тогда был Армен Аркадиевич Медведев, а для нас просто Алик! Три-четыре раза в год он проводил с нами комсомольские собрания. Высокий, красивый, обаятельный, с искромётным юмором, заражал нас своим темпераментом. Девчонки постарше меня – все были в него влюблены. Перед кинозалом был большой холл: в левом углу стоял рояль, а ближе к окнам громадный овальный стол за которым мы заседали. Собрание проходило по-деловому, минут за тридцать, а потом мы слушали передачу «Армянское радио». Наш хохот доносился до кабинета Огнева. Он потом спрашивал Армена: «Почему у тебя на собрании так весело?» И он отвечал: «Потому что я сам весёлый». В нашей ячейке справили две комсомольские свадьбы. Конечно, Алик был тамадой, все было торжественно и запомнилось навсегда. Не без его участия нам удалось посмотреть все фильмы «Великого Немого». Он где-то разыскал для этих показов настоящих таперов. Фильм Феллини «Сладкая жизнь» мне удалось посмотреть из кинобудки киномеханика. В зал не пускали: мне ещё не было восемнадцати лет.

Однажды, нам дали печатать портрет Н.С. Хрущева. Отпечатали первых две тысячи экземпляров. Плавают, моются. И надо же, какому-то бухгалтеру забрести в наш подвал. Увидел портрет и говорит: «Что это за точка у него на лице – это брак!?» Понесли Михаилу Ивановичу. Он с ужасом: «Как я это пропустил? Срочно убрать с негатива точку». Сказано, сделано. Отпечатали ещё две тысячи. Приехал разбираться фотограф Семён Михайлович Вескер, который готовил для печати этот негатив. В результате: всем цехом рисовали бородавку на лице Хрущёва. Хорошо ещё не начали соскребать с первых двух тысяч.

Где-то в середине апреля 1961 года пришла команда печатать Гагарина. Раньше работали и по субботам полный день. В субботу объявляют, что мы остаёмся на работе: есть срочное дело. Успели перекусить в столовой на Васильевской: закупили хлеба, колбасы и сыра. Печатали всю ночь, отдыхали по полчаса в 2-00 и в 6-00. К девяти часам закончили, сдали в промывку, и я потащилась, качаясь, к метро: впервые такая нагрузка для меня. У входа в метро прикатили торговать из маленькой бочки на колёсиках горячим вишнёвым напитком. Выпила кружечку с удовольствием, и в метро входила уже хмельная. Больше никогда я с такой бочкой не встречалась, а жаль: напиток был замечательный. От Добрынинской на троллейбусе ехала и сладко спала, но свою остановку не проехала. Этот понедельник стал выходным днём!..

Если шёл дождь, поднимались обедать в буфет. Если такой обед можно было назвать перекусом. Стою в очереди, считаю деньги – на что мне хватит здесь поесть. За первым столиком у окна сидит артист Борис Федорович Андреев: это его любимое место. В этот день было много народу в буфете, шел дождь. Получив две сосиски и бутерброд, выглядываю место. Всё занято, только Андреев сидит один, и тут он жестами приглашает за свой стол. Этот человек всегда был мне симпатичен – и в фильмах, и в нечаянных встречах. Благодарю и ставлю свою тарелку на стол, возвращаюсь за чаем к буфетчице. Андреев басит: «Валентина, девчонке дай шоколадку за мой счёт». Я отнекиваюсь. Андреев: «Не Обижай, я От души». Окает он. Сажусь за стол и по запаху понимаю, что он пьёт не чай из стакана с подстаканником. Ну что ж, им, наверно, можно. Спрашивает: «В кино снимаешься?» «Нет, – говорю, – ваши фотографии печатаю». «Надо как-то посмотреть, что вы там печатаете?» – говорит. И зашёл. Как он попал в наш лабиринт? Бригадир на свету рассматривал отпечаток, и кричит моей сестре в раздаточное окно: «Юля, прижми Андрееву глаз, не резко идёт». В это время в это окошко всовывается другая голова и басит: «Это кто тут собирается Андрееву глаз прижать?» Все набежали, хохочут. А он уже тёпленький – потерялся, куда выходить не знает. Даже в таком состоянии он не раздражал. От него исходило тепло души и широта натуры…

Недавно в Бюро Пропаганды привезли фильм с Жаном Маре «Разбитые мечты». Володька-киномеханик всё время оказывал мне знаки внимания. Предложил для нашего цеха днем посмотреть этот фильм. В этот день нам задержали поставку фотобумаги. Бригадир дал «добро» – и все пошли смотреть, даже картонажники. Фильм понравился, но концовка грустная: я плакала.

Уже в июле Армен узнал, что к нам заедет Жан Маре. Меня посылают на Тишинский рынок за цветами, а денег дали мало, пожадничали. Удалось купить какие-то маленькие синие цветочки. Что-то искать уже поздно: скоро приедет. И тут исходит предложение от одной дамы из ретушёров. Она углядела в кабинете Огнева цветущие герани, белые и красные. Сам Армен стоял на «атасе» пока мы с Ниной срезали цветочки. В середине синие, потом кружок белых, потом красные обложили зелёными листами герани. Кто-то дал голубую ленточку. Так что букет теперь символично напоминал французский флаг. Наконец по цепочке передают от входа: «Идет!» Мы построились на внутренней лестнице.

Окружённый переводчицами и секретаршами, весь сияющий, красивый! Весь зацелованный: на пиджаке, на плече, на воротнике рубашки, на шее губная помада. Даже борт пиджака в красных отпечатках. Меня выталкивают вручать ему цветы. Все смотрят только на меня.

Я стою на одну ступеньку ниже него и что-то лепечу о его талантливой игре, протягиваю букет. Он склоняется надо мной, берёт мою косу в руку и целует в щёку. Произносит фразу: «Какая кукла!» (Quellepoupee!) В этот момент, из нависшего надо мной облака я почувствовала тонкий, незнакомый, очень волнующий аромат. Какая-то обжигающая волна прошла от моей левой щеки до пяток. Я вспыхнула румянцем и убежала в проявочную, чтобы никто не видел мои щеки: при красном свете их не так заметно. Вошедшая сестра объявила, что я теперь не должна умываться целую неделю. Я её спросила: «Почему?» «Потому что ты дурочка из тетеринского переулочка! – сказала сестра. – Ведь тебя поцеловал сам Жан Маре!» И все начали смеяться. Генеральный понял, откуда цветы, но ничего не сказал. Мог запросто уволить за самоуправство. Наверно, Алик заступился: Огнев его любил как сына. Так говорили старшие тетки из цеха.

Вспоминая те моменты, сейчас представляю, что вынес Жан Маре, попав в объятья наших дам! Наверное, вернувшись в гостиницу, первым делом кинулся в ванную комнату, скинув на пол всю одежду…

Прошло много лет, уже давно снесли деревянный дом на углу Васильевской и построили новое здание Дома кино. Причём, как-то очень удачно его срастили со старым. Через новый парадный вход попадаем в нижний холл. Налево раздевалка, направо галерея портретов артистов. Внизу туалет и буфет. Широкая лестница ведёт наверх, где перед панно раздваивается. Выше вход в зал. И вот тут в середине, за панно, есть тайный проход, довольно узкий. О нём знают только сотрудники. Из этого нового здания, не выходя на улицу, можно попасть в старый малый зал. Причём выход на лестницу у старой кинобудки. Всего три шага в сторону, и ты уже не здесь, а в прошлом! Ноль транспортировки и ты в старом доме кино! Там, кажется, все осталось как было в 1961 году. А что в подвале вместо лаборатории? Тайна!

Моя тётка в своё время вышла замуж за режиссёра-документалиста, и я периодически с ней хожу в Новый Дом кино по его билету на интересные просмотры. За прошедшие годы я уже поработала на Мосфильме и была знакома с некоторыми знаменитостями. На этот раз дают просмотр Тарковского «Жертвоприношение». Фильм закончился, объявили перерыв. Увидев Элема Климова, решилась поприветствовать его и поблагодарить за то что он для нас привёз этот фильм, не забыла передать привет от подруги фотографа, которая теперь проживает в Израиле. Пошла дальше, надеясь встретить ещё знакомых. Сидеть рядом с тёткой, которая разложив на салфетке пирожное будет «вкушать и наблюдать», не хотелось.

После звонка возвращаюсь по проходу возле первых рядов. Впереди меня идёт Тихонов, а впереди него какая-то очень знаменитая режиссёрша, маленькая старушка с седой аккуратной причёской. Вдруг её качнуло на ряды. Я уже поравнялась с Тихоновым. Он кинулся её поддержать и наступил краем ботинка мне на мизинец ноги. Боль, не высказать какая, а вопить нельзя. Слёзы брызнули на водолазку и я сквозь сомкнутые зубы шепчу: «О-о-о, восемнадцатое мгновение со Штирлицем!» Он усадил режиссёра, и обращается ко мне с извинениями. Я киваю головой и шепчу: «Ничего, это было так приятно!» Хромая, тащусь к тётке. Она заметила суету, вытягивает шею со своего пятого ряда. Когда я подошла она спросила: «Ты уже кадришь Тихонова?» Всё второе отделение я нянчила больную ногу. Долго ещё хромала потом. Когда мероприятие закончилось, долго спускались по лестнице к раздевалке. Впереди, на двух костылях, шёл Арсений Тарковский. За ним шли здоровые молодые парни. Мне хотелось, чтобы они взяли его на руки и донесли до раздевалки. Он казался таким беззащитным и маленьким, но великим!

Прошло ещё несколько лет, мы закончили с командировками в Африку. Сыновья женились в один год. Дочка уехала с мужем работать в другую страну. Подросла у младшего сына дочка Дарья. Красивая, с белыми кудряшками кукла! От Совета Ветеранов ВОВ нам перепал билет в Дом Кино на ёлку. Бабушка с внучкой отправились на праздник на Васильевскую, 13. Этот праздник организовал для детей Армен Аркадиевич Медведев. На самом входе нас встречали клоуны и фокусник. По парадной лестнице поднялись наверх, где всем детям бесплатно раздавали мороженое. Даше нельзя: кашляет, но мы маме ничего не скажем. Праздник получился замечательный. В очередной раз раскрыли занавес, а там на половину сцены расставлены подарки для детей, и всё украшено разноцветными шариками. Выходит Армен, опираясь на палочку, и говорит: «Сейчас, как у нас тут всё взорвётся!» Зал притих и испугался. Он ударил палкой в пол и рассверкались шутихи, загремели хлопушки. У детей светятся глаза, все встали. Лезут в проходы. «А теперь, – говорит Армен, – разрешаю здесь всё крушить, разбирайте подарки!» Дети наперегонки кинулись на сцену, а Дарья заробела, не пошла. В холле я купила ей понравившегося мехового белого котёнка с голубыми глазами. Надо же оставить память об этом дне...

Прошло ещё два года, снова Совет Ветеранов дарит нам билет на елку на Васильевскую, 13, но уже в старый дом. На этот раз праздник посвящён детским фильмам. До начала показа увидела в зале Армена и решилась подойти. Думаю: узнает или нет? Подошли с Дашей. Киношники что-то снимают, мы в кадре. Говорю Армену: «Вспоминай, пожалуйста. Ты когда-то был Аликом, нашим комсомольским вожаком». Называю несколько имён и фамилий из того времени. Смотрю, у него лихорадочно вертится в голове калейдоскоп прошлых лет. Остановился. Тыкает в меня пальцем: «Наташка?» Отвечаю: «Она самая». А он с грустью говорит:

– Я уже думал никого из того времени не осталось. – И тут целует мне руку.

– Осталась и не только я. И мы наблюдаем за твоим продвижением по службе! До самой смерти не забуду твои комсомольские собрания». Моей внучке так понравилось на твоей прошлой Ёлке, что она мне несколько раз напоминала: «Пойдём к тому дядьке с палкой, у него так весело было!» Вот мы и пришли на твой праздник!..

Потом только перезванивались. Болел муж, уходили близкие, родные. Какое-то время не звонила. Потом этот Ковид, все болели. В начале декабря крутится одна и та же мысль: «Позвонить! Позвонить!» Не нашла его телефон, просила сына найти. Нашёл. 13 декабря Армена не стало. Звонила сослуживцам из того времени на три телефона. Не откликнулся никто. Вот и ещё один круг распался. Больно. Так что скажу всем: «Если приходит мысль позвонить, не откладывайте ни на час. Видно, там вас ищут и ждут на том конце провода…

Алла Кобаидзе, член СПР
Хоста

МОРЕ ЛЮБВИ

* * *

Когда немножечко взгрустнётся,
Возьми с собою в путь стихи!
И может быть, зажжётся солнце
В душе без пут и шелухи.

Ты загоришься в отраженье,
И станет интересней жить,
И сможешь чьё-то откровенье
Для сердца своего открыть!

ВЕТКА ВЕРБЫ

Ты ветку вербы мне принёс сегодня –
Предвестницу, пушиночку весны,
Тепло и холод голубого полдня,
Чтоб снились мне в цветах душистых сны.

И запах леса воцарился в доме,
И дымка гор, и лёгкость облаков.
А сердце вдруг растаяло в истоме,
Лишившись зимних сумрачных оков.

И мне увиделось, подумалось в тот миг:
Как мало нужно для тепла двоих.

ОЩУЩЕНЬЕ ПОЛЕТА

«Но твоя золотая улыбка,
Но упрямая воля твоя
В этом мире печальном и зыбком
И хранит, и спасает меня».
Галина Теплова

Ощущение крыльев в полёте
За моей проявилось спиной.
В капле нежности, в малой заботе
Что же это? Что это со мной?
Может, сон мой прикинулся явью?
Только вдруг ощутила тепло.
Горизонт засиял где-то с краю.
В этом зареве стало светло.

Огонёк моей юности дальней
Замаячил в азарте игры.
Лишь бы отсвет не обезглавил,
Не унёс бы в иные миры.
Не угасло б мелькнувшее Чудо.
Что на свете любовью зовут.
Пусть летят её птицы повсюду,
Облаками по небу плывут!

Наплывают они. И подспудно
Ощущаешь и силу, и стать.
Оживаешь. Уносятся будни...
Необъятное можешь объять!

ДАРЫ

Две звезды, две руки, два весла –
В дали дальние мы уплываем.
Сколько нежности, сколько тепла
Дарит солнце, сквозь лист пробиваясь.
Сотни лучиков через окно
В души наши с тобой заглянули.
Мой любимый, желанный, родной,
Лишь тобой и дышу, и живу я!

Руки стали родными твои.
Это счастье, когда их целую...
Море плещется тихо вдали,
А мне кажется, будто плыву я
В море счастья и в море любви,
И купается небо в лазури.
Видишь, наши с тобой корабли
У причалов стоят в карауле?

Две звезды. Две руки. Два весла.
В дали дальние мы уплываем...
Сколько нежности, сколько тепла
Солнце дарит нам, не уставая!

ЗВЁЗДНАЯ КУПЕЛЬ

Звёзд открытых звонкая купель.
Небеса наполнены любовью.
Не они ль качают колыбель,
Радуясь и наслаждаясь новью?

Где-то далеко поёт свирель.
Лунный свет – он сущим всем дарован.
На холсте ликует акварель,
Вопреки всем бедам и злословьям.

Эта полночь манит за собой,
За красой и за мечтой крылатой.
И пускай звучит она набатом,
А быть может искренней мольбой,
Пусть живёт и будет негасимой,
Как Любовь, как Веры нашей Символ.

КУЗНЕЦУ

Наковальня твоя. Ты куёшь моё счастье,
Отсекая его от беды, от ненастья.
Раскалённый металл
пышет жаром на плахе.
Клещи держат его в краснощёкой рубахе.
Молоток да кувалда впиваются в тело.
А рассудок хрипит в этот раз оголтело:
«Ну зачем для меня
эта твердь наковальни?
Я же мать,
я дитя твоих снов изначальных!»

Печь плавильная, горн,
что скажу в оправданье?
Мне в руках кузнеца
не хватает дыханья.
Я кричу: «Отпусти,
сердце жмётся поспешно,
Приручать не спеши
на планете безгрешной!»
Слышишь, сердце стучит,
бьётся, мечется втайне.
Ты ведь знаешь –
слова мои исповедальны.

ЛЕТИ

Ты – вольная птица.
Я дверцы открыла.
Лети! Возвращайся! И снова лети!
Я к этому шла, и любви моей крылья
Готовы три ноши печали нести.
И падать, вставая,
и гнаться за счастьем.
На запад, на север, на юг, на восток.
В порыве душевном
до звёзд докричаться,
Чтоб с губ твоих воздуха
выпить глоток.
И снова с восторгом
парить во вселенной,
И вновь с перепёлками таять во ржи,
Чтоб пить – не испить
от любви исцеленья,
Спасая себя от неверья и лжи.
Я к этому шла. И любви моей крылья
Готовы три ноши печали нести...
Ты – вольная птица.
Я дверцы открыла!
Лети! Возвращайся! И снова лети!..

Елизавета Олейникова
Санкт-Петербург

О КИСЛОВОДСК!

ПОСВЯЩЕНИЕ

На северных склонах седого Кавказа
есть город, в который
был каждый влюблен.
Он словно «парит»,
поглотив два столетья.
Тот город – не призрак, и даже – не сон...

Не краше его ни Европа, ни Альпы...
Здесь всё для души, и для тела всё есть!
Журчат здесь потоки Нарзана с Эльбруса...
Здоровья кавказского не перечесть...

Сам город, как сказка! Не сакли, аулы...
встречают вас башни и даже – дворцы,
прекрасные шпили и галереи...
Здесь что? Петербург?
Нет, здесь люди – творцы!

Таксисты, художники, даже поэты, –
все люди, живущие в городе этом,
добры и участливы к вашей судьбе.
И жизнь в нем прекрасна.
Приезд – не напрасен...
Тот город – в России!
Нет лучше нигде!

Его посещали, лечились, любили
великие люди (иль – сосланы были).
Но всех обаял, покорил сей Кавказ...
(А перечень их слишком значим для нас)...
То – Лермонтов, Пушкин,
Прокофьев, Толстой...
Здесь жил Солженицын –
совсем молодой;
творил здесь и Чехов,
Шаляпин блистал!
(Музей там прекрасный,
чей дом он снимал)...

След каждого гения здесь – на века
останется в памяти всех поколений...
Судьба их и жизнь
всем нам столь дорога,
как солнца лучи
нужны в жизни растений.
28.12.22.

СОЗДАНИЕ ГРАВИТАЦИОННЫХ ИНСТАЛЛЯЦИЙ

Сказано сложно и не романтично...
А здесь есть и сказка и даже – полет.
Хоть труд рукотворен, но так поэтичен!
Волшебник стоит и «дольмен» создает...
Он камни сбирает, к вершине несёт,
камешек с камнем мыслью скрепляет;
на малый, порою, глыбу кладет,
снова несет и опять поднимает.

Здесь физики нету
(та «бродит по свету»);
Тут космос решает, к чему он придет...
Баланс у камней закреплен не желаньем,
а силою воли того, кто идет:

К вершине творений, с усердием, силой,
духом ваятеля... Это – полет:
мысли, фантазии, даже упорства,
просто – мечты... – всё, что движет вперёд...

КИСЛОВОДСКАЯ ОДА ДОЧЕРИ

В Кисловодске снята «вилла».
Но сказали мне: «Держись!
У тебя должна быть сила,
подниматься не ленись».
В первый день меня «схватили»,
потащили на подъём,

в парки, в горы, по каскадам...
Вспомнить есть теперь о чем...
Дальше – мчались по врачам:
трепетало сердце мам...

А потом из всех маршрутов
подавали мне такси,
ручки, шейку утеплили...
Успевай лишь петь: «Мерси».

А к столу – шашлык, форели
(из печи все подоспели),
сок гранатовый, бальзамы
для любимой леди – мамы.

Нужно маме показать
все курорты на Кавказе,
виллы с водами и грязи...
Дочь снимает вновь жилье
(хоть на сутки, но свое)...
Для удобства обозренья...
Ода ей за все волненья!

ЖЕНЩИНЕ

Где женщина, там и цветы,
любовь, тепло, уют, забота...
Хоть вся в труде, но – молода.
И по плечу ей вся работа...
Она улыбкой одарит,
заботу снимет с плеч усталых;
она накормит, напоит
и вырастит ребяток малых...
Она – сотрудник и жена.
Она – и мать, и член профкома
(или – бюро, иль – секретарь),
она и здесь, она и дома...

Так пожелаем ей удачи
на многоплановом пути!
Всегда гореть, дерзать, стремиться...
В науке лишь вперед идти!
И все же – оставаться «Ею» –
любимой, женщиной, женой...
Таинственной и самобытной!
Всегда с душою молодой!...

ШУТЛИВОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЖЕНЩИН К 8 МАРТА

То было раннею весной,
Когда не пробудился лес,
А небосвод стал выше, чище…
И солнца луч светил с небес…

Или вот так начну, пожалуй:
Уж голубеет небосвод,
Стволы темнеют в рощах,
Весна идет, ломает лед…
Лес задышал, душа – поет!

Хоть я – непризнанный поэт,
(при этом ставим много точек) …
Но я хочу поздравить всех –
Вас женщин – милых мам и дочек,
Пусть вам сопутствует успех!

ПОЧТА «ЛК»

Елизавета Олейникова

Глубокоуважаемый Станислав Яковлевич! С удовольствием поучаствую в Ваших следующих номерах (№ 83 и № 84), в первом – со стихами, посвященными женщинам и Кисловодску; в последующем – «ковидным» временам.

Внимательно прочитав Альманах № 82, я почти во всех стихах (за редким исключением) увидела всё, чему они должны соответствовать. Например, четверостишия Вячеслава Кожевникова – кладезь мудрости! Да еще в стихотворной форме… Настоящий современный русский Омар Хайям!

В Альманахе много и других достойных внимания и положительной оценки стихов, но я не берусь за анализ творчества всех авторов сборника.

Мне очень бы хотелось исполнить Ваше пожелание – поучаствовать в приобретении сборника стихов Юрия Коленко, но я как пенсионер, к сожалению, не часто участвую в благотворительности. А книги приобретаю только полезные или необходимые для меня, а также – очень достойные и близкие по духу. К сожалению, в предлагаемых стихах я не уловила ни рифмы, ни ритма, ни содержания

Желаю Вам творческих успехов, процветания Вашему альманаху и доброго здоровья!

Ирина Снегова
1922 - 1975

ПИСЬМО НА КОЛЫМУ

Здравствуйте, Станислав!

Далеко Вы, однако, забрались. Вот не думала. Считала – проездом, оттого не отвечала. Ваша милая (по разговору) приятельница немного рассказала мне о городе, о Вас. Довольны жизнью? И слава богу! Завидую перелётности. Копите впрок. Но знаете, один американский прозаик утверждает, что писатель должен быть тих и зауряден в жизни и неистов в творчестве. Не наоборот. Это, думаю, близко к правде. Чтобы сила не ушла в биографию. Ну, да это к слову, ведь писание требует не только впечатлений, но ещё более – сосредоточенности. Бывает, обходятся Ясной Поляной. Но это, что называется, индивидуально. Небось, навидались всего? Верно, готовите какую-нибудь капитальную прозу? Дай-то бог. Подборка, правда, средняя. Лучшее дерево – старое.

Но что это Ваша знакомая говорила – задумали на жур. факультет. Зря. Трата времени. Для творчества нужны только три вещи: карандаш, бумага и... способности.

В литинститут бы неплохо. Просто для среды и чтоб пробивать книгу. Это дьявольски трудно. Уж как я старалась с «Новым Миром», а видите, – ничего. Надо ходить автору, прорываться. В литинститут попасть крайне сложно. Я бы рада помочь, но увы, больно невлиятельна. С грустью прочла Ваш PS.

Книга моя вот-вот появится (задержала типография). Приеду из-под Риги, даст бог, получу.

Желаю Вам много удач.

И. Снегова

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ КНИГИ «АВГУСТ»

●

Тяжелая вещь
одержимость пространством,
Когда вас привяжет судьба, как дворнягу.
Закрою глаза – и кочую, и странствую,
Огни по становьям как звезды из мрака.
И – минимум скарба,
к чертям неподвижность,
И всё что прошло, не имеет значенья –
Успех, неудача, обида, обиженность...
И только дымки от кочевья к кочевью.
И пахнет земля, оживает история,
И хлам безусловно не властен над нами,
И желтое солнце встает незашторено
В пыли, поднимаемой ввысь табунами.
Простите мне, авторы умных учебников.
Я помню: оседлость основа прогресса,
Ремёсла, науки. Я славлю кочевников!
Молчанье верблюда, рычанье экспресса!..

●

Мастеровой не может не работать –
Он упускает тайну ремесла.
Он, как бедняк, пожизненную подать
Сверх силы платит ей. Нехваткой сна,
Усталостью, морщинами. И горе
Рискнувшему схитрить, проспать, надуть.
Потерян срок. И вроде тайной хвори
Оно приходит исподволь: чуть-чуть
Ленивей глаз, нерасторопней тело,
Тупее пальцы, в строчке больше слов...
Но, мастер, ты проигрываешь дело.
Ты будешь осужден. Начни с азов.
Поторопись. Бездельники налгали.
Что верящий в старание убог,

Чужд божества... Вздор! Боги обжигали
Горшки когда-то. Обожги, как бог!
Но поглотай и ты печную копоть,
Побей огню поклонов без числа...
Мастеровой не может не работать
Он упускает тайну ремесла.

СОТВОРЕНЬЕ МИРА

Не спите поздно. Подымайтесь сразу.
С трамваем первым.
С первой птичьей фразой.
Вставайте раньше. Пейте кофе крепкий.
Займитесь вместе с солнцем
кладкой, лепкой.
Формовкой, краской – сотвореньем мира.
Вставайте раньше. Душно или сыро,
Мороз иль жар – вставайте. Дела много!
Работайте. Восторженно и строго.
День напролет. Весь день. Он так не вечен.
Работайте. Друзьям оставьте вечер.
Оставьте вечер звездный и метельный
Чему хотите – скуке иль веселью...
Но если день был трудным, и сомненья
Швыряли вас, как мячик по арене,
И неудачи сыпались злорадно,
Мелькая, точно в киноленте кадры,
И вечер не приносит перемены,
Ложитесь спать. Пораньше непременно.
Ложитесь спать. Хотите книгу? Ладно.
Чужая жизнь? Ведь вот и в ней нескладно.
Ложитесь. Обойдется. В самом деле.
Я попрошу, чтоб рядом не шумели.
У двери постою. Вот здесь. За нею.
Ш-ш! Полно. Спите. Утро мудренее.
Вставайте раньше. Сразу подымайтесь,
За сотворенье мира принимайтесь!

ШКОЛЬНЫЕ МОИ ТОВАРИЩИ

Вы зарыты, смяты, скошены,
Не найти вас, мир обшаривши.
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.
Вы в лугах в соцветья вяжетесь,
В синь лесами рвётесь рослыми...
Вы мне маленькими кажетесь.
А тогда казались взрослыми.
Вас не давит время ношею,
Нас от утра к утру старящей.
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.
Снег лежал на лбах остуженных,
В пустоте разрывы ухали...
Сколько здесь их, ваших суженых,
Увядает вековухами!
И твердит, гордясь живучестью,
Хлыщ, не нюхавший Германии:
– Мало нас, одна соскучишься.
Ты цени мое внимание!.. –
Чья любовь, в несчастье брошена,
Вас звала сквозь стыд свой шпарящий,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи?..
Как принцесса в сказке маминой,
Дочь её идет за песнями.
Не обидь! Стеною каменной
За неё они – ровесники.
Как за нас в том адском крошеве,
Во всесветном том пожарище,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.

ПОЭТАМ-СВЕРСТНИКАМ

Нам говорят: в вас мало дерзости.
Нет хватки, чтоб не в бровь, а в глаз.
И с трудной посторонней трезвостью
О нас я думаю сейчас.

Да, мы взрослели очень медленно,
Нам даже опыт шел не впрок, –
Мы знали: кто-то злой и въедливый
В любой момент нас высечь мог.
Мы были тихими до святости
Детьми. Отважными детьми.
Мы век судили без предвзятости.
Судили? Мы?
Легли костьми
За всё, что славили без устали,
Но мертвым – рай. Затих набат...
Мы до сих пор спиною чувствуем
Тех смолкших лет совиный взгляд.
И если прибранное нищенство,
Неброскость мыслей, робость фраз,
Как затяжное ученичество,
Ещё порой тревожат нас.
Оттуда всё. И нету лихости
Судьбу за глотку взять рывком...
Но холод мертвенной безликости
В нас душ не вытравил. Ни в ком!

Умение родиться вовремя –
Талант, какому равных нет,

Прийти, чтоб люди были добрыми,
Чтоб жаждали: «Приди, поэт!»
Но высшим жребием отмечена
Судьба пришедших в год лихой,
Чтоб разделить с тобой, отечество,
Слезу, строку и смертный бой,

* * *

Меленький-меленький,
тёплый, тишайший,
Еле заметный дождик идёт.
Лето молчит, доцветает, ближайшей
Осени ждет.
Август, мой август, нет, я не горюю,
Слушая шёпот пустынного дня, –
Просто стою я, просто смотрю я.
Как на земле без меня.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

ВОТ-ВОТ

Обыкновенный
Тусклый зимний час,
Но скрытен он;
Из тусклости лучась,
Нисходит скрытно
Розовость в снега;
Минуя нас: едва...
Чуть-чуть... слегка...

Бессолнечный,
Не безнадёжный час;
В нём солнце есть,
Оно – вот-вот... сейчас.

ОТ МОЖАЙСКА

Идёт дорога от Можайска
По белизне, по тишине.
Шуршит асфальт: дыши, мужайся,
Хоть босиком – ступай по мне!

Заката розовая пряжа,
И сизый, смутный лес вдали...
И нет целительней пейзажа,
И нет мучительней земли.

НУЖНО ЗАВТРА…

Нужно завтра,
С раннего утра!
Крайний срок,
Последняя игра.
Дописать,
Начать,
Понять,
Простить.
Убедить!
Прощенья попросить...
Даже если знать,
Что долго жить,
Грех на послезавтра
Отложить!

ТРЕТЬЕ МАРТА

Третье марта. Слепит, припекая,
Холодит, и погода легка.
И зима, и дорога такая,
Будто всё это нам – на века.

НА ВЕРХУШКЕ

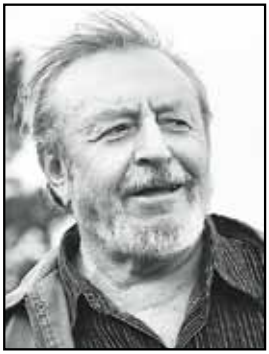
На верхушке, на последней ветке,
Птица голосит.
Дождь апрельский, реже редкой сетки,
Между нас висит.

Тускло, ненарядно, неприветно,
Будто – к ноябрю...
Эту птицу, этот дождь и ветку
Ах как я люблю!

* * *

Сначала дождь, потом крупа,
И – мокрый снег с дождём...
И в небе как судьбы труба...
А мы пешком идём...
Благодарю тебя, судьба,
За этот снег с дождём!

Станислав Подольский



МАРТ, АПРЕЛЬ...

ПЛАВКА ВЕСНЫ

I

Детский кошачий плач.
Женский кошачий вой.
Это пахнуло весной!
Это весна занялась!
Это весны ледяной
неодолимая власть!
Это запахло весной!
Это весна зачалась!

II

Выси – и стылая ясь!
Выси – и свет голубой!
Жизнь, ты опять началась –
только дохнуло весной!
Это стихий молодых
мир, и боренье, и связь –
ветра, огня и воды!
Это весна началась!

III

Девий серебряный смех –
и зацвела коновязь!
Сердце! Для бед и утех
снова весна родилась!
Это Вселенной самой
женская поступь и страсть!
Это в угрюмый покой
снова весна ворвалась!

IV

Тополи впились в простор.
Город прозяб – и в огне!
Мир корневищ и основ
ожил и бредит во мне!
Вечно-сырое, как сад,
мечется, кровоточа!
Это мне в сердце сплеча
март ледяной постучал.

V

Древний безудержный зов
в ржанье кобыл молодых.
Горный поток жеребцов –
рыжих, каурых, гнедых.
Ах, что за бег, что за мах!
Гул тридевятых земель.
Весь в лепестках и зрачках,
издали скачет апрель!

VI

Солнце – и мрак, и мятель.
Ясно – и снова хоть плачь.
Это пора новостей,
света и неудач.
Это к нам – вестник и сват
бедствий, работ и путей –
ветрен, несметно-крылат,
март, словно грач, прилетел!

Март 1980 г.

УТРО

Какая синь! Какое солнце!
Какая свежесть на дворе!
Какое щедрое устройство
души и жизни на Земле!

Пусть тени злобные блуждают,
пускай безумие теснит –
всё будет радостно, я знаю,
пока Поэзия искрит!

Пока пылания хватает
на творчество и на любовь,
я буду жить и петь, я знаю,
просторно, сильно, глубоко!

12.12.2014 г.

ИЗ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

СТРОФА

Всё ярче снег,
всё гуще облака.
Теперь земля
светлее неба!

Быть может,
поскрипит ещё пока
судьбы моей
разбитая телега...

23.11.2017 г.

КАПЕЛЬКА

Висит окно –
картинка осени:
орешни руки,
листьев свет...
А на щеке моей заросшей
сверкает звёздочкой
ответ.

24.12.2017 г.

ВЕЧЕР

До чего бездомный вид:
бездна снегом порошит,
как дырявая сума...
Зябнут люди и дома...
Вмиг смеркается вокруг –
замыкает время круг...
Из-под потемневших век
сыплет, сыплет чёрный снег.
И бежит моё перо –
там где утро намело –
по страничкам – в небеса –
огненная полоса...

28.03.2019 г.

ВПЕРВЫЕ...

После восьмидесяти
я позабыл наконец
всё что знал о поэзии
и остался наедине
с жизнью стремительной…

После восьмидесяти,
возможно,
я сотворю
настоящие стихи,
свободные от умения…

А просто встретилась
строчка из Кортасара
и вышибла искорку,
и стог мыслей моих
вспыхнул наконец
настоящим пожаром –
впервые
после восьмидесяти...

26.08.2019 г.

МУЗЫКА

Поразительные цветы –
на ветру – певучие:
алые, синие,
розовые, золотистые...

Вся степь поёт
песню юности!
Весь мир молодой,
все предгорья зелёные
звучат хоралом неистовым!..

Загляделись, заслушались,
не узнали, не поняли:
вся земля здесь певучая!..

30.09.2019 г.

ПОГРАНИЧЬЕ

Сердце стонет-падает,
в голове туман...
Как случилось, что добрался
до этих вот мест?..
Я ж витал на крылышках
там где ночь без дна!
Видел солнце с краешка –
сквозь зель-синь-океан...

Помавают деревья
сушь-листвой в огне.
Синь бездонна небес –
а в ней облака...
Ещё раз взлететь бы
в бездонье мне,
где весь мир под крыльями –
как в руках!..

Мне б ещё раз вырваться
под конец!
Мне б обнять просторное
на века!
Спеть на всю Вселенную –
где Отец!
И в безвестье кануть,
откуда взялся-прятался,
не жил-пел пока...

29.08.2019 г.

СТРОФЫ

В сторону Георгия Иванова

I

Трепетанье листьев необлетелых
в синеве воздушных затей,
где струится облако спелое
меж ветвей...

13.10.2019 г.

II

Спиртовая синева –
сквозь огненные листы...
Это осень –
холодный расстрельщик...

18.10.2019 г.

III

Какие дни у нас теперь стоят!..
Заляпан рыженькими листьями,
весь мир, как скромный палисад,
сияет синевой немыслимой!..

15.11.2019 г.

ПРИВЕТ, ЯПОНИЯ!

В сторону Сайге, Иссы, Токубоку

ХОККУ

Хрупкое утро.
Скрипнул дрозд
за окном...

06.07.2016 г.

ТАНКА

Шум речки свежий.
Запах трав шершавый.
Фанфара солнца сияет.
Утро жизни
осенью ранней.

07.07.2016 г.

ПЕРЕКЛИЧКА

Я послал тебе чёрную розу в бокале...
А. Блок

Зелёная роза
в стакане «Столичной» –
пьяная в дым!

27.05.2017 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Синее утро
свежим снежком
тихо скрипит
под тугим сапожком.

Солнечный шорох.
Студёный покой...
Долго же я
возвращался домой –
к солнцу сквозь сосны,
где пеночки дрожь...

Бешеный мир,
не шуми, не тревожь!

03.02.2017 г.

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Непогода. Поникли ивы.
Слёзы катятся градом вниз –
по ветвям, по плетям ленивым,
по лицу, по холстинам риз...

Еду-еду пузатой маршруткой
голубой околицей дня.
Повороты и переулки
задождённой судьбы манят...

Ах, куда бы ни мчаться нынче –
поворачивайся, держись!
Лишь бы ветер в форточку бился!
Лишь бы видеть и чуять жизнь!

02.12.2014 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЭХО

Маргарита Самойлова
Кисловодск

О ПОЭЗИИ ГЕННАДИЯ ТРОФИМОВА

Эссе

Имя Геннадия Трофимова впервые я увидела в альманахе «Литературный Кисловодск» (№ 71, сентябрь 2019 г.). С того времени внимательно прочитываю подборки его стихотворений в первом разделе Альманаха «Поэты “Зелёной горы”».

Доверительный тон поэтической речи, поиски истины, сомнения, воспоминания, размышления о путях страны... Основной мотив поэзии Г. Трофимова – любовь к жизни с её радостями и горестями, к своему Отечеству, к земле, на которой вырос, к родным и близким людям. Геннадий Евгеньевич не указывал даты создания стихотворений. Но может быть они и не важны, поскольку в каждой строке слышится и видится твёрдая жизненная позиция поэта, этический императив художника слова и строгого мыслителя.

В память о Геннадии Евгеньевиче Трофимове перечитаем вместе его стихотворения.

О детстве. Кажется, что оно было совсем недавно! Но сейчас уже не «сей век» (XX), к завершению идёт первая четверть нового, XXI века.

Клочок биографии

«Я верю: то Бог меня снегом занёс,
То вьюга меня целовала!»
Александр Блок

В начале 30-х годов сего века
В районном посёлке, как полагается,
Женщина родила человека –
Отсюда всё начинается.

Был человек тощ и криклив,
Потом закруглился и стал потише.
Рос посредине лесов и нив,
Но, безусловно, под крышей...

Навсегда запомнились ласковые руки родных.

* * *

Где вы, тётки Анны, где вы, дяди Вани,
Как живёте-можете теперь?
Наше детство с вами.
Дальше – расстояния,
И за нами плотно затворилась дверь...

Великая Отечественная война.
Мальчику девять лет.

Из ранних воспоминаний

Солнце палит 41-м годом.
Детские глаза узки.
Школа полна военным народом.
Штабные – новости рвут на куски.

Изловили немецких парашютистов.
Пятеро двоих ведут на допрос.
.....
Притащили училку – нашу немку.
Не открывала – сбили замок...
.....
Мальчишкам не надо парада, –
Все на заборе торчат...
Вскоре из-за школьной ограды
Три выстрела прозвучат.

Молодые годы. Работа. Предощущение своей поэтической судьбы.

Двадцать два мне было давно.
Хотя лет прошло и немного,
Вспоминаю о них всё равно,
Как о долгой-долгой дороге.

Из-под колёс истории
...Война оборвала корни:
Родни почти не осталось.
Меня же судьба запомнила
И поддержала малость.

Питер. Горный. И – Север.
Доверие. Рост. Загранка.
Но душа на Север подсела,
Где фарт познал спозаранку.

В стихотворении «Клочок биографии» Г. Трофимов говорит, что он смолоду
...яростно верил только одной
Судьбине своей поэтовой.

В стихотворении «Чтоб не была сажа бела» поэт вспоминает:

С младости слыл поэтом,
Известен же был – едва,
Хотя печатались где-то
Его шальные слова...

* * *

...Я творил для себя. Никого не толкал:
Ни вперёд, ни назад, ни вбок,
Ни для славы, ни для рубля,
Ни чтоб был какой-нибудь прок.

Это просто всегда кипело во мне
И выплёскивалось иногда...

Красота земли. Геннадию Евгеньевичу довелось побывать во многих уголках земли, ощутить дивную красоту природы, отразить её в своём поэтическом слове.

* * *

Восход обагрил восток.
Сосен стволы черны.
В душе пылает восторг
Отчаянной величины.

Это моя земля –
Коми щемящая боль.
Не с кем тебя равнять –
Объясниться позволь...

* * *

Нежно падает снег.
Тихо-тихо. Беззвучно.
Ветер замедлил бег –
Лишь от случая к случаю.

Снежинка коснулась лица
И испарилась тут же.
А эти спешат домерцать, –
Под фонарями кружат...

Думы о Родине. Глубокие мысли и нужные слова – в стихах Г. Трофимова о стране, о времени.

* * *

Пустозвонства Родине не надо.
Жизнь – она не митинг, не парад.
.....
Но солиден, лют и озадачен,
Прёт патриотизм дармовой.
И смеётся Родина, и плачет
Над его чугунной головой...

О светлой любви

Памяти жены
Я приду к тебе как-то вечером,
На закате последнего дня.
Что душа у меня искалечена
Не заметит даже родня.

Я такой же лысый и крепкий,
Фанфаронящий лишь слегка.
Только вот прикрываюсь кепкой
И не так уж крепка рука.

Я приду. хоть ты не просила,
Кепку сброшу и в келью сойду,
Где ты стынешь, моя красивая,
На незнамо каком холоду.

С вершины жизни

* * *

Я пёр на рожон на пределе сил,
Но осилил – немногое.

Жар-птицу искал, за ней колесил
Путаными дорогами.

От радостных мук созидания
До тягостных мук низвержения
Кидало моё сознание –
От веры к опровержению.

Причуды ль болезни роста,
Эпохи ль крутые ступени,
Ошеломившие просто
Когда-то моё поколение?

* * *

Песне конец – жизни конец.
И эти концы – бесконечны.
Сколько голов повенчал венец
Во времена быстротечные!
Скоро уйду. Вспомнят порой.
Потом потихоньку забудут.
«Первый – второй, первый – второй»...
И переклички не будет...

* * *

С годами трудно понятно писать.
Проще – писать сложно.
Слегка невнятные голоса
Понять не всегда, но можно.
С годами яснее, что всё сложней,
Чем «да» или «нет» в природе.
И правды-матки нету, ей-ей!
И не нужна она вроде...

* * *

Всё валится из рук: разруха.
И не вокруг. Не около себя. –
В самом себе. И не хватает духа
Очнуться от уменья прозябать.
«Уменье прозябать». Такое дело
Не всякому бывает по плечу:
Уже давно свеча сгорела,
И мочи нет на новую свечу.
Встряхнуться бы! Расправить плечи!
Привычно прянуть за порог
И зашагать судьбе навстречу,
Как прежде, в молодости, мог...

Уважаемый Геннадий Евгеньевич! Сердечно благодарю Вас за встречу и беседу душ!

Январь – февраль 2023 года.

Александр Кузьмин-Симахин
Ессентуки

О НОВЕЛЛАХ ПОДОЛЬСКОГО

С большим удовольствием прочитал «Мапу». Станислав Яковлевич Подольский написал еще один мастерский рассказ. Образ учительницы немецкого языка Марии Павловны Ястрежемской: «...тихая, робкая, крайне вежливая...» – воплощенная интеллигентность «дореволюционной» русской атлантиды... Неугасимым ореолом погибшей европейской культуры, скрытым источником света знания и духовности согревает эта безвестная подвижница мрачноватую, жестокую компанию школьников послевоенного времени... И явно этот светильник живой памяти озаряет всю жизнь главного героя – чрез те несколько уроков немецкого по «Маленькому Муку», данных лично ему, одиннадцатилетнему сорванцу, Мапой у неё дома в комнатке, превращенной доброй хозяйкой в волшебное пространство еще одной, не дошедшей до нас, сказки Вильгельма Гауфа...

С её благословения любовь к этому автору, к его маленькому отважному и находчивому герою, к этой стране – колыбели последних веков Романтизма, классической музыки, горной философии, поэзии на самом лиричном языке Западной Европы осталась в сердце мальчишки навсегда!..

Сила воображения, богатство памяти, живописность подробностей, сказочность, легендарность, фантастичность – вот характерные свойства прозы Станислава Подольского, из которых складывается его писательский метод: «поэтический реализм».

Взять хоть новеллы последних лет. Например, «Слугу». Актриса Грета – Смеральдина в спектакле Карло Гольдони «Слуга двух господ», «юная сирийка... стройная, миниатюрная брюнеточка с непроглядными – в пол-лица – глазищами...» в конце концов, улетает прямо из гримёрки, с разбитым сердцем от несчастной любви, в распахнутое окно, превратившись в иссиня-черную галку, – на юг, на родину, в Сирию... в Ассирию!..

Или вот такая вещь: новелла о мастере ювелирного искусства – с натурой артиста и наследственного мудреца, словно бы родного

брата славного мастера волшебных игрушек Дроссельмайера из Гофманова «Щелкунчика». Поэтичный рассказ о сотворении магической броши для золушки-принцессы по имени Надежда напоминает нам, что истинная жизнь – это сказка... Финал истории о старом ювелире, превратившем своим талантом нежную, порывистую славянскую девчонку в царевну Лебедь – прост, как всё гениальное: «Игорь Израилевич был наконец совершенно счастлив...»

Новелла «Ювелир» словно бы вступает в диалог с «Неведомым шедевром» Бальзака, утверждая такое служение художника своему призванию, когда увенчивается его жизнь-трагедия катарсисом, а не безблагодатным концом – наказанием за творчество, не адресованное человеку.

30.12.2022

Маргарита Самойлова, кандидат юридических наук

ПАМЯТИ Н.А. НЕКРАСОВА

На обложке альманаха «Литературный Кисловодск» (№ 82, январь 2023 г.) портрет Н.А. Некрасова.

Незабываемый российский поэт родился чуть более двухсот лет назад – 4 декабря 1821 года.

Мне посчастливилось в детстве слушать, а потом и самой читать его стихи.

Конец 1940-х годов, город Нижний Тагил, Свердловской области, дом моей прабабушки Шестаковой Анны Андреевны. В доме много книг, но чаще я прошу почитать мне стихи из очень толстой книги. Мне нравится и её обложка: тёмно-красная, из ткани. Если Анна Андреевна была занята домашней работой, она говорила стихотворения наизусть. Многие из них в памяти до сих пор.

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный,
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщичок обратный...

Как-то я спросила: «А почему ямщичок обратный?», и Анна Андреевна мне объяснила.

Спрашивала я и о «лаптях с подковыркою»,

Маргарита Самойлова

когда слушала стихотворение Н. Некрасова «Калистрат»:

...А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою.
Пуще мужа наряжается –
Носит лапти с подковыркою.

Всякий раз потрясало меня стихотворение «Дёмушка».

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Дёмушку –
Да поздно было звать!..

А стихотворение «Саша»!

Саше случалось знавать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слёз.
Сколько тут было кудрявых берёз!
.....
Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так после битвы во мраке ночном

Раненый стонет, зовёт, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает...

Завершающие строки поэмы долгое время были мне не очень интересны. Позднее, перечитывая «Сашу», подумала, что и я встречала героев уже своего времени с их бесконечными критическими разговорами обо всех сторонах

мирового и отечественного существования. К сожалению, такой достаточно образованный и умный человек

... Если ж за дело возьмётся – беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвёрдые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орёл...

Есть, однако, надежда на то что

... А остальное всё сделает время,
Сеет он, всё-таки, доброе семя!

Как известно, это произведение Н.А. Некрасова получило многочисленные доброжелательные отклики: И.С. Тургенев, В. Боткин, семья Аксаковых, Л.Н. Толстой...

Вспоминается зимний вечер. Моя мама пришла с работы. Первым делом, на электрической плитке надо приготовить что-нибудь на ужин, подкинуть угля в печку, всего не перечислить. А тут я: «Хочу кушать, дай кушать...» Мама говорит: «Сейчас сделаю тебе тюрю». «Тюря, – умолкаю я, – что это такое? Может быть, какое-то наказание?» Слово «тюря» кажется мне устрашающим.

Через несколько минут мама усаживает меня за стол и ставит на него тарелку с тёплой водой и размоченными в ней кусочками чёрного хлеба. Может быть, даже с сахарным песком. При этом мама приговаривает:

Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!..

Сейчас, осторожно листая страницы книги Н.А. Некрасова[1], нахожу знакомые с далёкого детства строки с рефреном (четырежды!):

– Славно жить народу
На Руси святой!

Открываю Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля: Тюря, тюра, тюрка – самая простая еда; хлеб или сухари, корки, покрошенные в воде с солью... Детская тюрка – белый хлеб в молоке, иногда с водою, с сахаром... Попутно смотрю значение упомянутых выше слов: «обратный», «лапти с подковыркою».

Интересная ссылка на Словарь В.И. Даля встретилась мне в примечании к стихотворению Н.А. Некрасова «Буря», в котором есть строки:

...Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями – прокатился гром!
.....
Без надежды, скучен прихожу в беседку.
Прихожу и вижу – Любушку соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

«...П.Ф. Якубович указывал на «недосмотр» поэта в строке: «Промочила ножки и хоть выжми шубку!» Откуда взялась шубка, если речь идёт о летней грозе?»

В примечании сказано: «Придирка Якубовича была неосновательна, так как шубкою в центральных губерниях зовут сарафан (см. "Толковый словарь" Даля)».

Смотрю: среди многих значений слова «шубка» есть и такое – «...шубкою зовут сарафан».

Хорошо ещё в детстве, юности услышать некрасовскую стихотворную речь. В 1921 году Валерий Брюсов вспоминал: «Некрасов был первым поэтом, которого я узнал в жизни. И в течение всего своего раннего детства я привык смотреть на Н.А. Некрасова как на тип, как на идеал поэта».[2]

А.Т. Твардовский писал о книге Н.А. Некрасова, попавшей к нему в детские годы, как о самой дорогой, «заветной» книге.

Мне посчастливилось учиться на юридическом факультете Ленинградского государственного университета. Помню ленинградские проспекты, набережные, мосты... Я бродила по ним, вдыхая влажный туманный воздух. И сейчас

---

[1] Некрасов Н.А. Сочинения. Редакция; Биографический очерк и Примечания Корнея Чуковского. Вступительная статья В. Кирпотина. Ленинград. Государственное издательство «Художественная литература». 1937 г. – 611 стр. Илл. Далее – Некрасов Н.А. Сочинения.

[2] Брюсов В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. Т. VI. Статьи и рецензии 1893 – 1924. «Далёкие и близкие». Ст. и составл. Д.Е. Максимова. Подгот. текстов и примеч. Д.Е. Максимова и Помирчего. М., «Художж. лит.», 1975. С. 600. Далее – Брюсов В. Собр. соч.

не просто читаю, но чувствую каждое слово Н. Некрасова о Петербурге:

Твой день больной, твой ветер мглистый,
Туманный, медленный рассвет...

Цикл стихотворений «О погоде», раздел II «До сумерек»:

...Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепёшками крупными валится!
Город начал пустеть – и пора!

Раздел III «Сумерки»:

...И вся роскошь столицы – ничто.
Надо всем, что ни есть:
над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать
из столицы стремглав) –
Надо всем распростёрся туман
Душный, стройный, угрюмый, гнилой...

В статье «Н.А. Некрасов как поэт города» (1912 г.) В. Брюсов подчеркнул: «После Пушкина Достоевский и Некрасов – первые у нас поэты города, не побоявшиеся и сумевшие обратить в художественные создания то, что предшествующему поколению романтиков казалось «поэтичным». Это значение Некрасова не должно быть забыто в общей оценке его творчества».[3]

Прошли годы. После смерти моей прабабушки её дом был продан, часть вещей, в том числе и упомянутая книга стихотворений Н.А. Некрасова, перешла к моей матери.

После её смерти в 2006 году я увезла эту книгу в Тверь, где я в то время жила и работала, а в 2014 году – в Кисловодск. Таким образом, я не расстаюсь с дорогим для меня томом произведений Н.А. Некрасова всю свою сознательную жизнь.

Работая над своими заметками о творчестве Н.А. Некрасова, я прочитываю не только тексты отдельных стихотворений, но и примечания к ним в упомянутом собрании сочинений поэта.

Так, относительно стихотворения «Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)», в частности, говорится: «Весною 1848 г. Фаддей Булгарин представил в Третье отделение донос, где между прочим писал,имея в виду «Колыбельную песню», «В дороге» и другие стихотворения Некрасова: «Некрасов самый отчаянный коммунист: стоит прочесть стихи его и прозу в С.-Петербургском альманахе, чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции»».[4]

«Цензура последовательно запрещала «Колыбельную песню» при каждом новом издании стихотворений Некрасова – и в 1860, и в 1863, и в 1864 гг. ... Лишь в 1868 г. «Колыбельная могла снова появиться в печати, – через 22 года после того, как она была написана!»[5]

Интересны история создания стихотворения «Филантроп» и соответствующие к нему примечания.

«В 1846 г., по мысли писателя графа В.А. Сологуба, в петербургских великосветских кругах возникло благотворительное «Общество посещения бедных». Попечителем общества был герцог Лейхтенбергский, председателем – князь В.Ф. Одоевский, среди членов было немало великих князей, в том числе наследник престола, будущий Александр II».[6] После опубликования стихотворения «Филантроп» в нём усмотрели явную насмешку над В. Одоевским.

...Вдруг – известье незабвенное! –
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное
Благородное лицо;
Муж, которому подобного
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски-незлобного
И умнейшей головы...

Явившийся к генералу проситель разволновался так, что его приняли за пьяного, вывели из кабинета... Заключительные строки:

Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист – так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить…

[3] *Брюсов В. Собр. соч. Т. VI. С. 188*

[4] *Некрасов Н.А. Сочинения. С. 494*

[5] *Там же*

[6] *Там же, с. 505*

Н.А. Некрасов в письме к князю Одоевскому уверил, что прообразом для «Филантропа» послужил известный писатель В.И. Даль, который «...однажды, лет десять назад, когда Некрасов пришёл к нему по делу, принял усталого поэта за пьяного».[7] При этом Н.А. Некрасов поясняет, что он и Даля в своём стихотворении не изображал, а вывел черту современного общества.

В то же время в Примечаниях говорится: «В «Современнике» и в первом издании был куплет, несомненно изображающий Даля:

В русском духе, молодецкая,
Как по маслу речь текла,
Хоть фамилия немецкая
У особы той была...» [8]

По требованию цензуры Н.А. Некрасов неоднократно вносил изменения в стихотворение «Филантроп».

Вспомнилось, что описание обстоятельств, связанных со стихотворением «Филантроп», встречалось мне в книге о жизни и творчестве В.И. Даля.

«С Невского проспекта – на площадь Александринского театра (которому едва десять лет минуло), мимо Публичной библиотеки, туда, глубже, за театр, к дому министерства внутренних дел, – и ещё девяносто ступеней вверх: квартира чиновника особых поручений при министерстве Владимира Ивановича Даля».[9]

...Однажды эти девяносто ступеней одолел молодой Некрасов – он составлял тогда «Петербургский сборник» и пришёл к Далю просить статьи. «Я очень запыхался и, может быть, сконфузился.

Я был тогда начинающий. Даль мне в просьбе моей отказал; а через несколько дней сказал Тургеневу: «Что за человек Некрасов? Он пришёл ко мне пьяный?» и проч... Я не был ни пьян, ни голоден, это меня заставило подумать, как Даль дошёл до такого заключения обо мне, – вышло стихотворение «Филантроп».[10]

Сомневалась, надо ли мне цитировать явно несправедливые мнения двух современников Н.А. Некрасова.

В.Я. Брюсов, анализируя творческую деятельность А.А. Фета, его суждений о вдохновении, интуиции, прозрении, пишет: «Здесь та абсолютная свобода, которую имел в виду Фет, когда говорил «псевдопоэту» (т.е. Н.А. Некрасову):

Ты слова гордого – свобода
Ни разу сердцем не постиг! –

и когда о себе и о художниках, подобных себе, восклицал:

Кляните нас: нам дорога свобода!»[11]

В статье «Анкета о Некрасове» В. Брюсов говорит: «Слова Тургенева, что в стихах Некрасова «её-то, поэзии-то и нет ни на грош», грубая несправедливость».[12]

Нежность и печаль, страдание и сострадание чувствуются в стихах поэта, посвящённых любимой женщине: «Я не люблю иронии твоей...»; «Да, наша жизнь текла мятежно...»; «Мы с тобой бестолковые люди...»; «О, письма женщины, нам милой!..»; «Давно отвергнутый тобою...»; «Письма»...

Несколько стихотворений обращены к другой женщине и имеют одинаковое название – «Зине». В примечании к стихотворению «Зине» (Ты ещё на жизнь имеешь право) сказано, что настоящее имя Зины – Фёкла Онисимовна Викторова. Некрасов обвенчался с ней уже на смертном одре.

Стихотворение «Дедушка», как указано в скобках, посвящается «З-н-ч-е». В примечании к нему поясняется: «В журнале и в издании 1873 г. был подзаголовок: «Посвящается З-н-ч-е», т.е. Зиночке, жене поэта, Зинаиде Николаевне. Мы сохраняем это посвящение в нашем издании, так как оно было своевольно исключено после смерти поэта его сестрой, не любившей Зинаиды Николаевны...»[13]

В примечании к стихотворению «Зине» (Пододвинь перо, бумагу, книги!) жена поэта названа Зинаида Николаевна.

«Зине»
Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слыхал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

---

[7] Там же.С. 505
[8] Там же. С. 505
[9] Порудоминский В.И. Даль. М., «Молодая гвардия», 1971. 384 с., с илл. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 17 (505). С. 233
[10] Порудоминский В.И. Указ. соч. С. 234
[11] Брюсов В. А.А. Фет. Искусство или жизнь. Собр. соч. Т. VI. С. 212
[12] Брюсов В. Собр. соч. Т. VI. С. 74
[13] Некрасов Н.А. Сочинения. С. 553

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина –
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!
13 февраля

Это стихотворение создано за несколько месяцев до смерти поэта: он умер 27 декабря 1877 года (по новому стилю 8 января 1878 года). Речь над могилой говорил Фёдор Михайлович Достоевский...

НАШ ВЕРНИСАЖ

Станислав Чугай

* * *

За землю и воду, за время на свете,
За всё что отпущено нам на Земле,
Спасибо большое Зелёной Планете!
Ещё мы не знаем, что ждёт нас во мгле…

Своей колыбели покинем пределы,
Пред нами лежит этот мир в голубом…
Но мы корабелы, отважны и смелы,
Преступим порог, оглядимся кругом!

Мы копья ломаем, и луки, и стрелы,
В себе разобраться мы можем с трудом!
Мы космоса дети, ещё мы незрелы:
Раздоры терзают наш мир и наш дом!

Мы не понимаем, что сила в единстве,
А в разности – счастье, и мир, и любовь!
Я верю, наш разум
(при всём нашем свинстве)
Всё даст – хлеб насущный, и воду, и кров!

01.03.2023

Николай Некрасов

* * *

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,-
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.
И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна…
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!
Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!
Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.
Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит…
По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.
Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!»
Твердят мужики меж собой.
В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, – спасет;
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!..

Предлагаем вниманию читателей
книги Ст. Подольского:

	Название	Цена	Пересылка
1	“Облачный стрелок”, роман о разведчике	500 руб.	150 руб.
2	“Житие незнаменитого человека”, повести и рассказы	350 руб.	150 руб.
3	“Борис Пастернак”, жизнь и творения	200 руб.	100 руб.
4	“Зелёная провинция”, свободные стихи	300 руб.	100 руб.
5	“Жгучий транзит”, избранные стихотворения	400 руб.	100 руб.
6	“Подземная река”, избранные стихотворения	400 руб.	150 руб.
7	“Азъ есмь”, ранняя лирика	300 руб.	100 руб.
8	“Стекляшки”, книга лирических миниатюр	300 руб.	100 руб.
9	“Записки на песке”, дневник писателя	350 руб.	100 руб.
10	“Пещерный век”, избранная проза	500 руб.	150 руб.
11	“Весна на улице”, стихи для подростков	300 руб.	100 руб.
12	“Седьмое чувство”, рассказы, новеллы	500 руб.	150 руб.
13	“Весенняя мастерская”, стихотворения	450 руб.	150 руб.
14	"Времена души", стихотворения	350 руб.	100 руб.
15	"След тигра", свободные стихи	500 руб.	150 руб.
16	"Тексты. Кавказ – Колыма", стихи	400 руб.	150 руб.
17	"Бездомная молния", стихи	400 руб.	150 руб.
18	"Стихотворения предпоследних лет"	400 руб.	150 руб.

Заявки, оплату и отзывы присылать на имя автора по адресу:
357748, Кисловодск, ул. Чайковского, 11, кв. 2.